

Международная
безопасность

Нераспространение
оружия массового
уничтожения

Контроль над
вооружениями

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 3, 2005

Журнал ПИР-Центра политических исследований

Константин Косачев

**РОССИЯ НЕ ДОЛЖНА ЗАМЫКАТЬСЯ
НА ВЫСТРАИВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО С СЕГОДНЯШНИМИ
ЦЕНТРАМИ СИЛЫ**

Джордж Банн,
Роланд Тимербаев

**ПРАВО ВЫХОДА ИЗ ДНЯО: МНЕНИЕ ДВУХ
УЧАСТНИКОВ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ВЫРАБОТКЕ
ДОГОВОРА**

Александр Савельев

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В XXI ВЕКЕ**

Екатерина Шадрина

**«ВТОРАЯ ЛИНИЯ ЗАЩИТЫ»: РЕЗУЛЬТАТЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЗОНЕ
ДЕЙСТВИЯ АСТРАХАНСКОЙ ТАМОЖНИ**

Александр Рабодзей

**УГРОЗА БИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА:
РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Non multa, sed multum

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 3 (77), Том 11
Осень 2005**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Сергей Э. Приходько
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков

ISSN 1026-9878

PIR CENTER
Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР
Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Учредитель

ПИР-Центр политических исследований:

Александр В. Булычев, координатор проекта «Глобальное партнерство», младший научный сотрудник
Екатерина А. Вотиановская, координатор образовательных проектов
Владимир З. Дворкин, генерал-майор, консультант
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Виктория А. Иванова, секретарь
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Программы по обычным вооружениям
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Анастасия М. Лагута, координатор Программы по обычным вооружениям
Надежда Б. Логутова, координатор информационного проекта, младший научный сотрудник
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Надежда В. Медведева, помощник директора
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Сергей В. Понамарев, стажер
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Екатерина Е. Сорока, координатор по связям с общественностью, стажер
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра, директор образовательных проектов
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

Издатель

ООО «Триалог»

№ 3 (77), Том 11
Осень 2005

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Антон В. Хлопков, вр.и.о. выпускающего редактора
[khopkov@pircenter.org]
Надежда Б. Логутова, корреспондент
[logutova@pircenter.org]
Александр В. Булычев, корреспондент
[bulychhev@pircenter.org]
Юлия Ю. Таранова, технический редактор
Наталья С. Маркарова, литературный редактор
Маргарита М. Крючкова, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 11/13, стр. 1, офис 025
Редакция *Ядерного Контроля*
Телефон редакции:
+7-095-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-095-234-9558

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Фонда Форда, Корпорации Карнеги Нью-Йорка

Подписка и распространение (подробнее см. с. 177)

В России:

- «Роспечать». Подписной индекс в каталоге – 79280
- «Триалог». Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный купон вместе с квитанцией об оплате направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог», тел.: +7-095-764-9896; <http://www.trialogue.ru>

За рубежом:

- East View Publications, Представительство в России, тел.: +7-095-777-6558; факс: +7-095-318-0881; <http://www.eastview.com>

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 14 октября 2005 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2005

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- 7 **Время переосмыслить подходы к «войне с терроризмом»** – Прошло четыре года с момента масштабных террористических актов в США, и стало ясно, что примитивное понимание истоков, а главное, методов борьбы с язвой терроризма нужных результатов не дает. Несмотря на отдельные успехи, «война с терроризмом» не смотрится как работающая доктрина. Нет сомнения, что силовой компонент играет важную роль, но, в конечном итоге, нейтрализацию этого жестокого и крайне опасного явления сможет обеспечить лишь сочетание идеологических, социально-экономических и силовых методов. И только этот путь приведет к реальному оздоровлению международной безопасности.

ИНТЕРВЬЮ

- 11 **Константин Косачев: «Россия не должна замыкаться на выстраивание взаимосвязей исключительно с сегодняшними центрами силы»** – Каковы приоритеты внешней политики Российской Федерации, каким образом должна формироваться политика России на постсоветском пространстве, от каких факторов зависит российско-американская повестка дня, – на эти и другие вопросы главного редактора журнала Владимира Орлова отвечает председатель Комитета по международным делам Государственной думы ФС РФ К.И. Косачев.
- 21 **Виктор Мурогов: «Россия “обречена” на развитие ядерной энергетики»** – О перспективах ядерной энергетики в мире, как стабилизирующем факторе энергетического и социально-политического развития, и о роли российских технологий в этом процессе в интервью корреспонденту журнала Надежде Логутовой рассказывает бывший заместитель Генерального директора МАГАТЭ В.М. Мурогов. Сегодня, по мнению известного российского эксперта, Россия стоит перед острой необходимостью разработки и внедрения технологических инноваций, обеспечивающих долговременное и масштабное развитие ядерной энергетики страны.

- 31 **Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора – Джордж Банн, Роланд Тимербаев** – Почему положение, ограничивающее право выхода из Договора о нераспространении ядерного оружия было включено в текст этого документа? Какие полномочия оно дает участникам ДНЯО и Совету Безопасности для решения проблемы выхода из него Северной Кореи или Ирана, либо какого-то другого участника? Эти и другие вопросы рассматриваются в совместной работе «соавторов» Договора.
- 45 **К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности России в XXI веке – Александр Савельев** – Отсутствие в настоящее время широкомасштабных и реальных угроз безопасности России отнюдь не освобождает руководство страны от ответственности «не забывать о войне», включая выработку и совершенствование планов применения ядерных сил на случай их возникновения. Рассматривая варианты действий руководства страны в кризисной ситуации, связанной с возможностью применения ядерного оружия, которые предусмотрены официально утвержденными положениями, стратегиями и доктринами, автор предлагает ряд других мер, направленных на предотвращение перерастания такого кризиса в более серьезный конфликт.
- 57 **Перспективы ядерной политики США после администрации Дж. Буша – Николай Соков** – Эволюция ядерной политики США продолжает привлекать пристальное внимание в мире. По мнению автора, на самом деле, практические шаги, предпринятые в последние годы, весьма скромны (по крайней мере, по масштабам бюджетных запросов), да и они сталкиваются с серьезным сопротивлением и в Конгрессе США, и с противодействием со стороны политической и экспертной элиты. Таким образом, можно говорить, что мировое сообщество реагирует не столько на реальные шаги, сколько на собственные ожидания в отношении будущего направления развития американской политики.
- 69 **Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ: взгляд из России – Марат Бердыев, Мария Прохорова** – В статье анализируются различные аспекты ИБОР – инициативы президента США Дж. Буша по перехвату и досмотру морского транспорта, перевозящего подозрительные грузы, которые могут использоваться для производства ОМУ, включая соответствие инициативы международному праву. Авторы рассматривают причины, обусловившие присоединение России к этой инициативе, а также моделируют возможные последствия этого шага для России.
- 79 **Информационная безопасность и глобализация – Александр Федоров** – Переход к «информационному обществу» приводит не только к экономическому росту, созданию общемировых производств и повышению средств противодействия «новым вызовам», но и к расширению возможности использования методов экономического и военного информационного противоборства и средств информационной войны в экономической и политической сфере. Автор рассматривает вопросы обеспечения безопасности

глобального общества через призму решения проблемы международной информационной безопасности.

П О Л Е М И К А

- 87 **Угроза биологического терроризма: роль средств массовой информации – Александр Рабодзей** – Информация о биотерроризме основана на небольшом количестве фактов и сильно поляризована из-за интересов различных групп. Как следствие, многие материалы об опасности биотерроризма отражают предвзятую точку зрения и искажают факты в силу приведенных выше причин. Угроза биотерроризма, подпитываемая искаженной информацией, становится все более реальной из-за созданного вокруг нее ажиотажа и предсказываемых последствий для общества.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 95 **Конференция по рассмотрению действия ДНЯО: в поисках консенсуса – Уильям Поттер** – Обзорная Конференция по ДНЯО, проходившая в мае 2005 г. в Нью-Йорке, завершилась провалом, оказавшись неспособной принять заключительный документ. Однако даже несмотря на пессимистические прогнозы относительно результатов Конференции накануне ее открытия, для автора неожиданностью стал уровень разногласий внутри многих основных политических группировок и энергия, с которой одна из стран-участниц старалась заблокировать почти каждую попытку достичь консенсуса, как по процедурным, так и по субстантивным вопросам.
- 105 **Результаты Обзорной Конференции по ДНЯО и ядерная политика Пакистана – Масуд Хан** – Пакистан не является членом Договора о нераспространении ядерного оружия и не был представлен на Обзорной конференции по ДНЯО. Однако фиаско Конференции заставляет экспертное сообщество ее раз вернуться к причинам зарождения и смыслу существования ядерной программы Пакистана, видению официальным Исламабадом архитектуры безопасности современной Южной Азии и перспектив международного режима ядерного нераспространения.

О Б З О Р

- 113 **Гражданский контроль над Вооруженными Силами в России: история и перспективы – Юрий Назаркин** – Наличие гражданского контроля над деятельностью военной организации государства является не только обязательным компонентом демократического государства, но и необходимым условием повышения ее эффективности и боеспособности вооруженных сил. Известный российский дипломат рассматривает, какие принципы осуществления контроля над вооруженными силами существуют в современной России.
- 127 **Вторая линия защиты: результаты международного сотрудничества в зоне действия Астраханской таможни – Екатерина Шадрина** – Важная роль в укреплении контроля над перемещением ядерных и радиоактивных материалов через российские пограничные рубежи принадлежит международной программе «Вторая линия за-

щиты». Автор рассматривает механизмы противодействия угрозе незаконного трансграничного перемещения чувствительных материалов на примере реализации программы на Астраханской таможне.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 145 **Деидеологизированная дипломатия: опыт советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений – Алексей Обухов** – В период «холодной войны» существовала сфера дипломатии, в рамках которой задолго до перестроечных откровений прагматизм и деидеологизация осуществлялись на практике – без особого шума и рекламы, а в силу обстоятельств и оттого, что иначе – было нельзя. О переговорах между СССР и США по ядерным вооружениям, которые были своего рода испытательным полигоном деидеологизированной дипломатии, вспоминает один участник тех событий.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 157 **Запах страха, запах пыли... – Владимир Орлов** – Вниманию читателей предлагается рецензия на книги Осне Сейерстад о двух центральных событиях последней политической пятилетки: разгроме режима талибан в Афганистане и об американском вторжении в Ирак. В книгах этого автора нет глубокомысленного политического анализа истоков и следствий, не видно столкновений геополитических интересов. *Багдадский Дневник* и *Кабульский Книготорговец* пера норвежской журналистки рассматривают демократизацию Афганистана и Ирака через голоса, лица, мысли простых, маленьких людей, которых «накрыла» война.
- 163 **Книжные новинки – Даниил Кобяков** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

S U M M A R Y

О Б А В Т О Р А Х

ЭКСПЕРТНО - КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

О П О Д П И С К Е

ВЕСТНИК ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

- после с. 112 ПИР-Центр и журнал «Ядерный Контроль» публикуют очередную выпуск бюллетеня, посвященного реализации программы Глобального партнерства в России. В номере представлены: эксклюзивный репортаж с саммита «Большой восьмерки» в Глениглсе, последние данные о финансировании программы, новости о ходе практической реализации Глобального партнерства. В преддверии председательства России в «Большой восьмерке» читателям предлагается специальный раздел, посвященный этому событию.

11 сентября 2001 г. – Нью-Йорк, 1–3 сентября 2004 г. – Беслан, 7 июля 2005 г. – Лондон – это только самые крупные вехи в деятельности террористических группировок. Тысячи мелких террористических актов уже не воспринимаются как нечто выходящее за рамки нормального существования многих стран и народов.

Несмотря на отдельные успехи, «война с терроризмом» не смотрится как работающая доктрина. Под впечатлением трагического теракта в Нью-Йорке и солидаризовавшись с американским народом, мировое сообщество дало карт-бланш Вашингтону, поверив в его силу и способность принимать хорошо просчитанные и объективные решения в интересах всех тех, кто страдает от проявлений и последствий терроризма. Это относится и к решению России поддержать США одной из первых и даже пойти на большой геополитический риск, согласившись с размещением американских военных баз в Центральной Азии.

Сегодня становится ясно, что ожидания оказались преувеличенными. Характерные для американского подхода «двойные стандарты», в том числе в отношениях с партнерами и даже союзниками, оказались весьма живучи. То, что другим казалось таким же патентованным проявлением терроризма, как и «найн-илэвэн», для узкоэгоистических устремлений американской политической элиты вовсе таковым не было. Более яркого примера, чем ее лицемерное отношение к бесланской трагедии, трудно найти. Как впоследствии выяснилось, «вулканы» (так называет группу ближайших сподвижников президента Дж. Буша-мл. известный политический журналист Дж. Манн) предпочли взвешенному подходу к противодействию терроризму стратегию максимального силового военного давления по всему миру (это именно они выковали термин «война с терроризмом»), попутно решая под предлогом «войны с терроризмом» своекорыстные задачи, как это было с нападением на Ирак. В результате благородное дело искоренения терроризма оказалось скомпрометированным и стало терять общественную поддержку среди населения тех стран, откуда эти самые террористы черпают своих сторонников.

Прошло четыре года, и стало ясно, что примитивное понимание истоков, а главное, методов борьбы с язвой терроризма нужных результатов не дает. Нет сомнения, что силовой компонент играет важную роль, но в конечном итоге нейтрализацию этого жестокого и крайне опасного явления сможет обеспечить лишь сочетание идеологических, социально-экономических и силовых методов. И только этот путь приведет к решительному оздоровлению международной безопасности. Когда произошли известные июльские события, это сразу хорошо поняли в Лондоне. Одной из первых встреч Т. Блэра после терактов была встреча со служителями исламского культа в Великобритании. Красноречивым подтверждением идеологического аспекта проблемы явилось также решение об экстрадиции домой, в Иорданию, неистового пропагандиста исламского экстремизма популярного клирика Абу Катада. Более того, недавно посол Великобритании в России заявил, что Лондон готов выдать Москве и А. Закаева, если будут представлены доказательства его причастности к терроризму.

Да и в Вашингтоне, наконец-то, начинают кое-что понимать. Не случайно столь милый сердцу ястребов лозунг «война с терроризмом» тихо исчезает из лексикона тамошних политиков. Даже руководящие работники Пентагона, по определению и бюджетным интересам нацеленные на военные методы борьбы, стали признавать, что «идет схватка идей и она продлится долго». Теперь фокус борьбы переносится на идеологическое противодействие «насильственному экстремизму», прежде всего связанному на данном этапе в основном с крайними течениями в исламе (но только исламом дело не ограничивается).

Вопрос об идеологической составляющей исламского экстремизма подметил еще в самом конце 70-х г. прошлого века не кто иной как Ю.В. Андропов. Мы понимаем, что сейчас не модно вспоминать советские времена, но тем не менее процитируем его слова: «мусульманская реакция пытается создать единую религиозную философию для сотен миллионов людей [...]. Если бы это удалось, то это была бы вторая, после марксизма-ленинизма, идеологическая основа не только (и не столько) для веры, сколько для конкретных действий...».

Часто – умышленно или неумышленно – пытаются поставить знак равенства между исламским фундаментализмом и исламским экстремизмом. Исламский фундаментализм ничем не отличается от иудейского или христианского – он проповедует сохранение моральных ценностей в общественной жизни, поддержание религиозных традиций в быту и т.п. А лидеры исламского экстремизма жестко проводят линию на продвижение насильственным образом в сознание мусульман и практическую реализацию идеи «исламского халифата», т.е. внедрение силой весьма сомнительной модели исламского государства. Нужно признать, что ход развития исламского общества, в конечном итоге, будет зависеть не столько от деятельности вновь созданного «специального корпуса поддержки новых демократий», о чем объявил в мае 2005 г. президент Буш, а от того, сможет ли исламский фундаментализм, как считает академик Е.М. Примаков, отторгнуть от себя религиозно-политических экстремистов, вернуть себе влияние на мусульманские массы («умму») и перейти в исламскую демократию, основанную на традиционных ценностях. Но следует быть готовым и принять тот факт, что такая демократия будет отличаться от западноевропейской или американской модели.

Это, пожалуй, единственный разумный путь. По мнению многих экспертов, то, что сейчас называют часто «алькаидизмом», пока охватило только крошечное меньшинство среди 1,3-миллиардной паствы различных направлений исламской религии, но наметилась некоторая тенденция маргинализации умеренных сил в исламском обществе. А ведь это те группировки, которые, несмотря на их подчас неприемлемые установки, могли бы стать реальными партнерами мирового сообщества по политическому диалогу в нормализации ситуации в ряде конфликтных регионов мира. Но для этого необходимо преодолеть распространенное представление об исламе в целом как о религии чрезвычайно агрессивной и проблемной по своей естественной сущности, перестать огульно тиражировать идеи неизбежного «конфликта цивилизаций». (Так ведь, в конце концов, можно экстраполировать теорию Хантингтона и на православную Россию.) Тем более, что в планетарном масштабе политико-религиозный кризис и, как следствие, религиозный экстремизм и то, что называется «джихад», все-таки идут постепенно на убыль. Значительная часть исламского мира уже вступила на путь умиротворения, особенно там, где улучшаются социально-экономические условия, растет уровень грамотности и т.п.

Среди политологов и правительственных экспертов продолжается дискуссия о том, существует ли глобальная сеть «Аль-Каиды», способная наносить мощные удары и поддерживать в ряде районов мира длительную, хотя и вялотекущую борьбу. Некоторые считают, что даже после военного поражения талибов и «Аль-Каиды» в Афганистане Бен Ладен располагает мощной террористической сетью, организующей теракты по всему миру. Другие же сводят это явление к некоему политическому брэндю, т.е. узнаваемой торговой марке, не имеющей реального содержания и силы.

Думается, что истина находится где-то посередине. «Аль-Каида», несмотря на тяжелые потери в численном составе и руководящем звене, сохранила и даже, возможно, несколько восстановила свои силы. Однако на данном этапе это скорее не хорошо скоординированная боевая организация с широко разветвленной сетью по всему миру, а своего рода идеологический центр, старающийся через оглашение своих фетв и других посланий к сочувствующим и участникам других террористических и экстремистских группировок поддерживать свое реноме и ориентировать их на поддержку общей линии в борьбе против Запада и вообще против «крестоносцев», против «неверных», угнетающих мусульман где бы то ни было, против властных структур, особенно светского плана, в самом исламском мире и зачастую определяющий приоритетность целей для проведения конкретных террористических атак. Эта радикальная экстремистская идеология все еще встречает отклик среди той части верующих, которые ведут нищенский образ жизни и отвергают бесцеремонное и грубое внедрение чужеродных им ценностей в их традиционный уклад жизни, что позволяет наращивать вербовку сторонников, из которых воспитываются участники «джихада» и шахиды за дело ислама. Но не надо быть наивными – многое здесь замешено на деньгах (недаром большинство руководителей и известных террористов-боевиков – выходцы из богатых или, по крайней мере, обеспеченных семей в Саудовской Аравии, Египте, Иордании), и хорошо известно, из каких источников черпаются огромные средства, например, на деятельность ваххабитских медресе в Пакистане, на создание сети Интернет-кафе при мечетях на Балканах и т.п.

Во всем мире растут расходы на борьбу с терроризмом и укрепление безопасности. Россия в 2006 г. потратит на эти цели в общей сложности 10 млрд рублей (в 2005 г. 2,2 млрд.). И для нас также при этом никоим образом не снимается задача проведения такой социальной политики и идеологической линии, которые бы – в дополнение к усилиям в силовой сфере – позволяли сужать базу поддержки террористов со стороны отдельных слоев мусульманской общины, прежде всего, на Северном Кавказе. Перед всем миром стоит задача найти эффективные методы и способы для того, чтобы отрезать непримиримых боевиков и их идеологов, с которыми невозможно вести переговоры, от местного населения.

Россия приступает к своему председательству в «восьмерке». Учитывая позитивные моменты в переосмыслении подходов в борьбе мирового сообщества против терроризма, Россия, сама так тяжело пострадавшая от терроризма, могла бы предложить согласованную с другими обновленную программу для преодоления терроризма.

Вышла в свет монография ПИР-Центра

БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ: история, применение, угроза распространения и перспективы развития

Парадигма оружия массового уничтожения в XX веке претерпела серьезные изменения. Было запрещено и уничтожается химическое и бактериологическое оружие. Многие видные ученые считают, что логика современного технологического развития постепенно и непременно приведет в XXI веке к отходу и от ядерного оружия. Со временем высокоточное оружие (ВТО), как оружие сегодняшних «войн малой интенсивности», сможет решать стратегические задачи на любом театре военных действий.

Уже в наши дни сопряжение информационно-разведывательных технологий с высокоточным оружием ближнего и дальнего боя позволяет сокрушать даже хорошо оснащенного противника не входя с ним в прямое соприкосновение. Удар таким оружием по атомным электростанциям, крупным топливно-энергетическим объектам, химическим и биологическим производствам неизбежно приведет к «неприемлемым потерям». ВТО обладает контрсилowym потенциалом, то есть, – может угрожать стратегическим объектам, включая и объекты Стратегических ядерных сил, а с другой стороны – оно может стать средством проведения масштабного террористического воздействия.

Одной из мер противодействия угрозе беспилотных летательных аппаратов (БЛА) должно стать ужесточение контроля над распространением собственно БЛА и их технологий. Чтобы выработать действенные меры контроля, необходимо представлять: что же такое БЛА? Между тем у специалистов и экспертов до сих пор нет единого подхода к определению БЛА.

Авторы монографии рассказывают об угрозах, рожденных массовым внедрением БЛА, в том числе, с которыми Россия может столкнуться уже в ближайшее время, приводят прогноз развития беспилотных крылатых ударных средств как фактор, влияющий на степень военной угрозы России.

Книга открывается предисловием командующего Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковника Н.Е. **Соловцова** и генерального директора корпорации «Тактическое ракетное вооружение» д.т.н. Б.В. **Обносова**.

Авторы монографии: старший советник ПИР-Центра генерал-лейтенант (в отставке) Г.М. **Евстафьев**, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ к.в.н. И.К. **Макаренко**, профессор Академии военных наук к.в.н. М.И. **Павлушенко**.

Издание предназначено для специалистов и широкого круга читателей, включая представителей дипломатического корпуса, военных экспертов, ученых, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Заявки на приобретение монографии следует направлять в Компанию *Триалог* по тел. +7 (095) 764-9896, e-mail: info@trialogue.ru, <http://www.trialogue.ru>

Председатель Комитета по международным делам Государственной Думы ФС РФ К.И. Косачев ответил на вопросы главного редактора журнала В.А. Орлова¹.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Константин Иосифович, вы почти 15 лет проработали во внешнеполитическом ведомстве России (СССР), более пяти лет занимаете руководящие посты в Комитете по международным делам Государственной Думы ФС РФ, неизменно находясь в гуще внешнеполитических событий страны. Каким образом, на ваш взгляд, трансформировалась внешняя политика России за этот период? Каковы основные факторы, повлиявшие на эти изменения?

КОСАЧЕВ: Существует три главных фактора, определяющих курс внешней политики государства: интересы, возможности и международная обстановка (ее оценка теми, кто определяет внешнюю политику). Внешняя политика любого государства нацелена, прежде всего, на реализацию национальных интересов, и Россия как при президенте Путине, так и при его предшественнике, не исключение. Другое дело, что сами интересы эти могут пониматься по-разному.

Возможности же страны на разных этапах существенно отличались. Поэтому можно с большой степенью условности и со многими оговорками говорить о трех этапах в нашей международной политике: «ельцинско-kozyревский» – слабая Россия, зависимая внешняя политика; «ельцинско-примаковский» – слабая Россия, независимая внешняя политика; современный этап, ассоциируемый непосредственно с президентом Путиным, – сильная Россия, независимая внешняя политика.

Наконец, глобальная и региональная обстановка за эти годы менялась весьма радикально. Корректировались и оценки реалий. Например, явно завышенные обязательства, принятые Россией перед ЕС в начале-середине 1990 гг., опирались на излишне оптимистичные, романтические оценки; сегодня также явно происходит корректировка взглядов на ситуацию на постсоветском пространстве.

Проблема еще и в том, что у нас до конца так и не сложился реальный внешнеполитический механизм, который бы включал в себя и международную политику ветвей и органов власти: самого президента, исполнительной (МИД и другие министерства и ведомства), законодательной (парламентская дипломатия) и региональных властей, Совета безопасности, и научно-экспертные «мозговые центры», и внешние усилия отечественного бизнеса, деятельность НПО и т.д. Здесь нужна не жесткая иерархическая структура, но элементарная координация, которая есть во всех странах.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каковы приоритеты нынешней российской внешней политики?

КОСАЧЕВ: У внешней политики России сейчас, на мой взгляд, три приоритета. Первый, как это ни банально прозвучит, – все-таки государства бывшего СССР. Второй – Европа, Европейский Союз. Третий – набирающая мощь Азия, а именно КНР, Индия, а также Япония и, безусловно, Республика Корея, а в перспективе – единое государство на Корейском полуострове. Кто-то может спросить: а где же в этом списке приоритетов США? Вне всяких сомнений, отношения с США для России важны. Существуют сегодня две основные темы, одинаково важные как для США, так и для России: это борьба с терроризмом и нераспространение ОМУ. Мы плодотворно совместно работаем над решением проблем, связанных с указанной тематикой. Однако, по большому счету, этим наши отношения и исчерпываются. Ничего нового, весомого в повестке дня двухстороннего стратегического или же финансово-экономического диалога не прорисовывается.

РОССИЯ–СНГ

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы упомянули о корректировке подходов к взаимодействию России со странами на пространстве СНГ. Каковы побудительные мотивы этих действий для нынешнего российского руководства? Каким образом будет трансформироваться политика страны на этом направлении?

КОСАЧЕВ: Пересмотр политики России на постсоветском пространстве назрел, хотя президент Путин еще в июле прошлого года предупреждал, что у России нет монополии на действия на этом пространстве. При этом, однако, прямолинейная мобилизационная политика России выгодна более всего тем, кто «набивает» себе цену в диалоге и с Западом, например при вступлении в ЕС, и с Россией (получение текущих экономических преференций). Примитивная схема, по которой «качаются» ресурсы, прощаются долги, «работают» только с правящими элитами, делается ставка на «лобовую» нефтегазовую дипломатию, не отвечает интересам России.

Именно Россия, как это ни странно звучит, до сегодняшнего дня точно не могла определиться, чего же именно она хочет от бывших братских республик. Чего мы ожидаем от наших соседей в политике, кроме показной лояльности, которую мы и получали в дозах, пропорциональных преференциям?

Сейчас мы должны усилить все ресурсы нашей политики – в первую очередь организационно-интеллектуальные – на этом направлении и заставить работать действующие рычаги влияния не на декларации о дружбе, а на конкретные интеграционные проекты. При должном внимании оживут и Единое экономическое пространство, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество и иные структуры, когда их члены четко сформируют для себя, чего они хотят добиться, а заодно и утратят иллюзии по поводу быстрого приема в ЕС.

Особое внимание следовало бы уделить формированию в рамках СНГ энергетического блока, который мог бы стать не только мощным экономическим фактором в Евразии с учетом реактивного роста азиатских гигантов и их растущих потребностей в энергообеспечении, но и оказывать заметное влияние на мировые цены на энергоносители. Создание единой энергетической и экспортной стратегии России и «сырьевых» стран СНГ могло бы сделать их в большей степени независимыми от внешнего влияния и свободными в выборе своих партнеров. В этом смысле стремительное «бегство» на Запад европейских и «полуевропейских» стран СНГ от якобы отсталого Востока Содружества может обернуться для них стратегическими потерями в будущем.

Россия сегодня вполне в состоянии кардинально перестроить ситуацию, опираясь не на «политтехнологии», а на насущные интересы своих соседей. С точки зрения этих самых интересов, если абстрагироваться от тиражируемой в соседних странах мифологии о неких имперских амбициях Москвы, получающих де сокрушительный удар с каждой новой «победой свободы», уже не России что-то надо от этих стран, а этим странам гораздо больше нужна Россия. Может вообще оказаться так, что для России в перспективе ока-

жутся более важными совсем *не те* страны, которые стали сегодня объектом перетягивания каната. Случайно ли США сейчас столь активны в Центральной Азии и на Кавказе?

Миф о России, препятствующей демократическим преобразованиям в соседних странах, должен быть развеян как можно быстрее. Ибо это действительно миф, либо банальная привычка мышления российских бюрократов вместе с «собратями» в СНГ. На деле Россия более чем кто-либо другой заинтересована в демократизации соседних стран. Ибо в условиях демократии существенно облегчается работа российского бизнеса там, где сегодня местные элиты зачастую диктуют жесткие условия, далекие от рыночных. Подлинная демократия гарантирует уважение прав русскоязычных меньшинств, которые одними из первых становятся жертвами авторитарных тенденций в обществе. Наконец, в демократическом обществе не должно быть политических решений, которые бы шли наперекор интересам собственных граждан. А интерес большинства жителей стран СНГ – и тех, кто миллионами приезжает на заработки в Россию, и тех, кто занят в кооперационных производственных структурах, сложившихся еще в советское время, и тех, для кого очевидным, а подчас и единственным рынком сбыта продукции будут страны СНГ, – для всех этих категорий активного трудоспособного населения сохранение стабильных и тесных связей с Россией жизненно важно. Противоречит демократии сам отказ учитывать их мнение и их насущные интересы.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: По итогам саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), который прошел 5 июля с.г. в Астане, была выпущена Совместная Декларация глав государств-членов этой организации. Часть экспертов рассматривают данный документ в качестве свидетельства наличия у России намерений повысить свое военное присутствие в таких странах постсоветского пространства, как Узбекистан и Киргизия. Разделяете ли вы подобное мнение?

КОСАЧЕВ: Вы, безусловно, обратили внимание, что Россия достаточно спокойно отреагировала в свое время на усиливающееся американское военное присутствие в этом регионе. Реакция была спокойной не потому, что Россия не может реагировать иначе, будучи слабой. Реакция была спокойной потому, что мы понимали на тот момент намерения Соединенных Штатов, стремившихся решать через этот регион собственные проблемы, к нему не относящиеся. Скажем, проблемы Афганистана, того же Ирака. И в этом смысле российские и американские интересы совпадали, потому что проблема Афганистана для России не менее важна, чем для США. Но никакая ситуация не является статичной. Мы понимаем, что афганская проблема далека от своего разрешения, тем не менее рано или поздно она будет разрешена. И в этой связи у стран региона, причем не только у России, а, скажем, у того же Китая, возникает вопрос: что произойдет с американским военным присутствием после того как соответствующие проблемы будут решены? Мне этот вопрос кажется вполне естественным. Никто не говорит, что американское военное присутствие должно уже сейчас сокращаться в этом регионе. Мы говорим о стремлении сохранить прозрачность взаимных намерений, чтобы избежать подозрений в отношении друг друга.

В том, что касается российского военного присутствия в этих странах, то, наверное, оно вполне возможно только в том случае, если собственные национальные силы соответствующих государств не будут справляться со своими задачами. Например, Таджикистан на определенном этапе заявил, что он более не нуждается в российских пограничниках ни на китайском, ни на афганском участках границы, поскольку таджикские пограничники теперь могут решать эти задачи сами. У меня лично есть сомнения, что это так. Но мы уважаем суверенное право Таджикистана охранять свои государственные границы. Однако, если таджикские пограничники не будут справляться, мы будем вновь ставить вопрос о возврате к прежнему режиму сотрудничества.

Но если ставить вопрос иначе – намерена ли Россия усиливать свое военное присутствие, например, в Узбекистане для того, чтобы содействовать сохранению существующего там режима, то я бы считал такую линию поведения ошибочной.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какое содержание вы вкладываете в понятие союзных отношений? Экономика, свободная торговля с пограничными странами? Предполагает ли это наличие военного союза? Предполагают ли союзные отношения России со странами бывшего Советского Союза, что последние не должны вступать в организации типа Европейского Союза? Трудно себе представить более благое дело для стран СНГ, чем переход на торговлю энергоресурсами по мировым ценам. Распространяется ли эта тенденция на Белоруссию?

КОСАЧЕВ: Когда я говорю о союзнических отношениях, я употребляю этот термин скорее в философском, мировоззренческом ключе, нежели в ключе создания некой конкретной союзнической организации. Для меня в философском отношении союзнические отношения означают достаточно простую вещь: я готов поступить в ущерб даже собственным национальным интересам, если это нужно моему стратегическому союзнику.

Классический пример – это американско-британские союзнические отношения в ситуации с Ираком. Премьер-министр Великобритании Т. Блэр очень многим рисковал, идя на безусловную поддержку США. Для него гораздо более спокойным и комфортным решением была бы позиция, аналогичная германской и французской. Он сделал так, как он сделал, потому что понимал, что в этот момент это остро необходимо стратегическому союзнику – США.

Вот такого рода союзнических отношений у России сейчас нет ни с одним государством мира. Даже с самыми близкими нашими партнерами, такими, как Армения или Казахстан. Нам порой бывает очень сложно договориться с другими странами, так как они ставят во главу угла свои собственные, а не союзнические отношения. Однако мне трудно за это их осуждать или критиковать.

Мы предложили, в ущерб нашим собственным интересам, такого рода союзнические отношения Украине – на позднем этапе президентской избирательной кампании. Мы перешли на взимание средств по энергоносителям по принципу страны назначения. Или когда мы продлили срок пребывания без регистрации гражданам Украины на российской территории до 90 дней. Такого рода предложение было, как известно, Украиной отвергнуто.

Проблема еще и в том, что мы не очень вняты в наших отношениях с соседними странами. И главное – что нам самим иногда трудно понять, почему те или иные отношения строятся тем или иным образом. Например, мы поставляем газ в Эстонию и Молдавию по одной и той же цене – по 80 долларов за 1000 кубометров. И у наших молдавских друзей возникает иллюзия, что так будет всегда. Если в Эстонию, думают они, поставляется газ, несмотря на безумно сложные отношения, значит, и мы можем портить отношения с Россией сколь угодно долго и глубоко, ничего серьезного не произойдет.

Подчеркну еще раз, для меня не является обязательным фактором, к примеру, невступление Украины в ЕС и в НАТО для того, чтобы нам сохранять какие-то отношения с Киевом. Но Украина в этой ситуации может вести себя по-разному. Она может по своей собственной инициативе прийти к России и сказать: «Мы вступаем в НАТО, но не беспокойтесь, мы понимаем, насколько для вас важен Черноморский флот, и мы вас заверяем, что готовы подписать любое соглашение. С Черноморским флотом ничего не произойдет после нашего вступления в НАТО». Это один вариант поведения.

И есть второй вариант: идти в НАТО, не обсуждая данную тему, делая загадочные лица, а в конечном итоге готовя весьма неприятный сюрприз для России. Сейчас мы это хорошо понимаем. Первый вариант я бы тоже назвал, хотя и с определенной натяжкой, вариантом союзнических отношений, вариантом взаимного учета интересов, готовности поступиться какими-то собственными интересами ради сохранения этих взаимных интересов. Этот подход, при всей критике существующего режима, я считаю, демонстрирует сейчас Белоруссия. Она готова жертвовать своими национальными интересами, хотя, к сожалению, не так, как этого хотелось бы России. И я не вижу предпосылок для перехода к торговле с Белоруссией на мировые цены. Мы должны всячески стимулировать Белоруссию, включая экономические методы, для ускорения процесса взаимной интеграции.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Несмотря на принятие Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) в далеком теперь 1997 г., России и ЕС так и не удалось достигнуть эффективного сотрудничества хотя бы по одному из направлений, представляющих взаимный интерес. С чем вы связываете данный факт? Как в этой связи Россия планирует выстраивать свои взаимоотношения с ЕС в условиях его расширения?

КОСАЧЕВ: На сотрудничество России и ЕС, на мой взгляд, наложили отпечаток три фактора: внутрirosсийские события, а точнее, резкая и не всегда адекватная и справедливая реакция европейской общественности на них; «бархатные революции» в СНГ и активная роль ЕС, прежде всего в украинских событиях. И, наконец, последние события в самом ЕС – непринятие евроконституции и бюджета. Это сигнал, что ЕС достиг естественных на сегодня пределов расширения, далее – будет ущерб качеству.

Россия будет строить свою политику, опираясь на реалии, ибо ЕС, как показало время, – живой и развивающийся организм, знающий подъемы и кризисы. От того, в каком направлении пойдет его развитие, во многом зависят и отношения с Россией. Те государства ЕС, которые ориентируются на создание мощного глобально конкурентоспособного союза, реализацию «лиссабонской стратегии», будут заинтересованы в развитии стабильных связей с Россией. Те же, кто пришел в ЕС сводить старые счеты, получить прикрытия для нападков на Россию, намеревается «цензурировать» отношения ЕС–Россия даже в ущерб экономическому прагматизму, получив возможности для реализации своих планов, могут существенно ухудшить климат наших отношений.

Но чтобы люди в ЕС поверили, что им выгодно удаление от самой богатой ресурсами страны материка, способной обеспечить реализацию экономических планов ЕС, нужно будет очень постараться. Нужно будет доказать безальтернативность конфронтационного сценария и принципиальную неинтегрируемость России в ЕС или какие-либо общие, переходные структуры, которые бы не нарушили внутренней архитектуры Евросоюза. Вряд ли это реалистично. А значит, нужно идти путем последовательного сближения, не сбиваясь на эмоции. Договоренности по дорожным картам в отношении «четырех пространств» приняты в оптимальном виде: с одной стороны, достаточно общие, чтобы не заменить собой более объемлющее и детальное соглашение, которое сейчас нужно готовить на смену СПС, с другой – вполне конкретно обозначающие направления приложения совместных усилий.

Но Евросоюзу нужно при этом самому решить одну непростую дилемму: либо он с ревностью относится к любым попыткам создать прочные экономические структуры на пространстве СНГ, боясь возникновения сильного конкурента и ослабления собственных позиций, либо он не готов к новой волне расширения и заинтересован в том, чтобы государства СНГ крепили, обретали стабильность сами по себе, не находясь на его содержании, что подразумевает создание новых эффективных структур в СНГ, стержнем которых неизбежно будет Россия (любую альтернативу, вроде ГУАМ, придется «кормить»).

Самый простой путь преодолеть этот внутренний конфликт – обозначить реальные перспективы для самой России, причем не декларативно, а так, чтобы соседи – Украина, Грузия, Молдова, Армения, Азербайджан, Белоруссия четко знали: углубленное сотрудничество с Россией не только не закрывает им путь в ЕС, а ведет в ту же сторону.

Еще один важный нюанс: мы слишком долго жили в ощущении кольца врагов. И сейчас, когда идет массированная атака в европейских и американских СМИ, прежде всего на российского президента, предполагается, что следствием давления будут подвижки в сторону демократии по грузинско-украинской схеме. Но в этих условиях россияне, наоборот, начинают ощущать себя в «привычном», мобилизационном режиме, как бы получая подтверждение своим подозрениям, что никто в Европе их не ждет. Зато там приветствуют любого, кто их ругает. Положение русских в странах Балтии подтверждает эти опасения, а Украина, Грузия, Молдова получают надежду на решение своих сложных

проблем с меньшинствами либо по силовому, либо по балтийскому (т.е. массовое нарушение прав меньшинств) сценариям.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В июне этого года во время саммита США–ЕС президент США Дж. Буш всячески пытался продемонстрировать заинтересованность США в укреплении Евросоюза. В то же время многие эксперты сходятся во мнении, что за усилиями Белого дома поддерживать в Евросоюзе ситуацию неустойчивого равновесия и углублять противоречия между ведущими европейскими державами стоит именно нежелание иметь в лице ЕС по-настоящему сильного конкурента на мировой арене. Согласны ли вы с таким тезисом?

КОСАЧЕВ: США внимательно следят за тенденцией усиления Европейского Союза, поскольку это, очевидно, не отвечает их интересам. Естественно, что оно их беспокоит. Думаю, что Соединенные Штаты всегда будут поддерживать вступление в Европейский Союз максимального числа слабых и неподготовленных государств, потому что это фактор ослабляющий, а не усиливающий ЕС, как на какой-то момент думали страны-основатели. Но на самом деле ключ к разрешению создавшейся ситуации находится в Европейском Союзе, а не в Соединенных Штатах – США являются скорее пассивным, а не активным игроком.

Активными игроками, как ни странно, сейчас являются не столько отцы-основатели, сколько новые государства, новая десятка, или некоторые государства новой десятки, которые только что вступили в Европейский Союз.

Здесь особая роль, на мой взгляд, принадлежит Польше. В августе прошлого года в польской прессе была опубликована программная статья тогдашнего министра иностранных дел, ныне – спикера польского парламента Вл. Чимосевича. И там было сказано, что до тех пор, пока в Европейский Союз и в НАТО не вступят Украина, Молдова и Белоруссия, Польша будет чувствовать себя прифронтовым государством. И я могу себе представить, что любое государство, которое сейчас находится на внешней границе Европейского Союза, всегда будет стремиться к тому, чтобы оказаться поближе к центру, отодвинуть эту границу от себя.

Думаю, это обстоятельство сейчас дошло до сознания более сильных государств Европейского Союза – и Германии, и Франции, и Великобритании, которые, очевидно, будут жестко сопротивляться дальнейшему расширению.

И здесь, как ни странно, возникает очередное, новое противоречие в треугольнике США – Европа – Россия. Еще раз повторюсь: Соединенные Штаты, на мой взгляд, будут активно способствовать такому расширению. Россия им будет активно в этом препятствовать. А внутри самого Европейского Союза будут сталкиваться две взаимоисключающие линии.

До тех пор пока эта ситуация не придет в какую-то гармонию, представляется, что серьезных противоречий между Соединенными Штатами и ослабленным Европейским Союзом не будет.

РОССИЯ–США

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Российско-американские отношения всегда характеризовались сочетанием соперничества и сотрудничества. Однако после 11 сентября 2001 г. и благодаря личным отношениям, установившимся между двумя президентами, элементы соперничества оттеснились на второй план. Несмотря на это, за время, прошедшее с того момента, так и не появилось новых сфер для сотрудничества двух стран. Какие, на ваш взгляд, области все же могут представлять для России и США взаимный интерес для взаимодействия в перспективе?

КОСАЧЕВ: Российско-американская повестка дня во многом зависит от того, какой вариант реализации своего неоспоримого отрыва от прочих потенциальных конкурентов выберут США – лидерство через консенсусное доминирование или гегемонию на основе демонстрации силового преимущества. Сегодня, в отличие от второй половины XX века, специфика ситуации для России в том, что это касается ее не больше, но и не меньше всех прочих государств (раньше все происходящее в СССР и США рассматривалось, прежде всего, в контексте двустороннего противостояния и соперничества). Поэтому появляются общие темы и интересы у России и крупнейших европейских стран (например, общая позиция по Ираку).

Среди очевидных тем для повестки дня: предотвращение распространения ОМУ; борьба с международным терроризмом и оргпреступностью; укрепление стабильности в Евразии; реформа ООН; обсуждение критериев для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, так же как и критериев для определения недемократических режимов, «гуманитарных катастроф», «несостоятельных государств»; «Большая восьмерка» – перспективы развития и приема новых членов; сотрудничество в энергетике и научно-технологической сфере; развитие российско-американского делового диалога; содействие во вступлении России в ВТО.

РЕФОРМА ООН

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В марте Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан представил доклад, в котором сформулированы основные принципы реформирования этой организации. Во второй декаде сентября 2005 г. прошел «саммит» ООН, результаты которого более чем скромные. Как вы оцениваете перспективы модернизации столь глобальной организации?

КОСАЧЕВ: Реформа, безусловно, назрела и обусловлена глобальными процессами, далеко ушедшими от реалий, в которых создавалась ООН. На переломе тысячелетий серьезным испытаниям подверглись традиционные представления о международном праве, межгосударственных отношениях. В центре внимания политики – не только внутренней, но и международной – становится не только и столько государство, сколько человек.

Но мы должны понимать, что столь существенные потрясения в субъектной базе международного права не могут не вызывать напряжения и в отношениях с фундаментальными принципами прежних столетий, на которых покоилась так называемая Вестфальская система: государственный суверенитет и невмешательство во внутренние дела государств. Жизнь, свобода и достоинство человеческой личности сегодня обретают защиту, если не такую же, как государство, то в любом случае гораздо большую, чем в прежние века.

ООН – основной институт согласования воли народов, созданный 60 лет назад по согласию победителей в самой сокрушительной мировой войне прошлого века, не должен выглядеть анахронизмом на фоне стремительного хода нового столетия. ООН, не адекватная окружающему миру, попросту не будет стоить тех денег, которые на нее тратятся, – лучше сразу передать их нуждающимся. Вопрос в том, под какие тенденции нужно ее подстраивать? Все ли современные процессы столь положительны и неизбежны, чтобы закрепить их на международно-правовом уровне? Должна ли ООН «освятить» своим авторитетом новое или уберечь все самое ценное из прошлого?

Эти вопросы нуждаются в самом тщательном анализе, ибо задача – не «утопить» в реформах статус, укрепить, а не ослабить через преобразование. Тот факт, что сейчас отдельные страны и организации подчас игнорируют мнение ООН даже при осуществлении столь серьезных актов, как военные операции против суверенных государств, отнюдь не означает, что это норма, которую стоит кодифицировать. Напротив, это отклонение от нормы, которое должно получить соответствующую оценку, какие бы реформы ни были проведены и сколько бы членов не насчитывал новый СБ. Если этого не про-

изойдет, порог допустимого в мире еще более понизится, а это противоречит назначению и миссии ООН. И нам не нужно стесняться своей решимости отстаивать справедливость в международных отношениях, даже если этот порядок не всех устраивает и кому-то кажется «несовременным». Как говорил Ф. Шиллер, «истина ничуть не страдает оттого, что, ее кто-то не признает».

У России сегодня есть реальный шанс сохранить и укрепить свой статус одной из основных держав – теперь уже не только основателей, но и реформаторов ООН. Нет смысла пытаться силой своего авторитета защитить то, что объективно отжило: проиграем либо мы, если не сможем отстоять свои позиции, либо ООН, если мы защитим то, что ей самой сегодня не нужно.

РОССИЯ–НАТО

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Не могу не затронуть вопрос сотрудничества России с НАТО. Какие факторы здесь, по-вашему, будут определять характер такого взаимодействия на ближайшую перспективу?

КОСАЧЕВ: Альянс сегодня также переживает «эпоху перемен», и то, чем она закончится, сыграет определяющую роль для взаимоотношений с Россией. Если НАТО будет пребывать в реликтовой роли военного блока, экзистенциально нуждающегося в адекватном стратегическом противнике (распыленный международный терроризм на эту роль не годится), то сотрудничество будет трудным. Если же этот альянс станет отвечать сегодняшним реалиям, будет нацелен на эффективный ответ на новые вызовы, то взаимодействие с такой структурой (а возможно, и присоединение к ней) для России не только целесообразно, но и необходимо, учитывая возрастающие риски для безопасности страны. В НАТО существуют разные тенденции, и мы будем отслеживать их, добиваясь максимально возможного сотрудничества на каждом из этапов развития альянса.

Если НАТО по-прежнему ограничится концентрацией сил в Европе, то Россия неизбежно станет если не мишенью, то в любом случае объектом повышенного внимания. Однако если НАТО сменит географические приоритеты, как этого хотят американцы, то нам пока не очень ясно, в какой форме это произойдет и не вырастет ли угроза для самой России по периметру. Возможный вариант – создание совместных баз там, где НАТО, а точнее – американцы уже получили согласие от стран СНГ. В свое время это предлагал президент Киргизии Акаев. Отдельная тема – так называемая оперативная совместимость, то есть возможность в случае необходимости легкой стыковки как техники, так и систем управления.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Когда был принят основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и НАТО, звучали громкие заявления, что мы теперь можем оказывать влияние на принятие решений в Североатлантическом альянсе. Однако семь лет с лишком, которые прошли, показали, что это не совсем так. Есть реальное понимание того, что гигантский расчет не оправдался. Каким образом, на ваш взгляд, России следует строить взаимоотношения с этой организацией в дальнейшем: подписывать ли новые основополагающие акты или работать в рамках имеющегося? Попытаться усилить наши позиции или признать, что мы исчерпали весь позитив и нам не на что больше рассчитывать, потому мы будем на этих позициях прозябать, ибо все проекты, которые имеются – это проекты периферийные?

КОСАЧЕВ: Совершенно согласен, что эти договоренности не привели к прорыву в наших отношениях и сотрудничество носит действительно периферийный характер. К позитиву можно, конечно, отнести то, что Россия и НАТО стали несколько более прозрачными друг для друга партнерами. С другой стороны, мы так и не нашли сферу совпадения наших интересов. И происходит это потому, что не смогла найти своего места в современном изменившемся мире сама НАТО. Это обстоятельство понимают и США, и Россия.

Я бы не исключал и качественно другой уровень сотрудничества России и НАТО – в случае трансформации НАТО в союз с политическими, а не только военными функциями, в том числе, как бы сейчас ни звучало это крамольно, сотрудничество по миротворчеству, включая совместную работу в Абхазии или в Приднестровье. Но подчеркну – только в случае кардинальной реформы самой НАТО, что в нынешнее время невозможно себе представить.

Для России выстраивание какого-то нового угла взаимодействия с НАТО сейчас не является главным приоритетом в силу изменившихся обстоятельств. Нам гораздо интересней и перспективней договариваться на двухстороннем уровне – с США и с другими государствами-членами НАТО, к примеру, с Германией. В 2005 г. в ходе весенней сессии Государственная Дума ФС РФ ратифицировала совершенно уникальное соглашение с Германией о транзите войск НАТО через российскую территорию в Афганистан. Мне было бы трудно это представить два года или пять лет назад. Тем не менее характерно, что это было двухстороннее соглашение с Германией, а не с альянсом. Я думаю, если бы мы попытались ратифицировать такое соглашение с НАТО, оно вряд ли прошло бы при всем административном ресурсе, который сейчас имеется у Кремля в Государственной Думе.

МНОГОВЕКТОРНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каковы, на ваш взгляд, должны быть приоритеты внешней политики России на ближайшие годы?

КОСАЧЕВ: Она не должна замыкаться на выстраивание взаимосвязей исключительно с сегодняшними центрами силы, при всем их очевидном доминировании. Создание многополярного (полицентричного) мира предполагает прочные отношения с теми, кто будет формировать его основу.

Налаживая отношения с Китаем, Индией – но и с Бразилией, Египтом и всеми иными державами, которым предрекают усиление в среднесрочной перспективе, мы работаем на будущее, на укрепление позиций России в сложной структуре грядущего мира. А таковая, очевидно, не будет похожа на современную модель с ее отчетливыми признаками однополярности, что делает ее нестабильной, во многом несправедливой и лишенной серьезной перспективы.

Устранение пограничной проблемы с Китаем позволило выйти на новый уровень сотрудничества, что продемонстрировал визит китайского лидера в Москву в начале июля 2005 г. Это не просто некие попытки разыграть «азиатскую карту» в «большом торге» с Западом. У России в регионе собственный постоянный интерес. Свидетельство тому – ШОС, которая все более превращается в подлинно работающую структуру по согласованию интересов стран региона.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Если говорить о развитии сотрудничества на Дальнем Востоке, то что, на ваш взгляд, Россия может предложить ведущим странам региона – Японии, Китаю кроме нефти? Что в этой связи, с вашей точки зрения, для России более привлекательно: нефтепровод на Дацин или нефтепровод на Находку, учитывая нехватку трубопроводов в восточной части страны? И не опасаетесь ли вы, что экономическая активность этих стран в Сибири и на Дальнем Востоке в конечном счете окажется контрпродуктивной для России?

КОСАЧЕВ: Разумеется, сейчас мы не можем предложить нашим азиатским партнерам ничего другого по сравнению с тем, что мы можем предложить европейским партнерам или США. Это те же энергоносители, это то же сырье. Это реалии современной России. Другое дело, что мы можем предложить нашим азиатским партнерам принципиально новые проекты в этих сферах, включая строительство нефтепроводов, упомянутых вами ранее. И я уверен, что мы в состоянии предложить им кооперацию по освоению российской Сибири и Дальнего Востока в приемлемых для России формах.

Что касается нефтепроводов, то я, безусловно, являюсь сторонником варианта строительства «трубы» до бухты Перевозной, сейчас там уже идет речь не о Находке. Мы однажды уже совершили серьезную ошибку со строительством газопровода «Голубой поток», замкнувшись на одного потребителя, который моментально стал диктовать России свои условия. Здесь речь идет не о преференции Японии по сравнению с Китаем. Речь идет о выборе между проектом с несколькими потребителями и проектом с одним конечным потребителем. С экономической точки зрения первое всегда лучше.

Примечание

¹ В основу интервью положено выступление К.И. Косачева на заседании Клуба *Триалог*, организованное ПИР-Центром 7 июля 2005 г.

В кругах физиков-ядерщиков В.М. Мурогова больше знают как директора ГИЦ «Физико-энергетический институт» в г. Обнинске, который он возглавлял в 1990-е гг. Куда меньше Виктор Михайлович известен как директор Департамента ядерной энергии и заместитель Генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене (1996–2003 гг.) – наивысший международный пост, доступный российскому «ядерщику» в международных организациях.

Корреспондент журнала Надежда Логутова взяла интервью у доктора технических наук, профессора Государственного технического университета атомной энергетики в г. Обнинске (ОИАТЭ) В.М. Мурогова.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Виктор Михайлович, вся ваша «научная жизнь» до работы в МАГАТЭ была связана с Физико-энергетическим институтом в г. Обнинск, где вы выросли от старшего лаборанта до директора института. Почему вернувшись в Россию, Вы отказались от исследовательской работы в пользу профессуры в Университете.

МУРОГОВ: Во-первых, это не совсем верно, т.к. одновременно с работой в Университете я сейчас являюсь главным научным сотрудником РИЦ «Курчатовский Институт». Более того, как и на западе, наш «ядерный» университет с его «молодым» потенциалом создает широкие предпосылки для аналитической работы с участием нового поколения.

Во-вторых, у меня появилась возможность и, более того, востребованность жить и работать, исходя из личного научного интереса, т.е. заняться тем, к чему у меня всегда лежала душа: научным анализом информации в рамках определенного системного подхода. У меня появилась возможность проанализировать и обобщить огромный информационный материал, накопленный за время работы в МАГАТЭ в качестве руководителя Международного проекта «ИНПРО», созданного по инициативе Президента РФ и лидера Главной программы Агентства «Ядерная энергетика, топливный цикл и ядерная наука» (включая библиотеку Агентства и Международную систему ядерной информации (INIS)). Анализ этого уникального объема знаний позволяет заново осмыслить состояние и тенденции развития ядерной науки и технологии, в том числе – в нашей стране.

А в-третьих, все наши проекты, стратегии и разговоры о будущей роли ядерной энергетики – останутся разговорами (к сожалению, это реальная тенденция в нашей стране) без нового поколения специалистов, без молодого поколения в НИИ, КБ и, прежде всего, в вузах. Процесс замкнулся – молодежь не видит смысла связывать свою судьбу с отраслью без будущего, вернее, с будущим в виде утилизации отходов и снятия с эксплуатации устаревших установок. Конечно, освобождение от службы в армии – весомый аргумент, но для отрасли он не столь эффективен. В итоге примерно 20% выпускников работают по специальности в ядерной отрасли. Добавьте сюда низкий уровень знаний студентов, «нищенскую» зарплату преподавателей, падение уровня профессиональных

знаний и компетентности в отрасли – и становится ясным: необходимы радикальные перемены в системе и уровне ядерного образования в России для возрождения ядерной мощи и экономики нашей страны.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы затронули тему «возрождения». Естественный вопрос: почему вы говорите о «возрождении»? Ведь это подразумевает, во-первых, утрату чего-то, а во-вторых – реальную необходимость этого *чего-то* для будущего развития страны.

МУРОГОВ: Вы абсолютно правы – ситуация с развитием ядерной технологии в России именно такова.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Не могли бы вы подробнее представить ваше видение этой проблемы?

МУРОГОВ: Во-первых, о роли ядерных технологий для будущего развития России. Для специалистов, работающих в сфере международных отношений, наиболее ясно, что Россия как субъект международных отношений становится «великой державой» при появлении прилагательного – «ядерная». Мы можем обсуждать важность для будущего нашей страны десятков современных технологий, но только две из них, вобрав в себя потенциал современного научного и технологического развития, – «ядерная» и «ракетная» – обеспечивают России статус «великой» державы. Это, повторяю, не только мое личное мнение, это объективная реальность, отражаемая всей практикой международных отношений. Несмотря на все проблемы, «ядерная» Россия остается великой державой как с точки зрения военной мощи, так и в рамках экономического развития (ядерные технологии в экономике России). Дело в том, что ядерная энергетика, ядерная технология – не просто один из элементов энергетического рынка (наряду с углем, газом и нефтью). Ядерная наука и технология, возникшие на базе развития ядерной энергетики, пронизывают всю жизнь общества великих держав: от основы обороноспособности страны (ракетно-ядерная «триада»), до ядерной медицины, сельхозрадиологии, сохранения продуктов питания, ядерных методов в науке и промышленности, включая ядерные и изотопные методы в гидрологии, космологии и археологии. Достаточно сказать, что в развитых странах (США, Япония и др.) объем «бизнеса» в указанных неэнергетических областях в несколько раз превосходит объем «бизнеса» в ядерной энергетике (породившей эти технологии и во многом определяющей их дальнейшее развитие). Как вы знаете, Президент России выступил на Саммите тысячелетия ООН (сентябрь 2000 г.) с инициативой обеспечения энергетической стабильности развития на основе ядерных технологий. Эта инициатива оказалась исключительно своевременной и нашла поддержку мирового сообщества: в четырех резолюциях Генконференции МАГАТЭ (Вена) и в двух резолюциях Генассамблеи ООН (Нью-Йорк) приветствуется инициатива Президента России как отвечающая чаяниям развивающихся стран и как путь гармонизации отношений индустриальных стран с развивающимися странами.

Инициатива Президента РФ – политическая акция, а не технический проект. Это было принято мировым сообществом и нашло свое отражение в международном проекте МАГАТЭ по развитию инновационной концепции АЭС и ЯТЦ (ИНПРО), исключающем использование в мировой энергетике наиболее «чувствительных» материалов и технологий («свободного» плутония и высокообогащенного урана) и «открывающем миру принципиально новые перспективы жизни» (сентябрь 2000 г.).

Однако в практической реализации программы развития ЯЭ внутри страны и в реализации наших технических проектов на международном рынке все более отчетливо проявляются негативные тенденции. Первый звонок уже прозвучал: проигрыш тендера в Финляндии, означающий для специалистов практическую потерю шансов занять место на рынке не только в Европе, но и (по тем же причинам, что и в Финляндии) снижение шансов на успех в ближайшие десятилетия в Китае, а также других странах Азии. Более того, в ближайшем будущем ситуация на международном рынке будет становиться гораздо менее благоприятной в силу следующих причин:

- вывод из эксплуатации энергоблоков АЭС, на которые Росатом (Концерн ТВЭЛ) поставляет топливо (Ингалинская АЭС, ряд блоков «Козлодуй» и др.);

- вступление стран Восточной Европы – владельцев АЭС с реакторами типа ВВЭР – в Евросоюз;
- окончание поставок в США ядерного топлива по контракту ВОУ-НОУ после 2013 г.;
- ввод заводов с центрифужной технологией в США, Франции и Бразилии после 2006 г.;
- создание транснациональных корпораций в ядерной сфере (концентрация ресурсов, снижение издержек);
- реализация новых конкурентных проектов АЭС, разрабатываемых США (AP-1000, HTGR) и другими странами (EPR).

Кроме того, имеется и ряд внутренних трудностей, осложняющих развитие ядерной отрасли (наряду с недостатком инвестиционных средств):

- вывод из эксплуатации 5-6 ГВт АЭС в 2015–2020 гг.;
- закрытие трех промышленных реакторов в Железногорске и Северске;
- сокращение запасов дешевого уранового сырья, накопленного в прошлые годы;
- ограничения в правах государственных унитарных предприятий;
- несовершенная инвестиционная и тарифная политика.

Даже при максимально возможном использовании собственных средств «ядерных» концернов (в соответствии с энергетической стратегией России) вклад АЭС в энергетический баланс страны будет очень скромным, несмотря на огромный технологический и кадровый потенциал «ядерной» державы.

Ситуация существенно усугубилась в последнее время в связи с реформированием ядерного комплекса России и превращением мощного органа государственного управления Минатома в агентство Росатом. На начальном этапе успешного развития ядерного оборонного и энергетического комплекса роль государства была определяющей во всех отношениях: организационном, финансовом и научном, так как этот комплекс определял державную мощь и будущую экономику страны. Для специалистов очевидно, что ядерный щит страны и ядерные технологии мирового использования – две стороны единого научно-технологического комплекса. Без экономически эффективного мирового использования ядерных технологий «ядерный щит» или обрушит экономику России, или будет «щитом», не обеспечивающим полную безопасность страны.

При этом основной механизм и фундамент державности России – ядерный комплекс – оказался вне сферы прямого влияния главы государства – Президента России.

Как следствие отсутствие четкости в реальной ядерно-энергетической стратегии приводит к потере преемственности поколений. Так, Россия – наиболее продвинутая страна в развитии реакторов на быстрых нейтронах и в области высшего ядерного образования – не имеет сейчас национальной программы сохранения ядерных знаний и опыта, так же как не имеет национальной программы участия во Всемирном ядерном университете.

Вот отсюда и вытекает заключение о роли ядерной технологии и необходимости «возрождения» ее значения в развитии нашей страны.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Виктор Михайлович, вы упомянули об инициативе Президента РФ на «Саммите тысячелетия» в ООН и о «всемирном ядерном университете». Расскажите, пожалуйста, подробнее об этих инициативах.

МУРОГОВ: Инициатива Президента на «Саммите тысячелетия» и проект МАГАТЭ ИНПРО, Всемирный Ядерный Университет и программа МАГАТЭ по сохранению знаний – это различные стороны единой проблемы, многосторонней проблемы, не так часто обсуждаемой нашими политиками. Необходимо отметить основные составные части этой пробле-

мы. Во-первых, инициатива Президента РФ оказалась исключительно плодотворной и своевременной. Немедленно (и во многом в противовес российской инициативе) появились международный проект GIF (АЭС и ЯТЦ с ядерными реакторами 4-го поколения) на основе американской инициативы и Европейский проект «Микельанжело». Всего в настоящее время осуществляется более 25 различных международных проектов. Но только один из них, на основе инициативы Президента РФ, объединил усилия развитых и развивающихся стран в рамках ООН – проект МАГАТЭ ИНПРО (INPRO).

Во-вторых, проект ИНПРО решает одновременно и научно-технологическую, и политическую задачу. Реализация международного проекта ИНПРО позволила объединить усилия экспертов 21 страны, являющихся членами МАГАТЭ, т.е. практически создать международную научную лабораторию независимых экспертов, работающих в тесном контакте с представителями технических департаментов Агентства, и разработать требования и критерии развития ЯЭ, АЭС и ЯТЦ. Эти требования были опубликованы в виде отчета-рекомендаций для стран, развивающих и собирающихся развивать ядерную энергетику (ЯЭ). Отчет содержит требования к будущей ЯЭ: по ресурсам и эффективности их использования, по безопасности АЭС и ЯТЦ, по экологии (включая проблему отходов), по нераспространению, по социальным аспектам – инфраструктура, подготовка кадров и т.п. Многократное и всестороннее обсуждение указанных вопросов внутри Агентства, а также в странах-участницах (с участием ведущих международных экспертов) позволило не только всесторонне изучить проблемы, которые необходимо решить для создания возможности для ЯЭ стать основой стабильного энергетического развития (как этого требует наиболее приоритетная программа ООН – «Повестка 21 века»), но и, что не менее важно, скоординировать и поддержать национальные группы и центры ядерных ученых и специалистов как национальные отделения международного проекта ИНПРО.

С другой стороны, акцент на содержание предложений Президента как на политическую инициативу позволил «оздоровить» атмосферу МАГАТЭ (поскольку западные страны рассматривали МАГАТЭ как организацию с полицейскими функциями). Международный проект ИНПРО по реализации инициатив Президента РФ позволил развивающимся странам использовать МАГАТЭ в роли мирового форума по обсуждению места ЯЭ в мире. Более того, инициатива Президента подразумевает передачу инновационной ядерной технологии АЭС и ЯТЦ новому поколению ученых и инженеров. В результате новая программа МАГАТЭ в области «сохранения знаний» сфокусирована на сохранении знаний и опыта в самой передовой и ключевой для будущего развития (но невостребованной сегодня) области ядерной энергетики – реакторах на быстрых нейтронах в замкнутом ЯТЦ.

Сохранение и передача знаний новому поколению накладываются на задачу глобальной кооперации в области ЯЭ, т.е. на передачу знаний в новые регионы (в первую очередь, в развивающиеся страны).

Все это послужило причиной создания Всемирного ядерного университета (ВЯУ) (по инициативе МАГАТЭ, поддержанной Всемирной ядерной ассоциацией (ВЯА, WNA) – бывшим Урановым институтом в Лондоне и Всемирной организацией операторов АЭС (ВОО, WANO)). Создание ВЯУ предусматривает участие в нем и тесную кооперацию как представителей ведущих ядерных стран (США, Франции, Японии, Канады, Великобритании, России, Южной Кореи), так и стран развивающегося мира, где предвидится основной рост потребления энергии в ближайшие десятилетия.

Таким образом, МАГАТЭ (в отличие от наших внутренних ведомств) шаг за шагом последовательно реализовывала Инициативу Президента РФ, сделав ее основой возрождения и развития интереса к ядерной технологии будущего как основы стабильного энергетического развития:

- вначале, на основе российских средств, выделенных Президентом РФ, был организован международный проект ИНПРО с группой специалистов в МАГАТЭ, осуществляющих координацию национальных коллективов-участников ИНПРО;

- затем – представление результатов оценки роли и требований к будущей ЯЭ и высокая оценка этой работы в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН Генеральной конференции МАГАТЭ;
- далее – включение проекта ИНПРО в регулярный бюджет МАГАТЭ и открытие общей программы МАГАТЭ по сохранению ядерных знаний;
- инициатива МАГАТЭ, поддержанная Всемирной ядерной ассоциацией, Всемирной организацией операторов АЭС и ядерным агенством стран членов Организации экономического сотрудничества и развития по созданию Всемирного ядерного университета.

Последняя акция явилась логическим завершением формирования программы реализации Инициативы Президента РФ: от разработки и создания новой инновационной концепции и технологии развития ЯЭ, АЭС и ЯТЦ до создания механизма передачи знаний новому поколению – ВЯУ. Без этого (без передачи знаний новому поколению) развитие любой инновационной технологии не достигнет своей цели и будет, попросту говоря, бессмысленным.

В результате появляется реальная возможность объединения и обмена учебными программами, профессорами и студентами. Далее наиболее важно: использование экспериментальной и технологической базы ведущих «ядерных» держав для обучения и тренинга специалистов развивающихся стран.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В России есть МИФИ, МФТИ, МЭИ и другие институты и университеты (всего более 20) с «ядерными» кафедрами и стройная система координации ядерного образования под эгидой Росатома. Например, зачем Государственному техническому университету атомной энергетики (ИАТЭ) в г. Обнинске участие в ВЯУ?

МУРОГОВ: Во-первых, как вы знаете, государственная система «ядерного» образования также реформирована, как и Минатом. Вновь созданный Росатом сумел «отбиться» от «ядерного» образования. Теперь два наших ведущих «ядерных» университета (МИФИ и ИАТЭ), так же как и другие вузы, полностью перешли в новое Министерство образования и науки. Одна «радость» – возможность тесной кооперации с РНЦ «Курчатовский институт», научным флагманом ядерной отрасли, также теперь находящимся в системе Минобрнауки.

С другой стороны, Государственный технический университет атомной энергетики – это часть комплекса научных организаций первого наукограда России: 12 научных организаций ядерного профиля (ГНЦ Физико-энергетический институт, Институт медицинской радиологии, Институт сельхозрадиологии, Физико-химический институт и целый комплекс организаций экологического профиля). Во всех этих научных организациях работают ведущие специалисты и содержится богатейшая экспериментально-технологическая база (более 1200 кандидатов и докторов наук и более 200 уникальных установок). Возраст большинства ведущих ученых – за 50 лет, а основная масса установок создана 20–40 лет назад и вряд ли может стать основой современных фундаментальных исследований. Но это бесценная база для обучения и тренинга. Такой базы нет в развивающихся странах. Использование этих установок, а что еще более важно – уникальных специалистов, создававших эти установки и проработавших на них многие годы, – реальная возможность превращения их знаний, опыта в реальный продукт мирового образовательного рынка, в том числе и для отечественных студентов. Это позволит получить средства для достойной оплаты труда преподавателей университетов, затем постепенно обновить экспериментальную базу и вырастить новое поколение реальных (а не «бумажных») специалистов. Одновременно решается не менее важная задача – сохранение знаний, передача опыта и знаний в ядерной области новому поколению.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Неужели вы всерьез рассчитываете, что иностранцы захотят учиться в России?

МУРОГОВ: А почему нет? Несмотря на то, что финансовый вклад России в международные научные проекты упал раз в десять, компетентность российских специалистов, пре-

подавателей вузов по-прежнему вне конкуренции. И потом, мы же будем приглашать учиться не европейцев и американцев, а молодых людей из так называемых развивающихся стран Юго-Восточной Азии, Японии, Китая, Южной Кореи, где ядерная энергетика развивается быстрыми темпами. Например, Китаю, чтобы выполнить ядерную программу, нужно раз в десять увеличить число ядерных инженеров и исследователей. Посмотрите – что у нас сегодня является продуктом экспорта? Нефть, газ, оборудование, материалы... А почему не знания? вспомните – где раньше готовились специалисты из развивающихся стран? В Советском Союзе. Приезжая во Вьетнам, я разговариваю с вьетнамским руководством на русском языке. Современное поколение вьетнамских студентов говорит на английском, французском языках. Это значит, что в будущем заказы на строительство атомных станций, на оборудование для них пойдут не к нам, деловое сотрудничество будет развиваться не с нами. Примерно та же ситуация в Китае. Китайские руководители заканчивали МЭИ, МИФИ, МГУ, им понятен российский менталитет, они знакомы с российскими технологиями. На Западе роль образования в развитии экономики страны хорошо понимают. Почему, например, западный банк, работающий на российском рынке, набирает на работу специалистов вдвое больше, чем требуется? Казалось бы, нерентабельно. Когда я задал этот вопрос западному банкиру, он мне ответил так: «Отсевшиеся специалисты перейдут в другой банк, но принесут туда наш менталитет, наше воспитание, и мы в дальнейшем будем союзниками». Прививать через образование наши знания, наш образ мыслей – чрезвычайно выгодное дело.

Вторая проблема – безопасность ядерных установок. В Иране, в Пакистане – всюду она должна быть на том же уровне, что в России и во Франции. Не может быть безопасность французская или пакистанская. Если что-то случится в Пакистане или Индии, наступит конец ядерной энергетике и у нас, и во Франции.

Отсюда общая заинтересованность в высоком стандарте «ядерного» образования и важность международной кооперации, в том числе в рамках ВЯУ.

В июле 2005 г. открылась первая двухмесячная сессия ВЯУ в США, при поддержке МАГАТЭ (на учебу каждого участника из развивающихся стран выделено по 9500 долларов США) и ядерных корпораций (WNA, WANO, BNFL, NEA-OECD, AREVA и др.). В следующем, 2006 г. летняя сессия состоится в Европе, а первая научная сессия ВЯУ – в России, в Обнинске. ИАТЭ объединил свои усилия с РНЦ «Курчатовский институт» в форме «Российской Ассоциации ядерной науки и образования» для проведения этой сессии. Ассоциация открыта для участия в ней ведущих научных организаций, прежде всего Обнинска и Москвы.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как мы понимаем, все эти прекрасные перспективы могут стать реальностью и основой, как вы сказали, «возрождения» ядерной науки и технологии только в случае реальной востребованности ядерной энергетике и технологии в мире. А каковы сегодня международные тенденции в развитии ядерной энергетике?

МУРОГОВ: Ну что же – вернемся к истокам, к прогнозу энергетического развития (без деталей) и роли ЯЭ.

Несмотря на многообразие и различие сценариев будущего энергетического развития, есть ряд положений, незыблемых для этих прогнозов:

- неизбежный и продолжающийся рост населения и глобального энергопотребления в мире;
- ужесточающаяся конкуренция за ограниченные и неравномерно размещенные ресурсы органического топлива (более 70% ресурсов нефти и газа – в мусульманских странах);
- нарастающая зависимость от нестабильной ситуации в районах стран-экспортеров нефти (Средний Восток – основной поставщик нефти);
- нарастающие экологические ограничения;

- нарастающее различие в уровне энергопотребления богатейших и беднейших стран (несмотря на провозглашенную ООН программу стремления к стабильному развитию).

В этих условиях роль ЯЭ как стабилизирующего фактора энергетического и социально-политического развития неизбежно будет возрастать.

Дальнейшее эффективное развитие ядерных технологий в силу их особой «чувствительности», капиталоемкости и наукоемкости невозможно без международной кооперации. При этом очень важно корректно определить ту технологическую и «рыночную» нишу, где еще имеется приоритет отечественных разработок.

На мировом рынке традиционной ЯЭ в ближайшем будущем будет происходить дальнейшая экспансия Европейского энергетического реактора (EPR), выигравшего тендер в Финляндии, а также американского AP-1000 и азиатских (корейского и японского) реакторов.

Отсутствие законченного технического проекта и неопределенность со сроками референтной демонстрации ВВЭР нового поколения (ВВЭР-1500) и отсутствие «стандартного», полностью законченного проекта ВВЭР-1000 делает уязвимой позицию России на внешнем рынке традиционных энергетических блоков. Для выбора программы действий необходимо, прежде всего, сопоставительный анализ основных показателей отечественных проектов ВВЭР-1000 и ВВЭР-1500 с их западными конкурентами на момент реализации.

В этих условиях, учитывая контрактные обязательства в Китае и Индии, необходима концентрация средств на завершении и демонстрации для внутреннего и внешнего рынков стандартного конкурентоспособного ВВЭР-1000 и выполнении технического проекта ВВЭР-1500, сравнимого по показателям с EPR (или кооперация с EPR).

Потенциально благоприятным для России может быть рынок (внутренний и внешний) инновационных малых АЭС. Огромный отечественный опыт разработки и создания ЯЭУ для военно-морского и ледокольного флота (более 500 ЯР) и уникальность отечественных водо-водяных и жидкометаллических (Pb-Bi) ЯЭУ, наряду с потенциально огромным рынком развивающихся стран, делает это направление приоритетным для внутреннего и внешнего рынков. Россия является идеальным полигоном для демонстрации гармоничного развития традиционной ЯЭ (с блоками типа ВВЭР-1000) и инновационных разработок малых ЯЭУ для развивающихся стран (электричество, обессоливание, теплофикация). При этом может быть продемонстрирована возможность лизинговой поставки «продукта» (ЯЭУ, топливо), а не технологии, что является одной из возможностей решения проблемы «нераспространения».

Решающей здесь может оказаться возможность создания малых транспортабельных АЭС (например, плавающих) со сроком непрерывной работы (без перегрузки в течение всего срока работы) 10–20 лет.

Общепризнанной является роль реакторов на быстрых нейтронах для будущего развития ЯЭ как основы решения проблемы топливообеспечения с использованием как уран-плутониевого, так и торий-уранового замкнутых топливных циклов.

Разработка и внедрение нового поколения реакторов – размножителей ядерного топлива на быстрых нейтронах и новых методов переработки ядерного топлива являются определяющими для замыкания ядерного топливного цикла и решения проблемы практически неограниченного топливообеспечения ядерной энергетики. Признанный передовой уровень технологии быстрых реакторов в России – единственной стране, эксплуатирующей коммерческий реактор этого типа, – в сочетании с опытом переработки ядерного топлива, позволит нашей стране в долгосрочной перспективе претендовать на роль одного из лидеров ЯЭ, снабжающего услугами по производству и переработке ядерного топлива многие страны мира при одновременном снижении опасности распространения ядерного оружия, в том числе путем энергетической утилизации «оружейного» плутония.

Необходимым и обязательным условием решения этой проблемы является, прежде всего, развитие замкнутого ядерного топливного цикла, что потребует достаточно серьезных капитальных вложений.

Большинство аналитиков признают, что инновационные задачи ядерной энергетики должны быть решены в течение ближайших двух десятилетий, чтобы обеспечить коммерческое внедрение новых технологий в тридцатые годы этого века.

Таким образом, мы сегодня стоим перед острой необходимостью разработки и внедрения технологических инноваций, обеспечивающих долговременное и масштабное развитие ядерной энергетики страны, ядерных технологий, обеспечивающих реализацию их исторической роли в будущем России.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы говорили о передовом уровне технологии быстрых реакторов в России. В этом случае почему Россию не пригласили участвовать в международных проектах по созданию реакторов на быстрых нейтронах нового поколения, несмотря на то что наша страна единственная из всех стран имеет промышленный опыт эксплуатации реакторов на быстрых нейтронах?

МУРОГОВ: Ну что же, вопрос, безусловно, справедлив и должен заставить задуматься каждого специалиста, но в первую очередь – руководителей и не только отрасли. Это то самое замечание в начале беседы, что необходимо говорить не столько об успехах (если даже они есть), сколько о необходимости «возрождения» приоритетного отношения к ядерной науке и технологии. Действительно, в конце февраля 2005 г. пять, как они себя назвали, «ведущих ядерных стран» – США, Япония, Франция, Канада и Великобритания – подписали правительственное соглашение и объединили свои финансовые, интеллектуальные и промышленные ресурсы по развитию перспективных типов ядерно-энергетических установок и их топливного цикла для решения проблем энергетического развития, для ответа на вызов, стоящий перед развивающимся человечеством. Практически – это заявление повторяет инициативу Президента России на саммите 2000 г. в ООН. Но Россию, обладающую уникальным опытом в основных направлениях провозглашенных работ (прежде всего по быстрым реакторам), к участию в проекте не пригласили. Это уже не звонок, а настоящий колокольный звон. Но если проследите историю развития (вернее – просто историю, без развития) быстрых реакторов в России за последние 10 лет, в том числе историю реализации (опять же вернее – ее отсутствие) проекта быстрого реактора БН-800, то увидите логику в решении ведущих западных стран.

Достаточно вспомнить недавнее обсуждение проблемы быстрых реакторов и БН-800 на специальных заседаниях Государственной Думы, где говорилось буквально следующее о реализации инициативы Президента: Правительство до сих пор не осознало роли этой инициативы, а Росатом не сделал ничего для ее реализации. А как мы уже говорили, основой инициативы Президента РФ являются реакторы на быстрых нейтронах.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Виктор Михайлович, извиняюсь за банальный вопрос: что делать? (Кто виноват? – за рамками нашей компетенции).

МУРОГОВ: Вы прекрасно понимаете, что давать такого рода советы, а тем более рекомендации руководству – самое неблагодарное дело. Но в то же время вспомним историю двух бедных лягушек в банке со сметаной. Бездействие сейчас повлечет необратимые потери в будущем. Мы слишком долго повторяли: «Мы можем потерять, можем утратить приоритет и т.п.» Я готов представить программу необходимых действий, являющуюся плодом многих дискуссий и бесед с моими коллегами. Основы ее были опубликованы в журнале *Ядерный Контроль* №2 за 2005 г. Вкратце готов ее повторить с упором на роль образования и сохранения знаний и опыта.

НЕОБХОДИМЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1. Необходимость активной государственной политики и финансово-экономического механизма в топливно-энергетическом комплексе страны, направленной на обеспече-

ние ускоренного развития ядерной технологии, с концентрацией усилий и средств для увеличения государственной поддержки в инвестиционной политике и в инновационных проектах ЯЭ.

2. Как известно, рынок состоит из субъектов, интересы которых не всегда совпадают с интересами государства. Сегодняшний рынок в России воспроизводит сырьевую направленность экономики. Многие страны мира используют экономические рычаги для регулирования экономики. Очевидно, что рынок без дополнительных мер государственного регулирования не выводит экономику страны на высокотехнологичную траекторию развития, а атомная энергетика и ядерно-топливный цикл являются одним из направлений структурного сдвига в экономике страны и прорывных технологий XXI века.

3. Приоритизация инновационных проектов (в том числе с активным участием российских экспертов в международном проекте МАГАТЭ ИНПРО), концентрация усилий (финансовых и организационных) на технологиях и достижениях, способных обеспечить России достойное место на международном рынке ядерных технологий и расширить экспортные возможности страны. В качестве приоритетного направления необходимо отметить ЯЭУ малой мощности на основе уникального опыта НИОКР и создания ЯЭУ для АПЛ, способные к конкуренции на обширном и незаполненном пока рынке АЭС малой мощности для развивающихся стран. Речь идет о перспективных ЯЭУ нового поколения (интегральная компоновка, жидкометаллическое охлаждение т.п.), соответствующих международным требованиям безопасности, экономики и нераспространения.

4. Обеспечение аккумулирования, сохранения и передачи знаний и опыта в ядерной области с активным привлечением исследователей в ядерную отрасль путем экономического (финансового и др.) и организационного стимулирования студентов, аспирантов и привлечения ведущих инженеров, исследователей и ученых к работе в «головных» ядерных университетах и кафедрах страны: МИФИ, ИАТЭ, МВТУ, МЭИ, МФТИ, МАИ, МГУ и др. Практическая реализация задачи сохранения ядерных знаний и опыта путем разработки, утверждения и реализации «национальной программы» в этой области, создания Российского Центра ядерных знаний и технологий (интегрированного научно-образовательного центра) с регистрацией его как филиала Всемирного ядерного университета в г. Обнинске.

Приглашаем Вас в Клуб Триалог

Основанный в 2000 г., Клуб *Триалог* объединяет крупные компании и дипломатические представительства, средства массовой информации и научно-исследовательские организации.

Цель Клуба – оперативно и квалифицированно знакомить его членов с широким спектром позиций и мнений по актуальным вопросам международной безопасности.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **подпиской** на периодические (журнал *Ядерный Контроль* на русском и английском языках) и электронные (*Вопросы Безопасности*, *Arms Control & Security Letters* и *Ядерный Контроль: Информация*) издания ПИР-Центра;
- **монографиями и докладами** серии Библиотека ПИР-Центра;
- **доступом** к информационным ресурсам Центра и специально созданным для членов Клуба разделам в сети Интернет (<http://www.trialogue.ru> и <http://www.pircenter.oris/rus/club>);
- **приглашениями на** ежеквартальные заседания Клуба и заседания Экспертно-консультативного совета Центра (4 раза в год).

С докладами на заседаниях Клуба выступают ведущие государственные и неправительственные эксперты из России и зарубежных стран. Докладчиками на последних встречах Клуба *Триалог* стали:

- **Сэм Нанн**, сенатор США (1972–1996 гг.);
- **К.И. Косачев**, председатель Комитета по международным делам ГД ФС РФ;
- **Н.Н. Спасский**, заместитель секретаря Совета безопасности РФ;
- **Г. Шафеи**, посол Исламской Республики Иран в РФ;
- **С.В. Антипов**, заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии;
- **А.И. Антонов**, директор Департамента по вопросам безопасности разоружения МИД РФ.

Клуб Триалог – это практическая и эффективная помощь компаниям в продвижении и развитии их бизнеса; трибуна для представления национальной позиции по актуальным вопросам современности дипломатам и эксклюзивный источник информации для экспертов и журналистов.

Клуб Триалог объединяет российские и зарубежные компании с суммарным годовым оборотом более 20 млрд долл. и персоналом более 100 тыс. человек. Среди представителей бизнеса, являющихся членами Клуба *Триалог*, в частности, такие компании, как *Bechtel*, *Washington Group Int.* и *Техснабэкспорт*.

Членом Клуба можно стать, оплатив **клубный взнос** за индивидуальное или корпоративное членство.

За более подробной информацией об условиях вступления в Клуб *Триалог* следует обращаться по тел. (095) 764-9896 или электронной почте: info@trialogue.ru.

Статья X.1 Договора о нераспространении ядерного оружия: *«Каждый Участник настоящего Договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком выходе он уведомляет за три месяца всех Участников Договора и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы».*

Это положение предусматривает «право выхода» из Договора о нераспространении ядерного оружия. Его содержание свидетельствует о том, что право выхода из ДНЯО является *ограниченным*. Участник ДНЯО не может выйти из Договора, если он не примет решение, что «связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства» поставили «под угрозу высшие интересы его страны». Но и в таком случае, как это требуется по Договору, *перед тем как выйти из него*, необходимо за три месяца уведомить об этом всех из более чем 180 других государств-участников Договора «и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций». В таком уведомлении должно содержаться «заявление об исключительных обстоятельствах, которые он [государство-участник] рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы». Это положение, следовательно, явно предполагает, что адекватность заявленных обоснований выходящего из Договора участника может быть предметом рассмотрения и обсуждения Советом Безопасности, как и другими участниками ДНЯО.

Что могут предпринять участники ДНЯО, если они найдут представленные обоснования неадекватными? Предположим, что некоторые участники ДНЯО решат, что «исключительные обстоятельства», приведенные в уведомлении выходящим из Договора участником, не связаны с ядерным нераспространением, как это требуется Договором, либо не поставили «под угрозу высшие интересы» государства, решившего выйти из ДНЯО. Если участники придут к подобному заключению, то как им следует поступить? И если они обратились бы к Совету Безопасности с предложением принять меры, чтобы не допустить выхода из Договора, или с требованием хотя бы выдвинуть какие-нибудь условия выхода, то какие действия в таком случае мог бы предпринять Совет?

Настоящая статья рассматривает вопрос, почему указанное положение, ограничивающее право выхода из ДНЯО, было включено в Договор, как предполагалось это право ограничить и чем его обусловить. Свидетельствует ли история переговоров относительно включения в Договор права выхода о том, что участники переговоров стремились воспрепятствовать выходу из Договора путем включения в него требования о представлении Совету Безопасности, а также другим участникам ДНЯО обоснований для выхода государством-участником, пожелавшим осуществить выход? И какие полномочия положение о праве выхода дает участникам ДНЯО и Совету Безопасности для решения проблемы выхода из него Северной Кореи или, скажем, Ирана, либо какого-то другого участника?

ПРАВО ВЫХОДА

Имеют ли участники ДНЯО – такие, например, как Северная Корея, – право выхода из Договора на любом основании? О чем говорит история выработки положения о праве выхода?

Венская конвенция о праве договоров устанавливает, что участник может выйти из договора «в соответствии с положениями Договора...» или с согласия всех участников¹. Второе из этих двух положений относительно выхода определено неприменимо, если какой-либо из участников высказывает возражения против выхода, как это имело место при выходе из ДНЯО Северной Кореи. Но первое из указанных оснований требует соблюдения положения о выходе из ДНЯО. (На Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. Соединенные Штаты заняли позицию, согласно которой участники ДНЯО имеют «суверенное право» выхода и, как они считают, на любом основании². Но это не согласуется с позицией, которую Соединенные Штаты отстаивали на переговорах по ДНЯО, не согласуется это и с общепризнанным международным правом договоров, которое мы процитировали в начале данного абзаца).

Соответствовал ли выход из Договора Северной Кореи содержащемуся в ДНЯО положению о праве выхода? Северная Корея представила два основания для своего выхода: *во-первых*, военные учения, проводившиеся Южной Кореей и Соединенными Штатами в 1993 г., которые, как заявила Северная Корея, представляли для нее угрозу, и, *во-вторых*, отсутствие объективности со стороны инспекторов МАГАТЭ, которые в 1993 г. имели полномочия от Агентства провести специальную инспекцию в Северной Корее за пределами исследовательского реактора – небольшого завода по переработке ОЯТ и некоторых других объектов, которые Северная Корея ранее объявила открытыми для инспекций³. Оба основания были приведены в уведомлении, представленном Северной Кореей в 1993 г. Это уведомление было взято обратно за один день до вступления в силу решения о выходе из Договора в 1993 г. С момента представления уведомления к этому моменту прошло три месяца минус один день. Однако в 2003 г. Северная Корея вернулась к своему уведомлению 1993 г., заявив, что в 2003 г. достаточно уведомления за один день, поскольку в 1993 г. срок сделанного тогда уведомления завершился, за исключением одного дня, когда Северная Корея взяла обратно свое тогдашнее уведомление. Поскольку Северная Корея настаивала на том, что она просто возвращается к своему уведомлению 1993 г., то она полагала, что обоснования, представленные в том уведомлении для оправдания своего выхода из Договора, должны рассматриваться в качестве обоснований для выхода и в 2003 г.⁴

В 1993 г. Северная Корея отказалась разрешить инспекторам МАГАТЭ провести инспекцию объектов за пределами того места, которое было объявлено открытым для проведения инспектирования. На этом месте располагались ядерный реактор, завод по выделению плутония и некоторые другие ядерные установки. На основании собранных ими доказательств инспекторы пришли к заключению, что Северная Корея, очевидно, выделила больше плутония, чем ею было заявлено Агентству. Инспекторы высказали желание проинспектировать другие близко расположенные объекты, чтобы собрать дополнительные доказательства, относящиеся к выделению плутония. Но Северная Корея отказалась их туда допустить⁵. После того как Совет управляющих МАГАТЭ принял решение поддержать просьбу инспекторов проинспектировать дополнительные объекты, Северная Корея направила свое уведомление другим участникам ДНЯО и Совету Безопасности ООН. Она отказалась дать разрешение на проведение инспекции МАГАТЭ в течение последовавших за уведомлением 1993 г. трех месяцев, а также и в дальнейшем.

Как указывалось, Северная Корея в 1993 г. представила два основания для выхода из Договора: проводившиеся Соединенными Штатами и Южной Кореей на южнокорейской территории военные учения под названием «Team Spirit», которые, по утверждению КНДР, представляли угрозу ее безопасности; и второе – «отсутствие беспристрастности» со стороны инспекторов МАГАТЭ, которые обратились с просьбой проинспектировать дополнительные объекты, что Северная Корея не разрешила им сделать. Являлись ли эти основания «связанными с содержанием настоящего Договора исключительными обстоятельствами», поставившими «под угрозу» «высшие интересы» Северной Кореи?

И если эти утверждения Северной Кореи имели под собой какие-либо основания в 1993 г., то сохраняли ли подобные утверждения силу оснований и в 2003 г.? В уведомлении Северной Кореи, сделанном участникам ДНЯО в 2003 г., содержалась жалоба на то, что президент Буш включил КНДР в состав стран «оси зла», а также утверждение, что Соединенные Штаты держат ее под прицелом упреждающего удара⁶. И поскольку КНДР не предусмотрела трехмесячный период для своего выхода из Договора, то она, очевидно, должна была обосновать свой выход, исходя из уведомления 1993 г., но дело в том, что в уведомлении 1993 г. были приведены другие основания для выхода.

Чтобы ответить на указанные выше вопросы, рассмотрим историю выработки положения о праве выхода из ДНЯО. Формулировка этого положения основана, с двумя важными изменениями, на тексте Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (в дальнейшем: Договора о трех средах), который был согласован между Советским Союзом, Соединенными Штатами и Великобританией в Москве в 1963 г. Первоначальный англо-американский проект этого Договора, который был подготовлен и предложен в Москве двумя делегациями, содержал гораздо более детализированное положение о праве выхода, чем то, которое было окончательно согласовано с Советским Союзом. Англо-американский проект перечислял несколько конкретных обоснований, которые могли бы оправдать выход из Договора, включая: «а) невыполнение любым другим Участником обязательств по настоящему Договору» и «б) проведение ядерных взрывов государством, не являющимся Участником настоящего Договора, при обстоятельствах, которые могли бы поставить под угрозу национальную безопасность выходящего из Договора Участника...»⁷. Таким образом, американская и британская делегации на московских переговорах считали, что их страны полагали необходимым иметь право выхода из Договора о трех средах, если другой участник Договора (Советский Союз?) нарушит свои обязательства по Договору путем проведения ядерных испытаний или если государство, не являющееся Участником (Китай?), произведет ядерные испытания, которые могли бы «поставить под угрозу» «национальную безопасность» выходящего из Договора участника.

Американским представителям на переговорах было важно включить в Договор о трех средах положение о праве выхода для получения согласия Сената США на ратификацию этого Договора с тем, чтобы он мог вступить в силу в 1963 г. Некоторые сенаторы могли бы настаивать на том, чтобы Соединенные Штаты имели право на выход из этого Договора для возобновления ядерных испытаний в атмосфере, если бы, например, Китай начал проведение испытаний в атмосфере, что он и сделал в 1964 г. Такие взрывы в атмосфере были бы запрещены Договором о трех средах, но никто и не ожидал, что Китай присоединится к Договору⁸.

В ходе московских переговоров советский министр иностранных дел А.А. Громыко занимал позицию, согласно которой любая страна имеет право отказаться от выполнения обязательств по Договору, если таковые обязательства будут противоречить ее высшим национальным интересам⁹. Громыко предложил формулировку о выходе не по причине желания нарушить Договор, а в порядке осуществления суверенных прав государств, т.е. предложил сформулировать право на выход в более общем виде. Советская сторона не имела возражений против включения в Договор положения об обстоятельствах, которые могли бы вынудить государство-участника принять решение о выходе из Договора в порядке осуществления государственного суверенитета и при наличии угрозы высшим интересам страны. Однако советская сторона стремилась избежать формулировок, которые могли бы содержать намек на Китай. Отсюда – компромиссная формула об исключительных обстоятельствах, «связанных с содержанием» Договора¹⁰.

Согласованный компромисс был менее детализированным, чем формулировка англо-американского проекта, но сходным с ним в том, что в обоснование выхода требовалось объяснение причин. Компромиссная формулировка ограничивала причину, по которой разрешался бы выход, «связанными с содержанием» Договора о трех средах «исключительными обстоятельствами». Содержанием Договора, конечно же, являются ядерные испытания в атмосфере. Эта формулировка не включала предложенное в англо-американском проекте положение о том, что участник, пожелавший выйти из Договора, мог бы попросить создать

конференцию всех участников для «оценки значения положения»¹¹. Но она содержала требование, как и англо-американский проект, что участник, намеревающийся выйти из Договора, «о таком выходе уведомляет за три месяца всех Участников Договора»¹².

В дальнейшем это положение Договора о трех средах легло в основу формулировки о праве выхода из ДНЯО. Но, прежде чем указанное положение было представлено американской и советской делегациями в 1968 г. на рассмотрение других стран-участниц Женевского комитета по разоружению, оно было изменено в двух важных отношениях. Как и в Договоре о трех средах, к которому многие из этих стран уже присоединились, в проекте ДНЯО говорилось, что право выхода из этого Договора может быть осуществлено только в том случае, если выходящее из него государство решает, что «связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны». Но, в отличие от Договора о трех средах, уведомление о выходе должно быть направлено Совету Безопасности, а также другим участникам, и в нем должно содержаться заявление об «исключительных обстоятельствах», которые выходящий из Договора участник рассматривает как «поставившие под угрозу его высшие интересы». Таким образом, проект ДНЯО предусматривал достаточно твердые условия для выхода («связанные с [ядерным нераспространением] исключительными обстоятельствами», которые «поставили под угрозу высшие интересы [...]»). И что весьма важно, требовалось уведомление, в дополнение к уведомлению участников Договора, и в адрес Совета Безопасности, поскольку именно Совет по Уставу ООН имеет полномочия рассматривать угрозы международному миру и безопасности, которые мог бы вызвать выход из ДНЯО. Кроме того, требовалось представить Совету и другим участникам заявление о причинах выхода. И такие причины затем могли быть рассмотрены и по ним вынесено суждение относительно того, действительно ли они составляют «исключительные обстоятельства», которые поставили «под угрозу высшие интересы» данной страны.

Эта американско-советская формула о праве выхода, внесенная на рассмотрение Женевского комитета по разоружению при выработке ДНЯО, была в основном принята большинством делегаций. Так, например, Египет (тогда Объединенная Арабская Республика) еще раньше согласился с тем, что выход из Договора «должен быть связан не с абсолютным дискреционным правом (выходящего из договора государства-участника), а с несоблюдением Договора. Это несоблюдение вытекает из невыполнения или нарушения Договора одной из договаривающихся сторон или из того факта, что третье государство пошло по пути распространения ядерного оружия вместе с каким-либо другим государством»¹³. Многие делегации придерживались точки зрения Египта. Однако, скажем, Бразилия стремилась к тому, чтобы *облегчить* выход – путем включения дополнительных причин, оправдывающих право выхода¹⁴. Но она встретила слабую поддержку. Эти переговоры и обсуждения не привели к изменениям формулировки о выходе, которая была предельно согласована между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Таковой является формула, применимая к выходу из Договора Северной Кореи. Позволяет ли она выход по причинам, выдвинутым Северной Кореей? Как отмечалось, причиной, выдвинутой Северной Кореей в 1993 г. для выхода из ДНЯО, были американско-южнокорейские военные учения, проходившие в Южной Корее, а также отсутствие объективности, по мнению Северной Кореи, со стороны инспекторов МАГАТЭ, которые желали провести специальную инспекцию за пределами ядерного реактора и установки по выделению плутония, регулярно проверявшихся Агентством в Нёнбене¹⁵. Причины, приведенные Северной Кореей, едва ли являлись связанными с содержанием настоящего Договора «исключительными обстоятельствами» даже в 1993 г., а тем более в 2003 г., когда КНДР объявила, что ее уведомление 1993 г., которое не действовало в течение десяти лет, вступит в силу почти незамедлительно. Уведомление 1993 г. было взято Северной Кореей обратно за один день до истечения трехмесячного срока. В 2003 г. КНДР направила уведомление о выходе за один день, и, как представляется, оно возобновляло уведомление 1993 г., поскольку вступало в силу через один день до срока, оставшегося от трехмесячного периода уведомления 1993 г.

В заявлении для печати, сделанном в 2003 г., Северная Корея объявила об «автоматическом и немедленном вступлении в силу выхода из ДНЯО» (вводимом в действие на сле-

дующий день). Выход из Договора, как говорилось в этом сообщении для печати, объясняется «тяжелой ситуацией, в результате которой под самую серьезную угрозу поставлены высшие интересы нашего государства»¹⁶. Текст этого сообщения был, разумеется, основан на формулировке положения ДНЯО о выходе из Договора. В тот же день Северная Корея направила Совету Безопасности ООН уведомление, в котором говорилось, что ее выход вступает в силу немедленно по указанной причине. С точки зрения Северной Кореи, своим заявлением 2003 г. и уведомлением за один день она выполнила требование ДНЯО об уведомлении за три месяца, полагаясь на то, что прошло 89 дней после уведомления 1993 г., прежде чем она объявила за один день до истечения трехмесячного срока, что это уведомление 1993 г. не вступает в силу.

В 2003 г. были основания оспорить заявление о том, что Северная Корея завершила объявленное в 1993 г. уведомление о трехмесячном сроке перед ее выходом, сделав в 2003 г. уведомление о еще одном дне до ее выхода из ДНЯО. Но с момента сообщения для печати 2003 г. и нового уведомления о выходе прошло уже гораздо больше трех месяцев¹⁷. Рассмотрим теперь по существу адекватность выдвинутых КНДР причин выхода из Договора.

Во-первых, проводившиеся Соединенными Штатами в 1993 г. совместные военные учения с южнокорейскими войсками в Южной Корее, которые Северная Корея выдвинула в своем уведомлении 1993 г. в качестве причины для выхода, не были «исключительными обстоятельствами» ни в 1993, ни в 2003 гг. Не были они связаны и с «содержанием» ДНЯО, суть которого состоит в предотвращении ядерного распространения. Военные учения проводились в Южной Корее много раз и до и после 1993 г., не вызывая потребности в выходе КНДР из Договора. Учения проходили без ядерного оружия и не имели отношения к ядерному нераспространению, как это предусматривается положением о выходе, содержащимся в ДНЯО. Ядерное оружие США, которое в прошлом было размещено в Южной Корее, было выведено из страны в 1991 г. Более того, военные учения, проводившиеся в 1993 г., едва ли могли оправдать выход КНДР из Договора в 2003 г. Таким образом, учения не представляли ядерной угрозы ни в 1993 г., ни в 2003 г.

Во-вторых, «отсутствие беспристрастности» со стороны инспекторов МАГАТЭ, на что ссылалась Северная Корея, даже если и имело место, когда, как утверждала КНДР, инспекторы не проявили объективности, не связано с «содержанием» ДНЯО. И, таким образом, если бы Совет Безопасности в рамках своей юрисдикции высказал суждение и постарался разрешить возникшую ситуацию в 1993 или в 2003 гг., то он, очевидно, не пришел бы к заключению, что Северная Корея представила адекватное оправдание своего выхода, основанное на содержащемся в уведомлении о выходе утверждении, что инспекторы МАГАТЭ в 1993 г. действовали с пристрастием.

В-третьих, выдвинутое Северной Кореей в 2003 г. утверждение, что ее выход объясняется «тяжелой ситуацией, в результате которой под самую серьезную угрозу поставлены высшие интересы нашего государства», ни в коем случае не было адекватным в 2003 г. для оправдания выхода из Договора даже через 90 дней, не говоря уже об одном дне¹⁸.

Почему Совет Безопасности не принял меры против выхода Северной Кореи из Договора в 1993 и в 2003 гг.?

В 1993 г. не смогли убедить Китай согласиться с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН, обладающими правом вето, чтобы Совет принял меры с целью заставить Северную Корею не выходить из ДНЯО, по крайней мере на время, пока спорная ситуация не будет рассмотрена в столицах и в рамках Совета Безопасности. Все, о чем тогда смогли договориться, это о том, чтобы Совет призвал Северную Корею разрешить МАГАТЭ проводить инспекции. КНДР отказалась прислушаться к этому призыву¹⁹. После этого отказа Северной Кореи Совет не принял никаких дополнительных мер.

В 1993 г., после того как Совет Безопасности не считал нужным предпринять действия в отношении Северной Кореи, министр обороны США У. Перри и его заместители доложили о сложившейся ситуации президенту Клинтону и обосновали предложения о применении силы, чтобы не допустить овладения Северной Кореей ядерным оружием. Во вре-

мя проходившего в Белом доме обсуждения этого вопроса Клинтону позвонил по телефону находившийся тогда в Северной Корее бывший президент США Дж. Картер. Картер сообщил, что, как его уверили, Северная Корея вступит в переговоры и, очевидно, возьмет обратно свое уведомление о выходе из ДНЯО. В это время Картер имел беседы с тогдашним руководителем КНДР Ким Ир Сенгом. Клинтон попросил Картера обсудить с Ким Ир Сенгом различные возможности и потом, на основе доклада Картера, решил не применять силу против Северной Кореи по крайней мере в течение некоторого времени. Между США и КНДР последовали переговоры, и, как мы уже знаем, Северная Корея взяла обратно свое уведомление 1993 г. о выходе из ДНЯО как раз накануне истечения трехмесячного срока²⁰. Результатом переговоров стала Рамочная договоренность 1994 г. между Северной Кореей и Соединенными Штатами. Это привело к замораживанию производства Северной Кореей оружейного плутония, но, возможно, не помешало тайным работам по обогащению урана, что делалось, предположительно, с целью изготовления оружия²¹.

Происходившие, начиная с 2002 г., закрытые переговоры между Северной Кореей и Соединенными Штатами, к которым позднее присоединились соседние государства – Китай, Россия, Япония и Южная Корея, дали незначительный результат²². Как указывалось, в 2003 г. Северная Корея вновь направила уведомление о выходе из ДНЯО. Ввиду того что Китай и Россия настаивали на продолжении переговоров с КНДР и не поддержали принятие Советом Безопасности решения о мерах против Северной Кореи, а также ввиду того что Китай мог наложить вето на такое решение, Совет не смог предпринять действий, направленных на то, чтобы удержать Северную Корею от дальнейшей ядерной деятельности²³. Какую роль смог бы сыграть Совет Безопасности, если бы все его пять постоянных членов были согласны с тем, что выход КНДР из ДНЯО представляет угрозу международному миру и безопасности, в чем многие были уверены после ее выхода из Договора в 2003 г.? Какими полномочиями обладает Совет Безопасности в подобном случае?

Вообще говоря, в том, что касается *двухсторонних* договоров, не содержащих положения о праве выхода, международное право допускает выход исходя из обстоятельств, которые сложились у каждого из участников. С другой стороны, современные *многосторонние* договоры (в которых выход одного из участников может затронуть интересы двух или более участников) часто содержат положение о праве выхода, как это имеет место и в ДНЯО. В таких случаях осуществление права выхода зависит от того, как это предусмотрено соглашением, включая и то, о чем говорится в нем относительно прав всех участников такого соглашения²⁴. Как мы знаем, ДНЯО предоставляет право выхода участнику, если этот участник «решил, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны». Кто, кроме выходящего из Договора участника, может вынести суждение о том, что выход ему разрешается? В ДНЯО говорится, что выходящий из него участник должен за три месяца представить уведомление в адрес всех других его участников «и Совета Безопасности Организации Объединенных Наций» о своем намерении выйти из Договора, включая заявление об «исключительных обстоятельствах», упомянутых выше. Договор о трех средах не требует направления уведомления Совету Безопасности, в нем говорится только об уведомлении других участников. Это важное дополнение в ДНЯО имело целью дать Совету Безопасности возможность рассмотреть вопрос о выходе, если он создает угрозу миру по смыслу положений Устава ООН, предоставляющих Совету Безопасности широкие полномочия для рассмотрения вопроса о том, как поступить с такими угрозами²⁵.

Хотя обсуждения между пятью постоянными членами Совета Безопасности в 1993 и 2003 гг. не были публичными, заявленные Северной Кореей причины выхода из ДНЯО, судя по всему, представлялись этим членам Совета неадекватными, за исключением, по-видимому, Китая и, возможно, также и России. В 1993 г. Китай, стремясь, по всей видимости, к тому, чтобы подтолкнуть Соединенные Штаты к переговорам с Северной Кореей, отказался дать согласие США не ветоировать резолюцию Совета Безопасности, направленную против Северной Кореи, если эта резолюция будет внесена на рассмотрение Совета. В дальнейшем, как мы видели, переговоры оказались результативными, завершившись в конечном счете принятием Рамочной договоренности между США и КНДР в 1994 г. После того как в 1993 г. начались переговоры, Северная Корея решила не

вводить в действие свое уведомление о выходе из Договора, взяв его обратно за день до истечения трехмесячного срока. В 2003 г. переговоры периодически имели место, но, очевидно, по мнению Северной Кореи, они не давали желаемого результата, который был ей нужен, чтобы остаться в ДНЯО. Итак, как уже говорилось выше, в 2003 г. КНДР заявила, что приостановление выхода из Договора, объявленное ею в 1993 г., теперь прекращается, и на этот раз уведомление о выходе за три месяца не направляется. Однако заявленные Северной Кореей причины выхода были неадекватными и не соответствовали положениям ДНЯО ни в 1993, ни в 2003 г.

*Какова роль Совета Безопасности в случае выхода одного из участников из Договора, при том понимании, что его постоянные члены придут к согласию и по крайней мере еще четыре других члена Совета также будут с этим согласны?*²⁶

Как было показано выше, при согласовании своего предложения о праве выхода из ДНЯО Советский Союз и Соединенные Штаты использовали *некоторые* формулировки Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Но при этом они добавили формулировки, благодаря которым текст этого положения был существенно изменен. Одно дополнение предусматривает, что уведомление о выходе из Договора должно быть направлено также и Совету Безопасности ООН, в то время как в положении о выходе из Договора о трех средах Совет Безопасности не упоминается. Во-вторых, в ДНЯО включена формулировка, предусматривающая, что выходящий из него участник должен включить в свое уведомление «заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы». В Договоре о трех средах такое требование не содержится. Это требование явно было добавлено для того, чтобы уведомить Совет Безопасности о выходе и объяснить причины выхода, поскольку выход из Договора может поставить под угрозу международную безопасность. Устав ООН предоставляет Совету Безопасности полномочия предпринимать действия для устранения такой угрозы, если с этим соглашаются девять его членов, включая пять постоянных²⁷.

Ближе к завершению переговоров по ДНЯО в Женевском комитете по разоружению делегация Бразилии задала вопрос, почему в проект ДНЯО включено, в дополнение к формулировке Договора о трех средах, уведомление в адрес Совета Безопасности о причинах выхода из ДНЯО. Представитель Бразилии заявил, что «Устав Объединенных Наций возлагает на Совет Безопасности осуществление функций, которые конкретно связаны с поддержанием международного мира и безопасности, а не функций, связанных с участием в механизме выхода из какого-либо договора»²⁸. Представитель Румынии задал аналогичный вопрос. Американский представитель ответил на это, что «важно, чтобы ситуация, которая затрагивает поддержание международного мира и безопасности, была рассмотрена Советом Безопасности»²⁹. При завершении рассмотрения этого вопроса более детальный ответ дал советский представитель, который заявил:

«[Со]ответствует ли рассматриваемое обязательство об уведомлении Совета Безопасности Уставу ООН и, в частности, тем положениям Устава, которые возлагают на Совет Безопасности ответственность за поддержание международного мира и безопасности? Иными словами, будет ли правомерным включать в Договор о нераспространении обязательство извещать Совет Безопасности о фактах выхода из Договора? [Далее представитель СССР привел несколько прецедентов из договоров, согласно которым требовалось, чтобы международные организации извещали или докладывали Совету Безопасности относительно событий, могущих создать угрозу международной безопасности.] Целесообразность включения в Договор [о нераспространении] такого обязательства вытекает из того, что в случае выхода какого-либо государства из Договора о нераспространении другие участники этого Договора должны получить разъяснения о причинах выхода из Договора не из каких-либо других источников, а от самого выходящего из Договора государства. Получение же Советом Безопасности такого мотивированного уведомления непосредственно от заинтересованного государства способствовало бы более эффективному исполнению Советом Безопасности своих функций... Ре-

акция Совета Безопасности на такое уведомление будет зависеть от той ситуации, которая привела к выходу того или иного государства или могла бы сложиться в связи с таким выходом. Совет Безопасности в таких случаях выполнял бы функции, возложенные на него в соответствии с Уставом ООН»³⁰.

Окончательный текст положения о выходе из ДНЯО, представленный Генеральной Ассамблее ООН Женевским комитетом по разоружению, имел ту же формулировку, которая рассматривалась в Женеве, и эта формулировка, как отмечалось, требовала направления уведомления Совету Безопасности вместе с заявлением о причинах выхода. Устав ООН уполномочивает Совет принимать меры, если это необходимо, для поддержания международного мира и безопасности. Поскольку по Уставу ООН Совет обладает такими полномочиями, он может предпринять действия, чтобы удержать государство от выхода при определенных обстоятельствах, если он получит требуемое уведомление о намерении выйти из Договора. Трехмесячный период даст членам Совета время провести консультации, получить дополнительную информацию о последствиях выхода государства-участника и согласовать резолюцию Совета о принятии мер, если таковое будет сочтено целесообразным.

Таким образом, предусматриваемое положением ДНЯО о праве выхода требование, чтобы Совет Безопасности ООН был уведомлен о выходе, имело целью предоставить Совету информацию о выходе, поскольку данный выход мог иметь отношение к «соображениям безопасности» или определено привести к угрозе миру по смыслу положений Устава ООН, возлагающего на Совет полномочия действовать в целях устранения такой угрозы³¹. Если после уведомления Совет пришел к заключению, что выход мог быть чреват такой угрозой, то он в состоянии применить полномочия и принять меры для откладывания или предотвращения выхода либо потребовать, чтобы выходящий участник поддерживал мир до тех пор, пока он получит разрешение на выход из Договора. Выход из ДНЯО, который мог бы представлять или вызывать угрозу миру, очевидно, стал бы испытанием способности Совета Безопасности ООН принимать соответствующие меры для удержания участников от выхода из Договора или для иного решения вопроса о таком выходе.

Представлял ли выход Северной Кореи угрозу миру? Вероятной причиной первоначального выхода Северной Кореи было продолжение создания ядерного оружия в отсутствие инспекций со стороны МАГАТЭ. К 2003 г. это стало достаточно очевидным. Соседи Северной Кореи – Китай, Россия, Южная Корея и Япония к этому времени стали проявлять столь существенную озабоченность такой перспективой, что они побудили Соединенные Штаты вступить в серьезный диалог с КНДР в рамках шестисторонних переговоров, в которых все они тоже приняли участие. Они, судя по всему, были обеспокоены тем, что обладание Северной Кореей ядерным оружием могло бы создать угрозу миру в их регионе.

Если предположить, что Иран решит выйти из ДНЯО, то как положение Договора о выходе ограничило бы его право на выход из Договора?

Кое-кто высказывал опасения, что Иран может выйти из ДНЯО, если он не получит права на обогащение урана в ходе переговоров с тремя членами ЕС – Великобританией, Францией и Германией. Помешает ли положение ДНЯО о выходе из Договора такому решению Ирана? Если бы Иран предполагал обогащать уран только в мирных целях, а именно такой версии он придерживается в настоящее время, то не было бы нарушения ДНЯО в том виде, как этот Договор интерпретировался в течение многих лет. Новая идея, что это должно быть запрещено для государства-участника ДНЯО, который не обладает ядерным оружием и который еще не занимался обогащением урана, конечно, не пользуется популярностью среди участников Договора, не обладающих ядерным оружием³².

Германия и Нидерланды, например, совместно с Великобританией владеют URENCO – многосторонней организацией, которая эксплуатирует крупный обогатительный завод в Нидерландах. Работники на этом заводе – граждане из всех трех стран, поэтому, например, представитель Нидерландов всегда может проследить, не используют ли представители, скажем, Германии данный завод для производства высокообогащенного урана для возможного изготовления ядерного оружия. Более того, постоянные инспекции на

заводе проводит Евратом – ядерное регулирующие агентство, в котором участвуют некоторые члены ЕС. И в дополнение к этому инспекторы МАГАТЭ проводят на нем независимые инспекции. Если это приемлемо в отношении Германии и Нидерландов, то почему бы трем странам ЕС и Соединенным Штатам не согласиться с каким-либо подобным вариантом для Ирана?

Когда в свое время был создан EURODIF – другая находящаяся в совместном владении многосторонняя организация по обогащению урана, то ее участниками были Франция, Италия, Испания, Бельгия и Иран. EURODIF в настоящее время имеет один обогатительный завод во Франции. Как и некоторые другие участники EURODIF, Иран не был в состоянии возмещать свою долю расходов на обогащение урана, производимого заводом во Франции, и вышел из EURODIF много лет тому назад³³. Предположим, что Иран вновь присоединился бы к EURODIF и этот обогатительный завод во Франции находился бы под гарантиями Евратома и МАГАТЭ, а также под наблюдением сотрудников или наблюдателей из различных стран-членов EURODIF. Удовлетворило бы это Соединенные Штаты и три страны ЕС? А что если бы новая многосторонняя организация, находящаяся в совместном владении и эксплуатации ряда государств и поставленная под гарантии МАГАТЭ, была создана государствами Ближнего Востока и, возможно, некоторыми другими странами, обладающими ядерными реакторами, и при этом в ней участвовала бы Россия, так же как являющаяся ядерной державой Франция участвует в EURODIF? Ведь Россия уже будет поставлять ядерное топливо для нового иранского ядерного реактора. Возможно, подобные вопросы могли бы стать предметом рассмотрения трех стран ЕС, ведущих переговоры с иранской стороной, а также России и Ирана.

КАКИЕ МЕРЫ ПРЕДЛАГАЮТСЯ ДЛЯ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ВЫХОДА ИЗ ДНЯО?

После выхода Северной Кореи из ДНЯО у многих возникли следующие вопросы:

- *Чем выход Северной Кореи из ДНЯО отличается от более раннего выхода Соединенных Штатов из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (Договора по ПРО)?*³⁴ Договор по ПРО был двухсторонним – его участниками являлись только Россия и Соединенные Штаты. Переговоры между двумя государствами, которые проходили до выхода США из Договора по ПРО, не были достоянием общечеловечности. Однако подписание Московского договора 2002 г., который заменил ранее заключенный Договор СНВ-2, по-видимому, был частичной компенсацией за выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО³⁵. Более того, положения о выходе в договорах по ПРО и СНВ-2 отличаются от соответствующих положений ДНЯО. Ни Договор по ПРО, ни Договор СНВ-2 не требовали уведомления Совета Безопасности ООН, и, таким образом, его участие в решениях о выходе не предусматривалось³⁶. Следовательно, вопрос о том, оправдывается ли выход США из Договора по ПРО формулировкой выхода из этого договора, не имеет отношения к тому, оправдывается ли выход Северной Кореи из ДНЯО формулой выхода из данного Договора, предусматривающего уведомление Совета Безопасности.
- *Каким образом можно было достигнуть консенсуса между участниками ДНЯО относительно целей и эффективности действий Совета Безопасности в случае выхода участника из ДНЯО?* Некоторые участники ДНЯО предлагали свои идеи в отношении процедуры выхода на рассмотрение Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г., но провал этой конференции помешал достижению консенсуса³⁷. Существуют ли другие способы достижения такого консенсуса? Мы рассмотрим это ниже.
- *Помешает ли прежнее участие Северной Кореи в ДНЯО использовать для производства ядерного оружия после ее выхода из ДНЯО материалы, технологию и оборудование, которые она приобрела для мирных целей, будучи членом Договора?* Некоторая помощь в ядерной области, полученная Северной Кореей благодаря членству в ДНЯО в качестве неядерного государства-участника этого Догово-

ра, могла быть использована в производстве ядерного оружия. В 1950-х гг. северокорейские студенты с инженерным образованием получали подготовку в СССР в области ядерных процессов и ядерной технологии. В 1964 г. Москва поставила КНДР исследовательский реактор и ядерное топливо для него. Китай также оказывал помощь Северной Корее в ее ядерной деятельности³⁸. СССР смог убедить Северную Корею присоединиться к ДНЯО только в 1985 г., а гарантии МАГАТЭ КНДР отказывалась принять до 1992 г. Постепенно Северная Корея становилась все более независимой от стран, помогавших ей, сама научившись добывать и перерабатывать свой уран, сооружать собственные реакторы и даже создать установку по выделению плутония.

Как можно было бы решить вопрос, затронутый в изложенном выше третьем пункте? Ядерный экспорт, который мог бы оказать помощь неядерному государству-участнику ДНЯО в создании ядерного оружия, запрещен Договором, если ядерные установки не находятся под гарантиями МАГАТЭ³⁹. Поэтому не следует ли из этого, что ядерные материалы и иные компоненты, бывшие предметом экспорта в КНДР, должны были оставаться под гарантиями МАГАТЭ даже при выходе Северной Кореи из Договора? Европейский Союз предложил дать положительный ответ на этот вопрос.

Накануне Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. 25 государств-членов Европейского Союза согласовали «общий подход» к вопросу о выходе из ДНЯО⁴⁰. В предложенном ими рабочем документе, в частности, говорилось о следующих мерах:

- «принципиально подтвердить, что **все** созданные в мирных целях ядерные материалы, оборудование, технологии и установки государства-участника Договора о нераспространении ядерного оружия в случае его выхода из Договора по-прежнему могут применяться только в мирных целях и соответственно должны оставаться под режимом гарантий...
- ...подтвердить, ... что, в принципе, государство, выходящее из Договора, не должно продолжать использовать ядерные материалы, установки, оборудование и технологии, полученные от третьей стороны до выхода; и что такие ядерные установки, оборудование и материалы должны быть заморожены с целью их демонтажа и/или возвращения государству-поставщику под контролем МАГАТЭ. Меры в этих целях следует предусмотреть сразу же после направления уведомления о выходе»⁴¹.

Как представляется, эти предложения явились результатом выхода Северной Кореи из ДНЯО. Обращая внимание на важность рассмотрения Советом Безопасности вопроса о выходе из Договора, предложения ЕС также подчеркивали, что участники ДНЯО должны «подтвердить, что выход из Договора может в конкретных случаях представлять угрозу для международного мира и безопасности» (выделено нами. – Дж.Б. и Р.Т.). Выделенная курсивом формула взята из положений Устава ООН, относящихся к обстоятельствам, при которых Совет может принимать решения о применении силы⁴². Таким образом, ЕС высказался в поддержку применения силы по мандату Совета, когда это требуется в связи с возможными угрозами международной безопасности, возникающими в результате выхода государства из ДНЯО.

В дополнение к этому на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. Австралия и Новая Зеландия подчеркнули, что «участники ДНЯО не должны получить возможность избежать своих обязательств по Договору путем выхода из него[...]»⁴³. Япония, как и ЕС, предложила, чтобы Обзорная конференция по ДНЯО «подтвердила, что государство-участник, который вышел из Договора, продолжает нести ответственность за нарушения, которые он совершил, будучи его участником. Конференция [должна настаивать], чтобы любое государство-поставщик[...] принимало необходимые меры в рамках соглашений, дающих ему право требовать возвращения или нейтрализации любых материалов, установок, оборудования и т.д., которые были поставлены до выхода»⁴⁴.

Российская Федерация в своем национальном докладе о выполнении Договора о нераспространении ядерного оружия, представленном на Обзорной конференции, подчеркнула: «Осознавая свою ответственность в качестве участника Договора и его депозитария,

Россия констатирует исключительную чувствительность вопроса о выходе государств из ДНЯО. Считаем необходимым свести к минимуму возможность отказа государств от выполнения своих обязательств по Договору. Полагаем, что одним из путей укрепления ДНЯО могло бы стать повышение ответственности государств за принятие решения о выходе из Договора в соответствии со статьей X. Достижению этой цели могло бы послужить согласование ряда политических мер и процедур, которые применялись бы в таком случае. Однако подобные действия не должны вести к пересмотру положений ДНЯО»⁴⁵.

Поскольку же Обзорная конференция по ДНЯО 2005 г. не смогла достичь консенсуса ни по одному существенному вопросу, она не приняла решение по докладам касательно каких-либо из упомянутых предложений о праве выхода.

Но еще до Обзорной конференции в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, назначенной Генеральным секретарем ООН и состоящей из 12 выдающихся бывших мировых лидеров, было признано право Совета Безопасности согласно Уставу ООН рассмотреть вопрос о выходе государства-участника из ДНЯО, если такой выход представляет угрозу международному миру. В докладе предлагалось, чтобы в подобных случаях Совет Безопасности привлекал выходящее из ДНЯО государство к «ответственности за нарушения, совершенные в то время, когда оно еще было участником Договора». И далее:

«Уведомление со стороны того или иного государства о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия должно приводить к немедленной проверке выполнения им положений Договора, если необходимо – с санкции Совета Безопасности»⁴⁶.

Переговоры трех членов ЕС – Великобритании, Франции и Германии – с Ираном, по всей видимости, будут продолжаться. Три члена ЕС, представляющие Европейский Союз в целом, при проведении переговоров с Ираном не могут не учитывать факт выхода Северной Кореи из ДНЯО, а также неспособность Совета Безопасности, шестисторонних переговоров и Обзорной конференции по ДНЯО эффективно рассмотреть вопрос о выходе КНДР из Договора. Предложения ЕС, выдвинутые на Обзорной конференции по ДНЯО, которые мы только что процитировали, как представляется, явно имели в виду как Северную Корею, так и Иран. Позиция трех стран ЕС на переговорах с Ираном, по-видимому, была бы более убедительной, если бы на Обзорной конференции по этим предложениям было достигнуто согласие.

Предположим, что достигнуто полное согласие с «общим подходом» ЕС по выходу из ДНЯО, в соответствии с которым, среди прочего, «все созданные в мирных целях ядерные материалы, оборудование, технологии и установки государства-участника Договора о нераспространении ядерного оружия в случае его выхода из Договора по-прежнему могут применяться только в мирных целях и соответственно должны оставаться под режимом гарантий». Предположим, далее, что члены Совета Безопасности одобрили такой принцип в качестве руководства для своих действий в случае выхода государства-участника из Договора. В 1992 г. государства-члены Совета Безопасности ООН согласились, что распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения представляет собой «угрозу международному миру и безопасности по смыслу Устава ООН».

В июле 2005 г. на встрече в Глениглсе (Шотландия) члены «Большой восьмерки» заняли решительную позицию в отношении выхода Северной Кореи из ДНЯО, намекнув даже на то, что она все еще остается участником Договора: «Важно, чтобы КНДР незамедлительно вернулась к полному соблюдению ДНЯО и демонтировала все свои программы, связанные с ядерным оружием, на полной, контролируемой и необратимой основе». «Большая восьмерка» подтвердила свою поддержку шестисторонних переговоров между Северной Кореей и Китаем, Японией, Россией, Южной Кореей и Соединенными Штатами в интересах достижения цели – «полного соблюдения ДНЯО»⁴⁷.

В том, что касается Ирана, в заявлении «Большой восьмерки» говорилось: «Мы по-прежнему едины в своей решимости урегулировать озабоченности в отношении последствий для нераспространения продвинутой иранской ядерной программы». В заявлении предлагалось содействовать Ирану в выработке «долгосрочных договоренностей [...] о политическом и экономическом сотрудничестве», если Иран, оставаясь в рамках ДНЯО, бу-

дет воздерживаться от деятельности по обогащению урана и выделению плутония. Выразив решительную поддержку переговоров трех стран ЕС с Ираном, переговоры, которые, разумеется, основываются на той предпосылке, что Иран остается участником ДНЯО, «Большая восьмерка», несомненно, вполне определенно предупредила Иран о серьезных экономических и политических последствиях, если он выйдет из ДНЯО⁴⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Текст Договора о нераспространении ядерного оружия и история переговоров по ДНЯО свидетельствуют о том, что участники переговоров стремились помешать выходу из Договора, выдвинув нижеследующие требования:

- заявление о причинах выхода государства-участника должно содержать изложение «исключительных обстоятельств», относящихся к его «высшим интересам», которое объясняло бы необходимость выхода, а уведомление о выходе должно быть направлено всем другим участникам ДНЯО и Совету Безопасности ООН;
- если другие участники не в состоянии убедить выходящего из Договора участника не осуществлять выход, Совет Безопасности, тем не менее, должен рассмотреть вопрос о том, не представляет ли данный выход «угрозу международному миру и безопасности», и если представляет, то какие действия Совет и члены ООН должны предпринять в отношении такого участника.

Мы согласны с мнением ЕС, что если участник ДНЯО настаивает на выходе и его выход не угрожает миру, то его ядерные установки, использовавшиеся в мирных целях, тем не менее должны и в будущем быть ограничены только мирными целями. Таким образом, эти установки должны оставаться под гарантиями МАГАТЭ даже после выхода государства из Договора. Но если получившее упомянутые установки государство, став членом ДНЯО, берет на себя обязательство перед всем миром использовать такие установки в мирных целях, то и в случае его выхода участнику должно быть запрещено применять полученные установки для изготовления ядерного оружия.

Мы рекомендуем Совету Безопасности и МАГАТЭ рассмотреть вопросы, относящиеся к выходу из Договора, которые возникают в связи с выходом Северной Кореи из ДНЯО. Мы призываем к тому, чтобы эти международные органы приняли заявления, которые служили бы руководством в отношении последствий выхода из ДНЯО и определяли бы меры, которые Совет Безопасности должен принимать для того, чтобы воспрепятствовать в будущем выходу из Договора.

Примечания

¹ Венская конвенция о праве договоров, ст. 54.

² См.: Заявление представителя США на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. С. Хорн от 23 мая 2005 г.: Право выхода из Договора остается суверенным правом. (<http://www.state.gov/t/vc/rls/rm/46644.htm> от 1 июня 2005 г.).

³ Выдвинутые Северной Кореей обоснования будут подробнее рассмотрены ниже.

⁴ Некоторые считали, что уведомление, сделанное в 2003 г., является новым уведомлением, которое может вступить в силу спустя три месяца после его направления. Однако к настоящему времени с момента направления уведомления 2003 г. прошло уже больше времени, чем три месяца. (См.: du Preez Jean & Potter William. North Korea's Withdrawal from the NPT. <http://cns.miis.edu/pubs/week030409.htm> от 9 июня 2003 г.)

⁵ См.: Bunn George. A Brief History of DPRK's Nuclear Weapons-Related Efforts. In Michael May, et. al., *Verifying the Agreed Framework* (Livermore and Stanford, CA: Lawrence Livermore Laboratory Center for Global Security Research and Stanford University Center for International Security and Cooperation, 2001). P. 15–16.

⁶ du Preez Jean & Potter William. *Op. cit.*

⁷ См.: Anglo-American Proposal Submitted to the 18 Nation Disarmament Committee: Draft Treaty Banning Tests in the Atmosphere, Outer Space and Underwater, August 27, 1962, *Documents on Disarmament, 1962* (U.S. Arms Control and Disarmament Agency 1963), P. 804–805. Русский текст см.: Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том V (1962 г.). М.: МИД СССР, 1963. С. 599–603. (Этот проект, согласованный между правительствами США и Великобритании, был предложен Советскому правительству на переговорах в Москве.)

⁸ См.: Bunn George. *Arms Control by Committee* (Stanford University Press, 1992). P. 38.

⁹ Ibid.

¹⁰ См.: Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: Наука, 1999. С. 320.

¹¹ Anglo-American Proposal.

¹² В англо-американском проекте, правда, говорилось об уведомлении о выходе за 60 дней.

¹³ Выступление представителя ОАР Х. Халлафа в Комитете 18 государств по разоружению 3 марта 1966 г. Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том VIII (1965–1966 гг.). М.: МИД СССР, 1968. С. 325.

¹⁴ Выступление представителя Бразилии А. Кастро в Комитете 18 государств по разоружению 8 февраля 1968 г. Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том X (1968 г.). М.: МИД СССР, 1971. С. 55.

¹⁵ См.: Bunn George. *A Brief History... Op. cit.*

¹⁶ См.: Applegarth Claire and Tyson Rhianna. *Major Proposals to Strengthen the Nuclear Nonproliferation Treaty: A Resource Guide* (Arms Control Association and Women's International League for Peace and Freedom, 2005). P. 30.

¹⁷ См.: du Preez Jean & Potter William. *Op. cit.*

¹⁸ См.: Applegarth Claire and Tyson Rhianna. P. 30.

¹⁹ См.: Bunn George. *A Brief History... Op. cit.*

²⁰ См.: Carter Ashton B. and Perry William J. *Preventive Defense: A New Security Strategy for America* (Washington, DC: Brookings, 1999). P. 129–133.

²¹ См.: Bunn George. *A Brief History... Op. cit.*

²² См.: du Preez Jean & Potter William. *Op. cit.*

²³ Ibid.

²⁴ Венская конвенция о праве договоров предусматривает, что право денонсации может подразумеваться самим характером соглашения, особенно в случае *двухсторонних* договоров (ст. 56). С другой стороны, в том, что касается *многосторонних* договоров, таких, как ДНЯО, в которых прекращение обязательств по ним одним участником может затронуть интересы не только какого-либо другого участника, с которым этот участник вступает в спор, но также и других участников, то осуществление права выхода зависит от того, что предусматривает соглашение, включая и права, которые по договору имеют другие участники (см. ст.ст. 57 и 58.1 Венской конвенции). Выход из Договора Северной Кореи явно затронул интересы других участников, включая ее соседей, с которыми она вела переговоры (Южная Корея, Япония, Китай, Россия), а также интересы Соединенных Штатов.

²⁵ Устав ООН, ст. 1.1, 24, 39, 42.

²⁶ Статья 27 Устава ООН дает Совету Безопасности полномочия предпринимать действия по вопросам существа, если за это проголосуют девять членов, включая совпадающие голоса всех постоянных членов.

²⁷ Устав ООН, ст. 1.1, 24, 27, 39, 42.

²⁸ Выступление представителя Бразилии А. Кастро в Комитете 18 государств по разоружению 8 февраля 1968 г. Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том X (1968 г.). М.: МИД СССР, 1971. С. 55.

²⁹ Statement of U. S. Representative De Palma to the Geneva Disarmament Conference, Feb. 20, 1968, *Documents on Disarmament, 1968* (Washington, D.C. U.S. Arms Control and Disarmament Agency, U.S. GPO, 1969). P. 92, 94.

³⁰ Выступление представителя СССР А.А. Рошина в Комитете 18 государств по разоружению 12 марта 1968 г. Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том X (1968 г.). М.: МИД СССР, 1971. С. 212–214.

³¹ Устав ООН, ст. 24, 39, 41–42.

³² См.: Выступление президента Дж. У. Буша, предлагавшего запретить обогащение урана какой-либо страной, не обладающей ядерным оружием и пока не имеющей обогатительного предприятия. President Announces New Measures to Counter the Threat of WMD. National Defense University, February 11, 2004.

³³ См.: Multilateral Approaches to the Nuclear Fuel Cycle: Expert Group Report to the IAEA Director General. INFCIRC/640, Feb. 22, 2005, P. 48–49.

³⁴ См.: Альстрем Кристер. Выход из договоров по контролю над вооружениями. Ежегодник СИПРИ 2004. Гл. 19. М.: Наука, 2005. С. 817–833.

³⁵ Государственная Дума Российской Федерации выдвигала сохранение Договора по ПРО в качестве одного из условий одобрения ею Договора СНВ-2, но Сенат США не ратифицировал дополнения к этому Договору. Выход же США из Договора по ПРО положил конец Договору СНВ-2. Московский Договор (Договор СНП), таким образом, фактически заменил Договор СНВ-2.

³⁶ Договор по ПРО, ст. XV.2, Договор СНВ-2, ст. VI.4.

³⁷ Так, Соединенные Штаты после получения уведомления о выходе призывали к проведению незамедлительного заседания Совета Безопасности для определения мер в связи с уведомлением и для вовлечения выходящего государства в диалог. Они также призывали Обзорную конференцию по ДНЯО принять решение о том, что выходящий участник будет нести ответственность за любые нарушения ДНЯО. (См.: Strengthening the Implementation of Article X of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Working paper submitted by the United States. NPT/CONF.2005/WP.59). Европейский Союз предлагал принять более строгие меры, некоторые из них будут процитированы ниже. ЕС также предлагал на Обзорной конференции подтвердить, что Совет Безопасности является «окончательным арбитром» в вопросах поддержания международного мира и безопасности. (См.: Withdrawal from the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. European Common Approach. NPT/CONF.2005/WP.32.) Австралия и Новая Зеландия предлагали принять как сходные, так и более строгие меры. (См.: Working Paper on Article X NPT withdrawal) submitted by Australia and New Zealand. NPT/CONF.2005/WP.16.)

³⁸ См.: Summary of North Korea's Nuclear Arsenal. May 31, 2005. http://www.cdi.org/friendlyversion/printversion.cfm?documentID=3032&from_page=..progr..

³⁹ ДНЯО, ст. ст. I, II, III, IV и, в особенности, ст. III.2.

⁴⁰ См.: Withdrawal from the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. European Common Approach. NPT/CONF.2005/WP.32.

⁴¹ Ibid.

⁴² Устав ООН, глава VII. Полезные предложения по вопросу о порядке выхода из ДНЯО были также внесены Австралией и Новой Зеландией (NPT/CONF.2005/WP.16). Делегация Соединенных Штатов по вопросу о выходе из ДНЯО заявила, что «Совет Безопасности ясно высказался в том смысле, что распространение ядерного оружия представляет собой угрозу международному миру и безопасности... Совет должен рассмотреть весь спектр вариантов, предусматриваемых Уставом... Выход из договора участника в нарушение добровольно взятых на себя обязательств – обязательств, на основе которых другие участники рассчитывают на обеспечение своей безопасности, – подчеркивает необходимость рассмотрения Советом Безопасности такого рода вариантов». (Выступление С. Хорн, старшего советника Бюро Госдепартамента США по проверке и соблюдению, на Обзорной конференции по ДНЯО 23 мая 2005 г.)

⁴³ См.: Working Paper on article X (NPT withdrawal) submitted by Australian and New Zealand, (NPT/CONF.2005/WP.16).

⁴⁴ См.: Working Paper submitted to the NPT Conference by Japan. (NPT/CONF.2005/WP 21, www.reachingcriticawill.org/legal/npt/RevCon05/wp/wp21.pdf.)

⁴⁵ См.: Национальный доклад о выполнении Российской Федерацией Договора о нераспространении ядерного оружия (NPT/CONF.2005/29, п. 87).

⁴⁶ A/59/565 от 2 декабря 2004 г., п. 134.

⁴⁷ Заявление «Большой восьмерки» в Глениглсе по нераспространению, июль 2005 г., п. 16.

⁴⁸ Там же, п. 17.

«Война – это великое дело государства, основа жизни и смерти, Путь (Дао) к выживанию или гибели. Это нужно тщательно взвесить и обдумать».

Сунь Цзы¹, VI в. до н.э.

Сегодня мировая общественность, военные, дипломаты и политики озабочены, прежде всего, проблемой международного терроризма, распространением оружия массового уничтожения, выработкой и согласованием способов и методов борьбы с этим злом. Проблема ядерной политики и ядерной стратегии на этом фоне отошла на второй план. Что касается России, то в рассматриваемой сфере практически все вопросы уже обсуждены, решения приняты, оформление этих решений в официальные документы находится в стадии завершения. Поэтому можно считать, что данная работа написана как бы «вдогонку» уже принятым решениям.

Вместе с тем автор уверен, что подобного рода рассуждения в любом случае никак не смогли бы повлиять на принятие решений в сфере ядерных вооружений, политики и стратегии России. Подтверждением этому являются многолетние дебаты в открытой печати по названным вопросам, которые происходили и происходят в основном между экспертами, не являющимися представителями официальных исполнительных структур власти. Периодические же выступления высокопоставленных военных только подтверждают печальный вывод о том, что власть не готова к открытому диалогу по этим вопросам и не желает даже обсуждать многочисленные и часто весьма обоснованные предложения независимого научного сообщества.

По этой причине приведенные ниже соображения и размышления не следует рассматривать как очередную попытку привлечь внимание властей к названной проблеме, а невольно высказанные рекомендации – как какую-либо надежду автора на их практическое осуществление. Это – всего лишь своего рода эссе, являющееся попыткой «примерить» стратегическую мысль прошлого (прежде всего древних китайских стратегов) к реалиям современного ядерного века.

Почему нас так заинтересовали взгляды авторов древних текстов по стратегии? Очевидно, они привлекают ясностью и завершенностью мысли, изяществом логических построений, простотой изложения сложнейших вещей. Кроме того, при внимательном прочтении эти труды поражают своей актуальностью, в чем и состоит их непреходящее значение. Автор надеется, что в данной работе ему удалось хотя бы частично подтвердить этот вывод.

«...тот, кто следит за обороной земель, не окажется в опасности...»

Вэй Ляоцзы, IV в. до н.э.

ВЕРИМ ЛИ МЫ В ВОЗМОЖНОСТЬ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ?

На этот достаточно риторический вопрос даже среди экспертного сообщества России существуют прямо противоположные ответы: от полного отрицания возможности возникновения ядерного конфликта с участием нашей страны до выдвижения тезиса о возрастании такой вероятности в последние годы.

Существует и более фундаментальное противоречие, связанное с оценкой самой сущности ядерного оружия. Одни утверждают, что это оружие по сути дела оружием не является, поскольку им невозможно воевать. В указанной связи оно способно выполнять исключительно роль «сдерживания» вероятного противника от нападения и не способно быть инструментом достижения победы в войне.

Другая точка зрения заключается в том, что ядерное оружие все-таки является оружием в полном смысле этого слова. Для его применения определены соответствующие условия, оно находится на боевом дежурстве, оно способно решать конкретные задачи в ходе вооруженного конфликта, оно, в конечном итоге, являлось и является основой безопасности нашей страны как в прошлом, так и в настоящее время именно в силу возможности его применения. И если бы ядерное оружие не было оружием как таковым, то оно не было бы способно выполнять и функцию сдерживания и предотвращения войны.

Не вставая ни на одну из этих точек зрения, лишь подчеркнем, что если большинство из исследователей данной проблемы не видят рациональных вариантов применения ядерного оружия, то это отнюдь не означает, что такие варианты отсутствуют вообще. Чтобы их найти, нужно всего лишь «тщательно взвесить и обдумать» эту проблему хотя бы для того, чтобы подкрепить или опровергнуть в основном интуитивные умозаключения отдельных авторов по вопросу о практической возможности или нереальности разработки «действующей» ядерной стратегии и ядерной доктрины, лежащей в ее основе.

Как представляется, на сегодня существует достаточная ясность в вопросе о том, что распад СССР и ликвидация в конце прошлого века биполярной модели международных отношений, наряду с прочим, резко усложнили проблему обеспечения национальной безопасности для России. С одной стороны, конец конфронтации с главным вероятным противником – США и НАТО – резко уменьшил вероятность глобального конфликта с применением оружия массового уничтожения и открыл путь к осуществлению широких сокращений накопленных за годы холодной войны арсеналов стратегического и тактического ядерного оружия. С другой стороны, возник целый ряд новых угроз, требующих адекватной реакции всех структур нашего государства для обеспечения мирной и безопасной жизни его граждан.

Также понятно, что далеко не всегда решению этих задач может способствовать ядерное оружие. Поэтому нельзя не признать, что ядерное оружие не является универсальным средством обеспечения безопасности. Более того, использование этого оружия Россией должно считаться крайне маловероятным, поскольку сценарии крупномасштабной агрессии против нашей страны, способные привести к ситуации, требующей принятия решения о применении ядерного оружия, также имеют весьма низкий уровень вероятности.

Тем не менее полностью игнорировать такие крайне неблагоприятные варианты развития военно-политической ситуации Россия не может. Как повторяли древние из одного военного трактата, «те, кто забывает о войне, неизбежно окажутся в опасности» (Методы Сыма – «Сыма фа», IV в. до н.э.) и «подлинное сокровище на Пути (Дао) обеспечения безопасности государства – это предусмотрительность. Если вы обеспокоены, несчастий можно избежать» (У-цзы, V–IV в. до н.э.). О том же говорит и цитата из Вэй Ляоцзы, вынесенная в эпиграф данного раздела. Следуя подобным, пусть и прописным, но все

же истинам, Россия и в обозримом будущем наверняка будет сохранять и поддерживать свой потенциал ядерного сдерживания, в то же время пытаясь максимально адаптировать его к изменившимся условиям в мире, исходя из собственных экономических возможностей и приоритетов военного строительства. Поэтому «вера» в невозможность возникновения ядерного конфликта не перевешивает необходимости быть «предусмотрительными» в вопросах безопасности и совершенствовать свою оборону исходя из еще одного принципа, выдвинутого великим полководцем и стратегом древнего Китая Сунь Цзы: «...не полагайся на то, что враг не придет, полагайся на средства, которыми располагаешь, чтобы принять его».

Следует отметить, что концептуальные изменения в подходах России к вопросам ядерной политики уже произошли и, по всей видимости, будут еще происходить в обозримый период. Так, во времена «холодной войны» одним из основных принципов строительства стратегических сил СССР являлся принцип «одинаковой безопасности», требовавший учета всех факторов, определяющих стратегическую ситуацию. На практике это означало не только поддержание паритета (равенства) в стратегических силах с США, но и наличие дополнительных сил, «компенсирующих» ядерные вооружения Англии, Франции и нестратегические средства передового базирования США, способные достигать территории Советского Союза. Кроме того, считалось вполне обоснованным иметь и определенный «запас» стратегических сил в расчете на ядерный потенциал Китая.

Все это вело к значительной переоценке потребностей в ядерных силах СССР, а также создавало серьезные препятствия на переговорах с США, отстаивавших принцип «равенства» в стратегических вооружениях сторон и не признававших право на вышеуказанную «компенсацию» для СССР.

Кроме того, поддержание на чрезвычайно высоком уровне стратегического ядерного потенциала СССР диктовалось и политическими причинами. Руководство Советского Союза считало весьма важным продемонстрировать всему миру свою способность как минимум на равных соперничать с Западом в военной сфере. И наличие огромного ядерного арсенала было наиболее наглядным примером военной мощи СССР.

Сегодня в силу целого ряда объективных обстоятельств России, видимо, придется отказаться от принципа поддержания паритета (равенства) не только с основными ядерными державами в совокупности, но и с Соединенными Штатами в отдельности. Тем более что политическое значение ядерного арсенала если и не сходит на нет, то играет сегодня несравненно меньшую роль, чем в период глобальной конфронтации. На первый план сейчас выдвинут тезис об укреплении стратегической стабильности на основе опоры на ядерное сдерживание. И эта проблема требует отдельного рассмотрения.

«Для того, чтобы предотвратить выступление врага, покажи ему (возможный) вред этого».

Сунь Цзы

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Поразительно, насколько современно звучат некоторые высказывания древних китайских стратегов. Ведь в цитате, вынесенной в эпиграф данного раздела, в концентрированной форме выражена суть стратегии ядерного сдерживания. Действительно, чтобы *предотвратить* нападение вероятного противника, необходимо именно *показать* (продемонстрировать) неотвратимость возмездия, т.е. тот «*вред*», который будет причинен ему в результате ответных действий.

Сунь Цзы также считал нападение на укрепленные города (крепости) противника «самым последним» действием в цепочке эскалации противостояния («... *высшее пресуществление войны – разрушить планы врага; затем – разрушить его союзы; затем – напасть на его армию; и самое последнее – напасть на его укрепленные города*»). И хотя, естественно,

эти «рекомендации» давались применительно к прежним условиям войн, «нападение на города» противника с точки зрения современной ядерной стратегии – это действительно «самое последнее», что может или успеет сделать одна из сторон ядерного конфликта.

Феномен ядерного сдерживания достаточно хорошо изучен как зарубежными, так и российскими исследователями. Поэтому остановимся лишь на одном из ключевых вопросов, связанных с этой проблемой. А именно – сколько сил необходимо иметь для того, чтобы сдерживание «работало», т.е. давало полную уверенность в том, что вероятный противник не осмелится на применение своего ядерного оружия перед угрозой неотвратимого возмездия.

Самое интересное в этом вопросе, на наш взгляд, это то, что в результате многолетних дебатов и изучения данной проблемы так и не была предложена конкретная величина ядерного арсенала, дающая такую гарантию. Как правило, количество необходимых сил для осуществления эффективного сдерживания считается величиной относительной. Она, по мнению большинства аналитиков, зависит от состава, количественной и качественной структуры как собственных сил, так и сил вероятного противника. При этом вопрос о действенности (кредитоспособности) ядерного сдерживания весьма часто сводится к оценке количества ядерных вооружений, способных пережить первый удар врага. Для моделирования различных вариантов применения стратегических сил в СССР (России) и США были созданы соответствующие компьютерные программы. Иногда в это «уравнение» пытаются ввести фактор живучести системы боевого управления и связи, хотя он практически не поддается количественному или иному конкретному измерению.

На названных положениях строится и официальный подход России к ядерному сдерживанию. Так, в Военной доктрине РФ выдвигается требование о том, что Россия должна обладать таким ядерным потенциалом, который способен гарантированно нанести «заданный ущерб» агрессору «в любых условиях». Худшим из таких условий, видимо, следует считать сценарий неожиданного массированного удара по стратегическим ядерным силам (СЯС) России. Иными словами, российские ядерные силы должны иметь способность «пережить» такой неожиданный удар и в ответных действиях нанести агрессору (как отдельно взятому государству, так и коалиции таких государств) «заданный ущерб». Но при этом не совсем ясно, кто «задает» этот «ущерб» и по каким критериям осуществляются соответствующие расчеты. Впрочем, эта работа написана не для того, чтобы подвергать критике официальные подходы России к ядерному сдерживанию.

При всей возможной доказательности названного подхода, автора не покидает чувство некоторого отрыва от реальности, на котором этот подход строится. Так, при расчетах эффективности первого и ответного ударов эксперты оперируют сотнями и даже тысячами ядерных боеголовок большой мощности, которые необходимы для подавления наступательного потенциала вероятного противника. Задача, которая ставится перед первым ударом, – максимально ослабить ответный удар до уровня, «приемлемого» для агрессора. На таких расчетах практически строится вся теория ядерного сдерживания, принимаются решения о программах в области стратегических ядерных вооружений, оценивается возможная эффективность систем противоракетной обороны и т.п.

При этом мало кто задумывается о последствиях – как для жертвы нападения, так и для самого агрессора, к которым может привести столь массированное применение ядерного оружия. Ведь еще в 80-х гг. прошлого века ученые-экологи достаточно убедительно доказали катастрофические последствия для всего земного шара одновременного взрыва даже десятков, не говоря уже о сотнях или тысячах ядерных боезарядов большой мощности. Тем не менее мы продолжаем оперировать безнадежно устаревшим «критерием Макнамары» – ударом в масштабах 400 ядерных боезарядов мегатонного класса как «неприемлемым ущербом» только для одной из сторон ядерного конфликта. Но такой ущерб будет неприемлемым и в глобальном плане – для всех государств мира, равно как и ядерный удар гораздо меньшего масштаба (ряд ученых говорит максимум о 100–150 одновременных взрывах, которые приведут к необратимым последствиям для экологии Земли и к эффекту «ядерной зимы»).

В указанной связи, как представляется, давно назрел вопрос о принятии более реально-го критерия неприемлемого (или «заданного») ущерба. Этот критерий, даже с определенным «запасом прочности», не должен превышать одновременный удар в масштабе более 200 стратегических ядерных боезарядов, или 300 таких зарядов при сценарии обмена ударами (150–200 зарядов с одной стороны и 100–150 зарядов в ответном ударе – с другой). Несогласным можно порекомендовать почаще смотреть хронику ядерных испытаний, особенно водородных взрывов, и напрячь свое воображение, представив эффект от нескольких сотен вспышек и «атомных грибов», покрывающих территорию какой-либо страны или континента.

Это должно означать, что планирование первого удара в масштабе более 200 стратегических боезарядов является не только иррациональным, но и самоубийственным в прямом смысле этого слова. Из этого может последовать ряд серьезных выводов, касающихся и построения собственных сил исходя из уровня их живучести, и оценки угрозы первого удара, и планирования ядерных операций, и перспектив дальнейших сокращений ядерных вооружений в связи с пересмотром потребностей, а также других важных аспектов ядерной политики и стратегии. Но, как мы уже говорили, выдача практических рекомендаций не входит в задачи настоящего исследования. Вместо этого продолжим наши рассуждения.

«Военные дела не определяются приказами правителя, все они исходят от полководца».

Шесть секретных учений Тай-гуна, по некоторым предположениям, XI в. до н.э.

«Главное, никогда не думать!»

Знаменитый ответ командиров подразделений японской армии на вопрос сёгуна о главном принципе успешной военной стратегии, XVII в.

ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ЯДЕРНАЯ ТАКТИКА

Видимо, в силу огромной разрушительной мощи, возможности массированного применения, быстрого и ужасающего эффекта, операции с применением ядерного оружия большой дальности относят к категории «стратегических». Да и сами эти силы и отдельные системы оружия имеют соответствующие названия: «ракетные войска стратегического назначения», воздушные и подводные «стратегические ракетноносцы» («ракетные подводные крейсера стратегического назначения») и т.п. Но все же, исходя из классических определений, ничто не мешает нам разделить стратегию и тактику в целях проведения более тщательного анализа.

Так, по Клаузевицу, «тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, а стратегия – учение об использовании боев в целях войны». Целью войны при этом является «принудить противника выполнить нашу волю». Применительно к современным установкам такой целью следует считать принуждение противника к прекращению военных действий на приемлемых для России условиях². Такое «принуждение» противника, даже в свете официальных установок военного руководства РФ, отнюдь не предусматривает какого-то одноразового воздействия на врага, а состоит из нескольких этапов, включая этапы применения стратегических ядерных сил – от «демонстрационных» ударов до нанесения противнику «заданного ущерба». Иными словами, тактика ведения ядерной войны если и не разработана в полной мере, то и не отвергается на уровне официальной военной мысли России.

В указанной связи одно из центральных мест в данной сфере должно занимать формулирование задач для стратегических ядерных сил. Исходя из официальных документов

и выступлений представителей военного ведомства, они сводятся к трем основным категориям:

- отражение воздушно-космического нападения;
- разгром вооруженных сил противника;
- подавление (уничтожение) его военно-экономического потенциала.

В Военной доктрине РФ цели применения Вооруженных сил и других войск сформулированы как «отражение агрессии, нанесение поражения агрессору, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников». При этом не трудно увидеть, что Военная доктрина РФ предусматривает использование ядерного оружия с целью решения тех же самых задач, которые должны решаться и при неядерной войне – региональной или крупномасштабной.

Но если стратегические ядерные силы должны выполнять названные задачи, то риск всеобщего уничтожения значительно увеличивается. Стоит только представить, что при определенных обстоятельствах президент РФ примет решение о применении ядерного оружия и делегирует соответствующие полномочия военному руководству страны, воспользовавшись «ядерным чемоданчиком». Военные, в силу необходимости выполнения названных задач, должны действовать с максимальной эффективностью и быстротой, т.е. «не думать», а выполнять полученный приказ. А это означает, что в первую очередь объектами ударов станут средства доставки ядерного оружия противостоящей стороны, группировки его вооруженных сил, система управления и военно-экономический потенциал.

Совершенно очевидно, что попытка выполнить эти задачи в полном объеме приведет к катастрофическим последствиям как для страны-агрессора, так и для обороняющейся стороны. И не стоит, видимо, лишний раз говорить о том, что подобный сценарий, скорее всего, приведет к неконтролируемой эскалации ядерного конфликта до глобальных масштабов, даже если объектом первого применения СЯС России станет неядерное «государство-агрессор» или же одна из «третьих» ядерных держав, значительно слабее России в этих вооружениях.

Принятие решения о применении ядерного оружия политическим руководством страны с передачей полного контроля над его использованием (делегируемые полномочия) военным является крайне рискованным именно в связи с теми задачами, которые должны будут выполнить стратегические силы России после получения соответствующего приказа и кодов на разблокировку стратегических систем оружия.

Поэтому стоит задуматься над вопросом о том, должны ли стратегические ядерные силы, как и ядерное оружие вообще, выполнять те же боевые задачи по отражению агрессии, которые возлагаются на вооруженные силы страны в целом, даже имея «соблазн» достичь тактического превосходства и быстро решить поставленные перед ними «традиционные» задачи. И существует ли возможность и необходимость сохранения контроля со стороны политического руководства страны над действиями военных после того, как решение о применении ядерного оружия было принято? Ответы на эти вопросы пока остаются открытыми.

«У-хоу спросил: «Что обеспечит победу солдатам?»

У Ци ответил: «Управление – это главное».

У-хоу спросил снова: «А разве не число?»

У-цзы, V–IV в. до н.э.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Одной из отличительных черт современного механизма ядерного сдерживания является быстрота реагирования на складывающуюся оперативную ситуацию. Так, в случае по-

лучения оповещения со средств раннего предупреждения, а также в случае подтверждения сигнала о ракетно-ядерной атаке президент страны в течение весьма короткого промежутка времени (исчисляемого минутами) должен принять решение относительно осуществления ответных действий, т.е. воспользоваться «ядерным чемоданчиком» и делегировать полномочия на применение ядерного оружия военным. Эта схема была отработана годами как в СССР, так и в США. Сегодня она остается в силе. При этом даже не скрывается, что американского и российского президентов (где бы они ни находились – в стране или за рубежом) постоянно сопровождает офицер, имеющий при себе данное устройство, которое позволяет немедленно связаться с соответствующими исполнителями и разблокировать коды запуска ракет.

Как представляется, подобная схема принятия решений рассчитана на вариант, когда по стране неожиданно наносится массированный удар с использованием сотен боеголовок. При этом перед руководством встает вопрос: запустить ли свои ракеты до того, как они будут уничтожены на стартах, или же пойти на риск резкого (если не полного) уменьшения собственных способностей по нанесению ответного удара в результате потери как значительного количества своих вооружений, так и, возможно, контроля над оставшимися силами.

Но при любых других вариантах развития событий, таких, как постепенная эскалация конфликта, предупреждение о пуске ограниченного количества ракет или одиночного запуска, такого немедленного решения об ответных действиях не требуется. Более того, такое решение, принятое поспешно и без серьезного анализа обстановки, может иметь катастрофические последствия для безопасности страны, поскольку вероятность просчета в этом случае является весьма высокой.

Можно представить себе целый ряд сценариев, ничуть не менее вероятных, чем неожиданный массированный удар по российским СЯС со стороны Соединенных Штатов (поскольку только США теоретически обладают способностью уничтожения значительного количества российских стратегических систем на стартах), при которых немедленного решения о применении ядерного оружия не требуется. Как мы говорили выше, само планирование неожиданного массированного противосилового удара в масштабах свыше 200 ядерных боезарядов является иррациональным и самоубийственным.

Но все дело в том, что система принятия решений о применении ядерного оружия как раз и рассчитана на этот наименее вероятный сценарий. Но и при любом развитии событий за рамками такого сценария процедура принятия решений президентом страны, как мы полагаем, остается неизменной: ему отводится несколько минут на то, чтобы «успеть» делегировать полномочия на применение российских ядерных систем военным, после чего контроль над этими вооружениями (а возможно, и над всей стратегической ситуацией) им, скорее всего, полностью утрачивается.

Следует отметить, что как российские, так и западные исследователи предлагали свой путь решения проблемы – снижение боеготовности стратегических систем. Не вдаваясь в подробности, отметим, что теоретически такие действия могут способствовать укреплению стабильности, давая руководству противостоящих государств больше времени на обдумывание соответствующих решений. Во всяком случае, сначала пришлось бы принимать решение о восстановлении боеготовности собственных СЯС и только затем – об их применении.

Но все же, как представляется, полностью решить проблему укрепления безопасности снижение боеготовности не позволит хотя бы потому, что и в подобном варианте фактор времени снова будет играть решающую роль. Ведь та из сторон, которая сумеет быстрее восстановить готовность собственных вооружений к применению, получит мощный стимул для нанесения упреждающего удара по неготовому противнику. Иными словами, решение о применении своих СЯС уже как бы «запрограммировано» при подобном варианте развития событий. Такое решение равнозначно объявлению мобилизации, которая, по словам известного советского военного стратега Б.М. Шапошникова, есть не только «одиум» (преддверие) войны, но и сама война.

В древнем Китае военная сфера деятельности была четко отделена от гражданской. После назначения полководца и соответствующего ритуала в Храме предков с вручением полководцу топоров «фу» и «юэ» гражданский правитель не только снимал с себя всю ответственность за ведение войны, но и не имел права вмешиваться в решения, принимаемые облеченным военной властью лидером армии.

Сегодня мы видим схожий ритуал, в котором роль священных топоров играют «ядерный чемоданчик» и коды на разблокировку систем ядерных вооружений. После передачи этих кодов военным президент страны (как России, так и США) вряд ли сможет вмешаться в ход последующих событий. Стоит задуматься, насколько «хороша» такая процедура в XXI веке, когда война действительно становится «путем к выживанию или гибели» уже не отдельного государства, а всего мира.

«Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума...»

Карл фон Клаузевиц

ГРАНИЦЫ «РАЗУМНОСТИ»

Разумность руководителя, имеющего в своем распоряжении такое мощное и обоюдоострое оружие, как ядерное, и который к тому же объявляет, что при определенных условиях готов применить его первым, должна заключаться в способности рассчитывать свои действия на несколько шагов вперед в условиях кризиса и предугадывать вероятный ответ на эти действия со стороны вероятного противника. При этом свести все варианты таких действий к принятию решения о применении ядерного оружия или к отказу от такого шага просто-напросто неразумно. В первом случае слишком велик риск всеобщего уничтожения; во втором – это демонстрация противнику своей нерешительности и «паралича воли», что может вселить в него уверенность в безнаказанности продолжения агрессии.

Военно-политическое руководство России, видимо, вполне это осознает, в связи с чем выдвигает тезис о возможности нанесения «демонстрационных» ядерных ударов, которые бы предшествовали более высокому уровню эскалации. Некоторые из аналитиков предлагают выработать систему «предъядерного сдерживания»³, которая бы предполагала опору на высокоточное оружие большой дальности для уничтожения «объектов высокой ценности» на территории противника с целью продемонстрировать собственную решимость повысить уровень эскалации.

Мы считаем, что в данном случае военная мысль движется в правильном направлении, хотя предложенные варианты оставляют больше вопросов, чем ответов. Как представляется, «техническая» разработка тактики стратегического сдерживания, вернее, эскалационного контроля, не может дать положительного результата без самого серьезного учета морально-психологического фактора.

Руководитель страны, поставленный в ситуацию, когда ему приходится принимать решение о повышении уровня эскалации, вряд ли должен действовать по однажды утвержденной схеме. При этом, по нашему мнению, худшим решением является самоустранение от ответственности путем делегирования полномочий на применение ядерного оружия военным.

Здесь следует особо подчеркнуть, что усиление контроля над стратегическими вооружениями России со стороны политического руководства страны отнюдь не подразумевает, что военным нельзя доверять. Военные, не хуже чем гражданские лица (а может быть, и гораздо лучше), понимают все последствия применения оружия массового уничтожения. В то же время после получения соответствующего приказа они будут обязаны в полном объеме выполнить чисто военные задачи, которые на них возлагаются.

Но дело все в том, что ядерное оружие не является всего лишь более мощным оружием «традиционного» типа. Поэтому, как мы уже говорили, на него нельзя возлагать точно такие же («традиционные») задачи, которые выполняют обычные вооружения и вооруженные силы в целом. Более того, в кризисной ситуации представляется крайне важным как можно дольше «оттянуть» срок принятия решения о применении ядерного оружия. В этой связи выработка стратегии «предъядерного сдерживания» может сыграть весьма важную и, надеемся, положительную роль.

Как мы полагаем, стратегия «предъядерного сдерживания» может заключаться в следующем⁴. В случае возникновения серьезного международного кризиса с участием нашей страны, боевых действий ограниченного характера с угрозой их перерастания в более серьезный конфликт, руководство России путем осуществления ряда последовательных военных акций пытается заставить противника (агрессора) прекратить действия против нашей страны и принять условия, выгодные или приемлемые для нас.

При этом необходимо продемонстрировать решимость российского руководства повышать степень эскалации вплоть до применения ядерного оружия, в то же время твердо зная, что эту грань переступать нельзя. Здесь в полной мере можно было бы воспользоваться «наставлениями» Сунь Цзы, который говорил о том, что наилучшее – это сохранить столицу государства врага, на втором месте – разрушить его столицу; наилучшее – сохранить его армию, а на втором месте – разбить ее: «... одержать сто побед в ста сражениях – это не вершина превосходства. Подчинить армию врага, не сражаясь, – вот подлинная вершина превосходства». Можно воспользоваться также и многими другими положениями «Искусства войны», которые оказываются весьма актуальными в современных условиях.

Названные акции не должны иметь своей целью или даже подразумевать нанесение какого-либо физического ущерба противнику. Более того, этого следует всячески избегать. В противном случае будет создаваться мощный стимул для ответных действий, что ведет к «автоматическому» повышению уровня эскалации конфликта. Нужно продемонстрировать ему и свою решимость, и непредсказуемость для противника своих последующих шагов, равно как показать беззащитность и уязвимость врага в случае продолжения его агрессии. В конечном итоге следует поставить противника в ситуацию, когда ему самому придется принимать решение или о повышении уровня эскалации (с непредсказуемыми последствиями), или о вступлении в переговоры с оппонентом.

Можно «придумать» целый «набор» действий, отвечающих вышеназванным условиям. Это – и вывод в ходе конфликта в космос «молчащего» искусственного спутника Земли, заставив противника гадать о его предназначении, и одиночный пуск МБР или БРПЛ с болванкой вместо боеголовки в акваторию Мирового океана. Как крайний вариант – это одиночный пуск моноблочной ракеты с болванкой в сторону территории агрессора, и даже по его столице. Разумеется, такие действия являются крайне рискованными, но «демонстрационное» применение ядерного оружия по отдельным объектам противника чревато отнюдь не меньшим риском.

Для обретения возможности «гибкого реагирования» на действия противника в период кризиса необходим достаточно гибкий и управляемый инструмент. И такой инструмент в распоряжении российского руководства уже имеется. Это – ракетные войска стратегического назначения, флот подводных ракетносцев и тяжелых бомбардировщиков. Необходимо лишь придать им необходимые качества для выполнения задач «предъядерного сдерживания». А именно, часть этих средств переоснастить обычными боеголовками и «болванками» и обеспечить надежный негативный и позитивный контроль над ними со стороны Верховного главнокомандующего. Таким образом соблюдается еще одно из положений «Искусства войны» Сунь Цзы, утверждающее, что в бой вступают с правильными (прямыми) частями, а одерживают победу с помощью необычных (гибких) войск. В данном случае «победа» – это достижение целей войны, о которых мы говорили выше.

Верховный главнокомандующий, естественно, должен сохранять «негативный контроль» над стратегическими ядерными вооружениями и возможность передачи полно-

мочий на их применение военным. Но это действие, которое находится уже за границами разумного, следует осуществить только в самой безнадежной ситуации.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Отсутствие в настоящее время широкомасштабных и реальных угроз безопасности России, которые бы потребовали принятия решения о применении ядерных сил, отнюдь не освобождает руководство страны от ответственности «не забывать о войне», включая выработку и совершенствование планов на случай возникновения такой ситуации. Широко распространившийся тезис о том, что ядерное оружие якобы «оружием» не является, поскольку его применение неизбежно ведет к всеобщему уничтожению, остается всего лишь тезисом, равно как и обратное утверждение о неизменной сущности этого оружия как инструмента ведения войны и «иного средства» продолжения политики.

Проверить правильность первого или второго утверждения можно только на практике, когда перед руководством страны проблема принятия решения о применении этого оружия встанет во весь рост. Фактически именно конкретный руководитель единолично «разрешил» данный спор своими действиями или отказом от них. При этом худшим вариантом будет «автоматическое» и «запрограммированное» принятие такого решения в предельно сжатые сроки.

Как мы уже неоднократно повторяли, в наши задачи не входит выдача каких-либо практических рекомендаций по данным вопросам. Мы всего лишь стремились показать, что существуют и другие варианты действий руководства страны в кризисной ситуации, чем те, которые предусмотрены официально утвержденными документами. Во всяком случае, на наш взгляд, более детальное обсуждение этих проблем с учетом многовекового опыта человечества в ведении войн, делу мира отнюдь не повредит.

*«Вэнь-хоу сказал:
«Я не люблю военного дела».*

У Ци ответил: «... В древности глава клана Чэн Цзан совершенствовал добродетель, но пренебрегал военными делами, и тем самым погубил свое государство ...»

У-цзы, V–IV в. до н.э.

Примечания

¹ Существует несколько переводов трактата «Искусство войны» Сунь Цзы и сочинений других китайских стратегов на русский язык. При этом одни и те же цитаты звучат в этих переводах по-разному. В данном случае автором была использована книга «У-Цзын. Семь военных канонов древнего Китая». Перевод с английского Р.В. Котенко, Санкт-Петербург, 1998. 336 с.

² Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. М., Министерство обороны РФ. С. 41.

Интересно отметить, что данная работа, получившая на Западе неофициальное название «Белая книга по вопросам обороны РФ», была опубликована Министерством обороны РФ отдельной брошюрой в конце 2003 г. без указания выходных данных и даже года публикации.

³ Это понятие ввел в обиход известный российский ученый А.А.Кокошин.

⁴ Еще раз подчеркнем, что это – не рекомендации, а просто рассуждения автора.

Открылся Ресурсный Центр по проблематике контроля над легким и стрелковым оружием!

В контексте многочисленных региональных конфликтов проблема нелегального оборота легкого и стрелкового оружия (ЛСО) приобретает особую остроту. Безусловно, танки, артиллерия и авиация обладают несопоставимо большей разрушительной силой, но именно ЛСО, в силу таких особенностей, как простота использования, низкая стоимость и легкость доставки, становится «идеальным» оружием локальных столкновений. Не случайно в одном из своих выступлений Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан отнес ЛСО к категории оружия массового уничтожения. Побочные последствия распространения ЛСО – экономическая деградация, возрастание социальной нестабильности и насилия в обществе – также представляют собой серьезную опасность. Решение проблемы контроля над ЛСО требует согласованных действий как правительственных, так и неправительственных структур.

В рамках совместного проекта ПИР-Центра и британской неправительственной организации *Saferworld* «Сотрудничество гражданского общества и правительства для решения проблем ЛСО» начал работу **Ресурсный Центр по проблематике контроля над легким и стрелковым оружием**.

Сегодня **Ресурсный Центр** находится в стадии интенсивного роста. Проследить за развитием проекта можно на сайте

<http://www.pircenter.org/rus/lso/index.html>

Читатель найдет здесь новости (раздел «**Монитор событий**»), аналитические материалы, включая эксклюзивные (раздел «**Анализ**»), российские законодательные акты и международные документы (раздел «**Документы**»), касающиеся ЛСО.

Обращаем внимание читателей на то, что раздел «**Анализ**» станет местом размещения совместных исследований, проводимых ПИР-Центром и *Saferworld* уже на протяжении пяти лет. Тематика исследований сосредоточена вокруг вопросов взаимосвязи конфликтов, преступности и распространения ЛСО; экспортного контроля, посредничества и лицензирования в сфере обычных вооружений; транспарентности и подотчетности правительства.

Раздел «**Мониторинг событий**» охватывает широкий спектр новостей: от сообщений о подписании контракта на поставку партии автоматов в Латинскую Америку, обнаружении очередного схрона с боеприпасами до официальных заявлений правительственных экспертов и информации о реализации планов по уничтожению избыточных вооружений.

В разделе «**Хроника проекта**» можно узнать о совместных мероприятиях, проводимых ПИР-Центром и *Saferworld* в рамках проекта ЛСО. А их будет немало: проект предусматривает организацию образовательных семинаров

для специалистов, преподавателей и журналистов, чтение лекций в вузах России, проведение круглых столов и конференций по проблемам ЛСО, выполнение научных исследований и публикацию исследовательских материалов, в том числе на страницах журнала *Ядерный Контроль*.

«**Глоссарий**» не только поможет исследователю узнать, каким образом понятие «калибр» связано с английским торговым фунтом, но и расставит ориентиры в хитросплетениях международного права по вопросам ЛСО.

Если интересующей вас информации не оказалось на предыдущих страницах сайта, смело направляйтесь в раздел «**Библиотека**». Здесь вы найдете список литературы по ЛСО, которую можно найти на книжных полках ПИР-Центра. Информацию о том, как пользоваться материалами библиотеки, вы можете узнать у координатора проекта Анастасии **Лагута**. В этом же разделе будет располагаться постоянно обновляемый перечень рекомендуемой ПИР-Центром литературы по тематике ЛСО, опубликованной в разные годы.

В ближайшее время в разделе «**Eastern Europe Security Bulletin**» появится первый выпуск этого совместного регулярного электронного издания ПИР-Центра и *Saferworld*. Бюллетень позволит читателям получить свежие данные по вопросам контроля над распространением ЛСО в России и за рубежом и действиях, предпринимаемых международной общественностью для уменьшения этой угрозы. Вы можете бесплатно подписаться на электронный бюллетень, направив запрос по адресу, указанному ниже.

В ближайшее время сайт **Ресурсного Центра** пополнится страницей «**Образовательный курс**» для тех, кто желает ближе познакомиться с ЛСО. Здесь разместятся лекционные курсы, рассказывающие о международном законодательстве в этой области, маркировке вооружений, практике дилерства в сфере торговли оружием и многом другом.

Самый взыскательный читатель сможет легко выйти за пределы материала, доступного в рамках **Ресурсного Центра**, если заглянет на страничку «**Полезные ссылки**». Здесь его взору предстанут обширные информационные пространства ведущих европейских организаций, занимающихся проблемой контроля над вооружениями: *SIPRI, Saferworld, Small Arms Survey, NISAT, IANSA, IISS*.

За более подробной информацией о **Ресурсном Центре** и совместном проекте ПИР-Центра и *Saferworld* следует обращаться к координатору проекта Анастасии **Лагута** по тел.: +7 (095) 234-0525; факсу: +7(095)234-95-58 или электронной почте: laguta@pircenter.org

Эволюция ядерной политики США продолжает привлекать пристальное внимание в мире. Широко обсуждаются программные документы, допускающие применение ядерного оружия, проникающие боеприпасы, предназначенные для поражения высоко укрепленных подземных целей, возможность создания новых типов боеприпасов, а в связи с этим – возможность возобновления ядерных испытаний и т.д. На самом деле практические шаги, предпринятые в последние годы, весьма скромны (по крайней мере по масштабам бюджетных запросов), да и они сталкиваются и с серьезным сопротивлением в Конгрессе США, и с противодействием со стороны политической и экспертной элиты. Можно сказать, что мировое сообщество реагирует не столько на реальные шаги, сколько на собственные ожидания в отношении будущего направления развития американской политики.

Все же изменение политики, пусть и скромное, налицо, и в этой связи возникает ряд вопросов. Прежде всего – являются ли дискуссии и достаточно скромные ассигнования началом долгосрочного поворота в ядерной политике США или эта политика изменится вместе со сменой нынешней администрации в 2009 г.? Во-вторых, являются ли эти перемены чисто американским делом или они отражают более широкие процессы?

Ответы на эти вопросы и выводы, к которым приходит настоящая статья, неутешительны.

Во-первых, эволюция ядерной политики США вызвана не столько установками нынешней администрации, сколько реакцией на формирование новой системы международных отношений, и в этом плане представляется довольно устойчивой. Политика может быть скорректирована, но вряд ли будет развернута в противоположном направлении – вне зависимости от того, останутся у власти республиканцы или победят демократы.

Во-вторых, именно потому, что в основе эволюции ядерной политики лежит новая система международных отношений, схожие изменения будут происходить и в других странах. Более того, некоторые признаки такой эволюции уже заметны в России.

Изменения, о которых пойдет речь, не являются необратимыми, но для их преодоления необходимо нечто большее, чем критика мирового сообщества. Вообще возвращение к разоруженческой повестке дня 1990-х гг. вряд ли возможно. Новые времена требуют и новых подходов, причем вопросы ядерного оружия далеко не являются определяющими.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

После окончания «холодной войны» казалось, что эра ядерного оружия заканчивается – что оно если и не будет уничтожено, то по крайней мере утратит военную и политическую роль. С конца 1990-х гг., однако, наблюдается своего рода ренессанс ядерного ору-

зия, причем сразу в целом ряде стран. Претерпевает изменения ядерная политика США и России, в 1998 г. к «ядерному клубу» присоединились Индия и Пакистан, объявила о своем ядерном статусе Северная Корея, появились основания считать, что над созданием ядерного оружия работает Иран. Это позволяет сделать достаточно серьезные выводы, пусть и в предварительном порядке.

Во-первых, теперь можно с уверенностью сказать, что причинно-следственной связи между ядерным оружием и «холодной войной» не существует. Ядерное оружие оказало заметное влияние на характер «холодной войны», но она не была следствием гонки ядерных вооружений, и соответственно ее окончание не привело к утрате ядерным оружием своего военно-политического значения. Для многих это было понятно и раньше, а «ядерный ренессанс», который наблюдается последние семь лет, снимает остающиеся сомнения.

Во-вторых, и это, пожалуй, более важно, переходный период 1990-х гг., который часто характеризовался как период «после «холодной войны», завершился. Складывается новая система международных отношений, характеристики которой пока до конца не ясны, но похоже, что одной из таких характеристик является довольно значительная роль ядерного оружия.

Ключевыми событиями, которые позволяют говорить об окончании переходного периода, являются выборы 2000 г. в России и США (правительства 1990-х гг. в основном занимались «подведением черты» под «холодной войной», тогда как новые лидеры приступили к формированию «новой повестки дня»), террористические акты в России и США в 1999–2001 гг., война в Ираке в 2003 г., заявление Северной Кореей о преобретении ядерного статуса в конце 2003 г. Можно добавить и «несостоявшееся событие» – начало формирования Соединенными Штатами «пояса сдерживания» вокруг Китая в первой половине 2001 г. Эта политика была прервана терактами 11 сентября, но в последнее время начала возобновляться.

«Разоруженческие иллюзии» 1990-х гг., так же как и вполне реальный прогресс в деле сокращения ядерных арсеналов, были всего лишь следствием того, что вместе с окончанием «холодной войны» потеряли значение и те задачи, которые предстояло решать ядерному оружию. Пока не начала складываться новая система международных отношений, возобладали антиядерные настроения. Сейчас мы наблюдаем, к сожалению, обратный процесс, и пока не ясно, удастся ли его остановить или хотя бы затормозить.

Место и роль ядерного оружия в новой системе международных отношений, видимо, будут определяться следующими факторами.

- Как ни парадоксально, размывание жесткой биполярной структуры мира (плюс не менее четко определенная группа неприсоединившихся стран) снизило «управляемость» системы международных отношений и привело к относительному повышению степеней свободы отдельных государств при принятии решений в области внешней и оборонной политики. При этом – в значительной мере в результате действий самих США, начиная с 1990-х гг., – происходит ослабление роли международных институтов и международного права.
- Хотя складывающаяся система международных отношений имеет все признаки однополярности, США явно не располагают достаточной мощью для того, чтобы контролировать развитие событий, а поддержка их союзников более не может считаться гарантированной. При этом бурное развитие международного терроризма вносит дополнительный осложняющий элемент. Если удастся обеспечить взаимодействие и партнерство ведущих государств, то складывающаяся система может в конце концов стабилизироваться, но если такое партнерство не сложится, то можно ожидать проявления традиционных негативных черт многополярности, включая неустойчивые, быстро меняющиеся коалиции и общую непредсказуемость ситуации.
- Остался в прошлом стабильный, «стандартный» набор угроз, которым надо было противостоять. Источники, масштаб и сама природа будущих угроз трудно про-

гнозируемы. Если на ближайшую перспективу вероятных противников еще можно вычислить с приемлемой степенью достоверности, то предвидеть, с какими угрозами придется столкнуться через 10–20 лет, практически невозможно. Соответственно в новых условиях нужно быть готовыми к появлению непредвиденных угроз с неожиданных направлений. В США этот принцип получил название «планирование от возможностей» (в отличие от традиционного планирования «от угрозы»).

- Представление о том, что *любое* применение ядерного оружия приведет к глобальной катастрофе, также осталось в прошлом, поскольку крупномасштабные противоречия и конфликты между ведущими военными, в том числе ядерными державами более не считаются вероятными. Парадоксальным образом резкое снижение – возможно, даже исчезновение – угрозы третьей мировой войны делает применение ядерного оружия теоретически вероятным впервые за последние 40–50 лет (окончательное формирование взгляда на ядерную войну как на «конец света» произошло примерно во второй половине 1950-х–начале 1960-х гг.).
- Ситуация неопределенности в международных отношениях создает новые стимулы для приобретения ядерного оружия растущим числом государств, притом возмощность противодействия распространению снижается. Речь идет не только о нынешних или потенциальных противниках США, но и о союзниках и партнерах, многие из которых не готовы делать долгосрочную ставку на американский «зонтик» в обеспечении своей безопасности. Сомнения в сохранении режима ядерного нераспространения заставляют ядерные государства принять меры против возможного расширения круга стран, обладающих ядерным оружием, в том числе притормаживая разоруженческую деятельность.
- Реакцией на эти изменения стало выделение в качестве самостоятельной задачи ограниченное применение ядерного оружия в контексте ограниченных, преимущественно обычных конфликтов. Традиционная задача – взаимное ядерное сдерживание ведущих ядерных держав (главным образом, естественно, США и России) – остается в силе, но отодвинулась на второй план в качестве, так сказать, «запасной»: крупномасштабный конфликт не считается вероятным ни в Вашингтоне, ни в Москве, да и существующие разногласия не настолько глубоки и принципиальны, в отличие от периода «холодной войны», когда каждая из сторон считала, что речь идет о выживании социально-экономической и политической системы.

Тезис о выделении ограниченного применения в качестве самостоятельной задачи требует расшифровки. В конце концов, в годы «холодной войны» предусматривалось применение ядерного оружия на поле боя или в рамках театра военных действий для поддержки обычных вооруженных сил. Однако тогда речь шла чаще всего о решении вспомогательных задач в контексте глобальной войны или регионального конфликта, чреватого перерастанием в глобальную войну; наиболее вероятно – параллельно с нанесением ширококомасштабных ударов с использованием стратегических вооружений. Хорошо известно, что в США уделялось огромное внимание проработке планов предотвращения эскалации конфликта с уровня театра военных действий на глобальный (об этом много писали в первой половине 1980-х гг. в связи с вопросом о ядерном оружии средней дальности в Европе, но существовали – и недавно были раскритикованы – аналогичные разработки, например, начала 1960-х гг.), так же как хорошо известна изначальная слабость всех сценариев подобного рода.

На нынешнем этапе речь идет о другом. Во-первых, именно потому, что вероятность глобальной войны практически равна нулю, стало теоретически возможным разделить задачи стратегического сдерживания и ограниченного применения и впервые поставить вопрос об относительно «безнаказанном» использовании ядерного оружия («безнаказанном» в том смысле, что оно не провоцирует эскалацию). Во-вторых, также впервые появилась теоретическая возможность применения ядерного оружия против третьих стран. Если в 1950-е–1960-е гг. мысли о применении ядерного оружия в ограниченных войнах (Корея, Вьетнам) отвергались, среди прочих причин, из опасения легитимизации ядерного оружия (и выдачи де-факто «санкции» СССР на аналогичное применение), то в нынешних условиях американское политическое и военное руководство явно не проявляет беспокойства на этот счет. Россия более не рассматривается как противник или

глобальный конкурент, и, соответственно, выдача такого рода «санкции» уже не входит в число проблем. Естественно, существуют препятствия другого рода – распространение ядерного оружия, враждебная реакция значительного числа стран, включая союзников, но во всяком случае это проблемы другого порядка.

Следует сразу оговориться, что процесс формирования новой задачи находится в ранней стадии. Многие детали еще не ясны, так же как в самом начале находится и формирование новой системы международных отношений, породившей в конечном счете новое отношение к ядерному оружию. Практическое воплощение этих идей также находится на самой ранней стадии и сталкивается с серьезными политическими препятствиями: Конгресс США заблокировал ассигнования на предварительные исследования в области ядерных боеприпасов малой мощности (сообщений о работах такого рода в России просто не существует).

Можно выделить определенные различия в подходе США и России к вопросам ограниченного применения. В США, насколько можно судить, речь в основном идет о решении практических задач в ограниченных войнах типа недавней войны в Ираке, прежде всего в целях поражения объектов, связанных с созданием, производством и хранением оружия массового уничтожения (с этим, в частности, связаны предложения о создании проникающих боеприпасов). В России ограниченное применение, судя по официальным документам, принятым в 2000–2003 гг., рассматривается главным образом в контексте дестабилизации – сдерживания крупного неядерного нападения более мощной в военном плане страны (прежде всего США и их союзников). В обоих случаях ядерное оружие призвано компенсировать неадекватность обычных вооружений – неспособность надежно поразить заглубленные высокоукрепленные цели или количественный и, главным образом, качественный дисбаланс.

При этом выделение ограниченного применения ядерного оружия в качестве самостоятельной задачи не ведет к росту ядерных арсеналов, в отличие от тенденции, знакомой по временам «холодной войны». Напротив, сокращение ядерных вооружений, видимо, будет продолжаться: пока что в соответствии с Договором о СПН 2002 г. Россия и США сократят свои стратегические вооружения до уровня не более 2200 развернутых боезарядов, а в дальнейшем возможны и более значительные сокращения. Сокращаются и арсеналы нестратегического оружия. Не исключено, что со временем к процессу присоединятся в той или иной форме и другие ядерные государства – хотя бы за счет обязательства о ненаращивании своих ядерных арсеналов. Все дело в том, что новые задачи не требуют больших запасов ядерного оружия – во всех обсуждавшихся до сих пор сценариях речь шла о единицах применяемых боезарядов.

Таким образом, сокращение вооружений не следует принимать за разоружение. Скорее можно говорить об оптимизации арсеналов и о ликвидации накопленных за десятилетия «холодной войны» излишков. Фактическое отсутствие системы контроля в Договоре о СНП также свидетельствует, что это в своей основе оптимизационный, а не разоруженческий документ. Собственно, тенденция достаточно ясна, и понимание ее лежит в основе критики неядерных государств в адрес ядерных – само по себе сокращение арсеналов не считается выполнением статьи VI ДНЯО, в то время как значительно большее внимание уделяется относительному повышению роли ядерного оружия, что, на взгляд неядерных стран, говорит о том, что разоружение даже не стоит на повестке дня.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯДЕРНОЙ ДОКТРИНЫ США

Новый взгляд на ядерное оружие является частью более широкого процесса трансформации вооруженных сил США, которая должна сделать их более приспособленными для ведения войн в масштабах театра военных действий. Ядерное оружие является лишь одним из элементов, причем второстепенных, этой трансформации. Выпущенный в 2002 г. «Обзор ядерной политики» (Nuclear Posture Review) рассматривает ядерное оружие как составную часть так называемой «новой триады». Этот довольно неудачный термин призван обозначить единство трех элементов военной мощи: ударные вооружения, оборонительные вооружения и гибкая промышленная инфраструктура, способная в короткие

сроки разрабатывать и производить, в том числе малыми сериями, новые образцы техники. Стоит обратить внимание на то, что промышленная база рассматривается не как обеспечивающий компонент, а как неотъемлемая часть военной мощи наряду с родами и видами вооруженных сил. Все три компонента объединены системой управления, контроля, связи, компьютерных сетей и разведки.

Ядерное оружие входит в категорию ударных вооружений и может быть задействовано в случаях, когда обычные вооружения не адекватны той или иной конкретной задаче. Важно с самого начала подчеркнуть, что использование ядерного оружия рассматривается как экстраординарная мера, которая, возможно, никогда не будет применена. Даже в случаях, когда противник располагает оружием массового уничтожения, предпочтительным средством остаются обычные вооружения. Модернизация обычных вооружений, включая оснащение стратегических носителей (включая МБР) неядерными боезарядами, должна значительно расширить спектр их применения. Тем не менее считается важным иметь «про запас» и «ядерный вариант», с тем чтобы обеспечить командованию максимальную гибкость при планировании и осуществлении операций.

Ограниченное применение ядерного оружия рассматривается преимущественно в контексте войн регионального масштаба, сходных с недавней войной в Ираке, причем главным образом против целей, связанных с оружием массового уничтожения. Наиболее вероятным представляется применение ядерного оружия Стратегическим командованием США «по заявке» командующего на театре военных действий. Нельзя исключать и возможности выделения в распоряжение командующего определенных сил и средств Стратегического командования.

Не до конца ясны и вопросы получения санкции на применение ядерного оружия. Хотя решение во всех случаях будет принадлежать президенту США, нельзя исключать «заблаговременной» выдачи санкции на стадии планирования операции применительно к заранее намеченным целям и даже, может быть, разрешения на применение ядерного оружия по усмотрению командующего без дополнительной санкции в заранее оговоренных случаях.

Конкретные вопросы применения ядерного оружия в ходе региональных войн должны регулироваться новым изданием «Доктрины единых (межвидовых) ядерных операций» (Doctrine for Joint Nuclear Operations), призванной заменить аналогичный документ 1990-х гг. Его разработка, однако, сталкивается с большими концептуальными, политическими и бюрократическими сложностями и до сих пор не завершена.

В той мере, в какой ядерное оружие призвано сдержать использование противником ОМУ, принцип ограниченного применения ядерного оружия имеет нераспространенческую ценность. Предполагается, что страны, планирующие обладание ОМУ, должны прийти к выводу, что им не удастся его использовать в военных или политических целях, по крайней мере против США и их союзников, и, следовательно, стимулы для приобретения ОМУ должны ослабнуть. В случае необходимости США должны быть способны уничтожить как оружие, так и связанную с ним инфраструктуру. В этом контексте большое значение придается проникающим боеприпасам, способным уничтожать высококрепленные подземные цели.

Новым явлением можно считать возможность самостоятельных действий Стратегических сил. В средства массовой информации просочились сведения о принятом летом 2004 г. документе «Распоряжение о временном повышении готовности к глобальному удару» (Interim Global Strike Alert Order), в соответствии с которым Стратегическое командование должно быть готово к нанесению ударов с использованием стратегической авиации по объектам ядерной инфраструктуры Северной Кореи и Ирана. Принятые в 2005 г. «Национальная военная стратегия» и «Национальная стратегия обороны» официально предусматривают возможность нанесения превентивных ударов даже в условиях отсутствия непосредственной угрозы для США.

Как и в более общем случае, удары по Северной Корее и Ирану не обязательно должны быть ядерными (даже, скорее, должны быть неядерными), но, по-видимому, для некоторых целей применение ядерного оружия может быть зарезервировано. Наибольший ин-

терес в данном случае представляет, главным образом, принципиальная возможность использования ядерного оружия в «бесконтактных» боевых действиях на больших расстояниях. Внимание к такого рода сценариям может быть связано с тем, что США в настоящее время просто не располагают возможностью вести более традиционные боевые действия – силы не просто заняты, а даже перегружены задачами в Афганистане и особенно в Ираке.

Тот факт, что «Обзор ядерной политики» предусматривает возможность применения ядерного оружия против стран, располагающих *любым* ОМУ, свидетельствует о частичном пересмотре обязательств США в соответствии с негативными гарантиями безопасности, принятыми в связи с Договором о нераспространении (не применять ядерное оружие против неядерных государств-членов ДНЯО – это выводит из-под угрозы страны, которые имеют, например, химическое, но не ядерное оружие). Предложения об ослаблении негативных гарантий появились в 1990-е гг. после подписания Конвенции о химическом оружии, когда единственным ОМУ в распоряжении США должно было остаться ядерное оружие. Официально новая формулировка была, однако, впервые принята в России в 2000 г., а США сделали это почти на два года позже.

Следует признать, что принятие принципа ограниченного применения ядерного оружия в контексте ограниченных конфликтов чревато риском расширения задач, которые могут быть поставлены перед ядерным оружием. Хотя основной целью являются ОМУ противника и связанные с ОМУ объекты, трудно избежать соблазна поставить и другие задачи, особенно в случае неблагоприятного развития военных действий, например поражение площадных или мобильных целей или прорыв обороны противника. (Намек на такие дополнительные задачи содержится в последнем проекте Доктрины межвидовых ядерных операций.

Наконец, заслуживает внимания стирание граней между различными категориями ядерного оружия, прежде всего между стратегическим и нестратегическим. Применение оружия малого радиуса действия представляется крайне маловероятным. Напротив, как отмечалось выше, могут быть задействованы скорее средства стратегической или, как минимум, средней дальности, находящиеся в распоряжении Стратегического командования, например те же тяжелые бомбардировщики B-2.

Такое положение дел представляет собой отход от стереотипов планирования периода «холодной войны», когда задачи непосредственной поддержки боевых действий преимущественно выполнялись тактическими вооружениями, в то время как все наличное стратегическое оружие было задействовано в выполнении задач стратегического сдерживания. Новое положение дел связано, прежде всего, со снижением роли стратегического сдерживания, а также с относительно небольшими потребностями в размерах арсеналов (как указывалось выше, единицы боезарядов), которые позволяют переключить стратегические вооружения на решение других задач. По сравнению с тактическим оружием и оружием средней дальности стратегические носители обладают рядом преимуществ, прежде всего в плане практически неограниченной дальности. Это, в частности, касается крылатых ракет воздушного базирования и оружия малого радиуса действия, развернутого на дальних бомбардировщиках. Их можно применять фактически на любом театре военных действий, не тратя времени на переброску носителей, они обеспечивают высокую точность, а также имеют двойное назначение, т.е. могут применяться как с ядерными, так и с обычными боеголовками.

С учетом вышеперечисленного можно сказать, что пристальное внимание неядерных государств на различных многосторонних форумах (Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, Первый комитет ГА ООН и т.д.) к тактическому ядерному оружию, вряд ли отражает тенденции в развитии ядерных арсеналов. Скорее всего, ядерное оружие малого радиуса действия постепенно сойдет со сцены. Аналогичным образом, традиционные рамки двухстороннего разоруженческого процесса, который концентрируется отдельно на стратегических и нестратегических вооружениях (Договор СНП – лишь наиболее свежий пример этой традиции), также вряд ли имеют смысл.

НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В РАМКАХ НОВЫХ ЗАДАЧ

Способность обеспечить выполнение новой задачи – ограниченное применение ядерного оружия в случае необходимости – зависит от наличия средств. Важными характеристиками при этом являются следующие:

- ❑ перенесение уже достигнутого прогресса в повышении точности нацеливания и быстром перенацеливании на ядерное оружие (пока что технический прогресс в этой области в основном концентрировался на создании высокоточных обычных боеприпасов);
- ❑ малая мощность: мощность унаследованных от периода «холодной войны» боеприпасов составляет, как правило, сотни или в лучшем случае десятки килотонн, что является не просто излишним, но и неприемлемым для целей ограниченного применения в рамках преимущественно обычных конфликтов. На первое место здесь выходит необходимость избежать чрезмерных разрушений, долгосрочного радиоактивного заражения больших площадей и значительных потерь среди мирного населения («сопутствующий ущерб»);
- ❑ способность проникновения под поверхность земли для поражения заглубленных высокоукрепленных целей;
- ❑ способность выбора поражающих факторов, включая определение соотношения и мощности различных факторов (таких, как ударная волна, радиация и т.д.);
- ❑ способность к надежному уничтожению химического и биологического оружия;
- ❑ повышенная надежность и простота обслуживания.

Широко распространено мнение, что существующие боеприпасы не имеют необходимого набора характеристик. Отсюда возникает потребность в создании новых боеприпасов или доработке существующих.

Даже самый беглый взгляд на состояние работ в области совершенствования ядерного оружия позволяет выделить их важнейшую характерную особенность. Масштабы ассигнований, темпы работы и скромность ставящихся в настоящее время задач контрастируют с широко распространенными представлениями о политике США в этой области. Резкая критика со стороны международного сообщества и противников нынешней администрации внутри США представляет собой реакцию на ее планы и заявления. В действительности новая доктрина не будет подкреплена соответствующими вооружениями еще как минимум 10–15 лет, а с учетом резко обострившегося в последнее время сопротивления в Конгрессе США, возможно, и позже.

Деятельность в области ядерных боеприпасов состоит из двух основных элементов.

Во-первых, это создание нового проникающего боеприпаса. Эта работа не включает в себя создание нового ядерного взрывного устройства: существующий боезаряд *Б 61-11*, принятый на вооружение в 1997 г. (он, в свою очередь, основывался на *Б 61-7*, производство которого началось в 1985 г.), должен быть помещен в новую оболочку. Как и *Б 61-7*, *Б 61-11* имеет варьируемую мощность от 0,3 до 340 кт и способен проникать на 6 футов (порядка 2 м) в скальный грунт, что считается недостаточным, и новая оболочка должна обеспечить более глубокое проникновение. Работы над новым боеприпасом начались в 2003 г., на год позже, чем первоначально планировалось, и на нынешнем этапе в основном посвящены выяснению вопроса о том, можно ли модифицировать существующие боезаряды *Б 61* и *Б 83* для проникающих боеприпасов.

В первые два года разработок финансирование составляло 15 млн долл. в год, на 2005 г. были запланированы расходы в размере 27,6 млн долл., а на 2006 г. – 95 млн долл. После завершения нынешнего этапа работ ассигнования на опытно-конструкторские работы – при условии принятия решения о переходе к ОКР по итогам НИР – должны были

финансироваться в размере 145,4 млн долл. в 2007 г., 128,4 млн долл. в 2008 г. и 88 млн долл. в 2009 г. Завершение ОКР планировалось на 2009 г.

Однако решением Конгресса финансирование программы в 2005 г. было прекращено, а на 2006 г. запланировано лишь частичное возобновление финансирования – 4 млн долл. вместо первоначально планировавшихся 95 млн долл. (запрос администрации на 2006 г. составлял 8,5 млн долл.). Кроме того, деньги были переданы из Министерства энергетики в распоряжение ВВС, исходя из того, что ВВС способны лучше оценить, нужно ли им новое оружие. Впрочем, с учетом того, что Стратегическое командование и ВВС давно заявляли, что такой боеприпас им нужен, окончательный вердикт можно легко предвидеть. Дополнительно 4,5 млн долл. было выделено на исследование вопроса о разрывании новых боеприпасов на бомбардировщике B-2.

Принципиально важными представляются два факта: во-первых, что финансирование программы возобновлено, и, во-вторых, что ее осуществление резко замедлилось.

Вторым элементом является – или являлась – программа изучения новых концепций (известная как *advanced concepts initiative*), которая должна была помочь решить, возможны ли и нужны ли новые типы боезарядов (ядерных взрывных устройств) на замену тех, которые были разработаны в годы «холодной войны». Потенциально именно эта программа могла бы стать тем, за что нынешнюю администрацию столь жестко критикуют, – программой создания новых типов и видов ядерного оружия. Одновременно эта программа должна была дать ответ на вопрос о возможности и путях модификации существующих взрывных устройств с целью удлинения гарантийных сроков, повышения надежности, а также большей простоты и дешевизны обслуживания.

Первоначальное финансирование составляло 6 млн долл. в год, но в 2005 г. оно было прекращено (запрос администрации составлял 9 млн долл., а на 2006 г. – 4,4 млн долл.). Завершение предварительного (эскизного) этапа планировалось на 2006 г., а затем, в случае принятия решения о проведении НИР, финансирование должно было существенно возрасти: 14,9 млн долл. в 2007 г., 14,6 млн долл. в 2008 г. и 29,5 млн долл. в 2009 г. Следует при этом отметить сравнительно скромные ассигнования даже на этапе НИР, отражающие относительно медленные темпы работ.

В отличие от работ по проникающему боеприпасу, финансирование программы исследования новых концепций не было возобновлено. Вместо нее Конгресс создал иную – программу надежной замены боезарядов (*Reliable Replacement Warhead, RRW*), которая заменила ранее существовавшую программу продления гарантийных сроков (*Life Extension Program, LEP*). В ее рамках планируется разработать новые компоненты существующих ядерных взрывных устройств, которые позволили бы увеличить их гарантийные сроки, упростить конструкцию и повысить надежность, т.е. тем самым была бы решена часть задач, которые описаны выше. Планируется также рассмотреть возможность снижения мощности существующих ядерных взрывных устройств и воплотить в жизнь принцип точного набора поражающих факторов (*tailored effects*). В 2005 г. средства, запрошенные Министерством энергетики на исследование новых концепций, были просто переключены на новую программу, а на 2006 г. Конгресс ассигновал 25 млн долл. – на 15 млн долл. больше, чем запрашивало правительство. При этом, однако, было запрещено придание существующим боеприпасам способности выполнять новые задачи, т.е. в рамках программы надежной замены боезарядов вряд ли удастся сделать все, что первоначально планировалось в рамках отмененной программы изучения новых концепций.

По оценке Министерства энергетики замены требуют порядка 10 тыс. боезарядов, гарантийные сроки которых уже истекли и были продлены путем замены компонентов на аналогичные. Замена компонентов взрывных устройств на новые, более совершенные должна помочь сократить арсенал до порядка 6 тыс. боезарядов (т.е. на 40%) только за счет повышения надежности и увеличения гарантийных сроков с 15 до 20–30 лет. Стоимость программы совершенствования боезарядов оценивается примерно в 2 млрд долл. в период с 2007 по 2017 г. Поступление на вооружение «обновленных» боезарядов намечается на 2012–2015 гг. По некоторым сообщениям, первым кандидатом на замену

будет W-76 – боеголовка ракет морского базирования, и ядерно-промышленный комплекс фактически поставил перед собой задачу разработать новую боеголовку вместо существующей, но с соблюдением установленных Конгрессом ограничений, а также с учетом невозможности полномасштабных испытаний.

Подводя итог, можно сказать, что нынешняя администрация потерпела политическое поражение, оказавшись не в состоянии осуществить программу даже предварительных исследований по созданию новых боеприпасов. Вместе с тем некоторые задачи могут быть решены в рамках более ограниченной по своим целям программы разработки новых компонентов для существующих ядерных взрывных устройств. Таким образом, движение в изначально определенном направлении продолжается, но медленнее, чем предполагалось, и не в полном объеме.

Существенной, а возможно, и главной с некоторых точек зрения задачей является воссоздание промышленной базы производства ядерных боеприпасов. Их производство было прекращено с окончанием «холодной войны», а соответствующие производственные мощности в значительной части демонтированы.

В 2002 г. было возобновлено производство трития, в 2003 г. впервые с 1989 г. произведена плутониевая сборка, а в перспективе планируется построить завод по производству плутониевых сборок (начало строительства предварительно запланировано на 2020 г., а до тех пор производство будет осуществляться в лаборатории Лос-Аламос). При принятии бюджета на 2005 г., однако, Конгресс резко сократил ассигнования на подготовку к строительству, в том числе запретил расходовать деньги на выбор площадки для будущего завода.

Наибольшее внимание привлекает, естественно, программа сокращения срока готовности к испытаниям полигона в Неваде с 36 до 18 месяцев, традиционно эта программа рассматривается как свидетельство подготовки к испытаниям. В соответствии с официальной позицией, однако, США не планируют возобновлять испытания, и этот вопрос даже не рассматривался. Официальные заявления представляются заслуживающими доверия хотя бы уже потому, что в ближайшие годы просто нечего будет испытывать: Министерство энергетики и лаборатории считают, что существующие боеприпасы в испытаниях не нуждаются, а новые пока не просматриваются. При этом политическая цена возобновления испытаний столь высока, что было бы просто нерационально ожидать каких-то действий ради существующих боеприпасов – столь серьезный шаг мог бы быть предпринят лишь при наличии очень серьезных оснований. Более логичным кажется другое объяснение, которое предлагается официальными лицами: при сохранении уровня ассигнований середины 1990-х гг. деградация полигона могла бы стать необратимой – требуются дополнительные средства на поддержание полигона на стабильном уровне и восстановление утраченных элементов инфраструктуры.

Однако и здесь администрацию постигла неудача. Конгресс профинансировал лишь первые два года трехлетней программы, а в дальнейших ассигнованиях было отказано. Представляется вероятным, что постепенно задача все же будет решена, но медленнее, чем первоначально предполагалось.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕ 2008 г.

Обзор развития доктринальных установок и модернизации ядерного арсенала США приводит к довольно противоречивым выводам. С одной стороны, концептуальные основы ядерной политики, а также разработки в области применения ядерного оружия в современных условиях продвинулись достаточно далеко и пользуются поддержкой не только политического руководства, но и военного истеблишмента. С другой стороны, создание вооружений, требуемых новыми доктринальными установками, не только находится лишь на самых ранних стадиях, но вдобавок продвигается медленно и при минимальном (по американским масштабам, конечно) финансировании. Даже эти сравнительно скромные программы наталкиваются на сопротивление в Конгрессе и в результате либо еще более замедляются, либо модифицируются.

В этой связи возникает вопрос: сохранится ли нынешняя политика в том или ином виде после того как администрация Дж. Буша покинет Белый дом в январе 2009 г.? Речь идет, прежде всего, о сохранении задачи ограниченного применения ядерного оружия в рамках ограниченных, преимущественно неядерных войн. Представляется, что при всех зигзагах политической борьбы данное направление политики является довольно стабильным. Изменения возможны и даже неизбежны, но при этом некоторые исходные посылы, лежащие в основе политики, пользуются широкой поддержкой.

Существует мнение, что международная ситуация является малопредсказуемой и способна быстро изменяться в широких пределах; что предсказать регионы, характер и масштабы будущих конфликтов невозможно; что нынешних, а в еще большей степени будущих противников сдержать труднее, чем Советский Союз; а также что сдерживание на основе лишь обычных вооруженных сил может оказаться недостаточным. Наконец, широко распространены сомнения в устойчивости режима нераспространения ядерного оружия. В то время как американские «друзья и союзники», скорее всего, воздержатся от приобретения ядерного оружия в обозримом будущем, страны, причисляемые к «оси зла», активно стремятся к ядерному статусу. Соответственно, их необходимо удерживать, в том числе путем демонстрации, что ядерное оружие не принесет ожидаемых дивидендов; сдерживать, если удержать не удастся; и разгромить, если не сработает сдерживание.

Можно, конечно, поспорить, насколько обоснованы эти взгляды. Более того, принятый в последние месяцы нынешней администрацией «новый» подход к нераспространению лишь способствует подрыву режима: в соответствии с этим подходом противодействовать, причем любыми способами, нужно лишь в том случае, если ядерное оружие оказывается в руках «плохих» стран, а ядерный статус «хороших» стран можно принять без возражений. Несомненно, война в Ираке дала сильнейший стимул к обретению ядерного оружия теми странами, которые имеют основания опасаться США, тем более что американская политика открыто планирует смену целого ряда режимов, которые считает недемократическими и недружественными.

Независимо от того, насколько обоснована такая критика, остается фактом, что значительная часть американского истеблишмента и общественности испытывают озабоченность, причем не столько по поводу нынешних противников, сколько в связи с общей неопределенностью ситуации, а также в связи с вопросом, хватит ли сил справиться с неизвестными пока угрозами. В этих условиях неизбежным является строительство вооруженных сил по максимуму, что и легло в основу принятого нынешней администрацией принципа планирования «от возможного» (capabilities-based planning) вместо традиционного планирования «от угрозы» (threat-based planning).

Новая ядерная политика, включая выделение в качестве самостоятельной задачи ограниченного применения ядерного оружия, является лишь составной частью максимизации военного потенциала в условиях неопределенности, которая, в свою очередь, видимо, является одной из характеристик складывающейся новой системы международных отношений.

Поскольку новые тенденции в ядерной политике США представляют собой ответ на угрозы и вызовы новой системы международных отношений, вряд ли можно ожидать, что призывы к возвращению курса на ядерное разоружение будут результативны. Нынешняя политика вряд ли изменится до тех пор, пока значительная часть американского истеблишмента убеждена в том, что опора на ядерное оружие является необходимым условием парирования тех или иных угроз, и пока не будут предложены альтернативные, столь же или более действенные методы их парирования. Это относится и к тем, кто в принципе негативно относится к ядерному оружию, но готов считать опору на него неизбежным злом, с которым по необходимости придется примириться. И уж во всяком случае было бы чрезмерно оптимистичным ожидать, что смена администрации США приведет к радикальному развороту обратно к разоруженческим инициативам 1990-х гг. вне зависимости от того, останутся у власти республиканцы или в Белом доме снова окажутся демократы.

Более того, поскольку феномен новой системы международных отношений имеет глобальный масштаб и затрагивает не только США, тенденция к пересмотру ядерной политики – как унаследованной от периода «холодной войны», так и подходов переходного периода – не может ограничиваться только США. Вполне вероятно, эта тенденция получит еще более широкое распространение.

Это относится и к России, ядерная политика которой также находится под влиянием фактора неопределенности и возможности довольно неожиданного возникновения угроз на относительно стабильных направлениях. Раздающиеся из Вашингтона и Брюсселя заявления о том, что расширение НАТО на Восток или появление американских баз в Средней Азии не представляют ни текущей, ни потенциальной угрозы России, остаются малоэффективными. Соответственно, осуществляется «на всякий случай» подготовка к сдерживанию угрозы применения силы против России по «косовскому сценарию», включая сдерживание на основе угрозы ограниченного применения ядерного оружия. Трудно исключить, что в дальнейшем, если ничего не изменится, будут выдвинуты также предложения, аналогичные американским, а именно – о возможности ограниченного применения ядерного оружия против третьих стран.

В принципе, рецепт исправления ситуации достаточно прост – значительное, на много порядков, повышение эффективности международных организаций и других международных институтов, развитие партнерства как минимум ключевых государств. Можно ожидать, что следующей администрации не будет присущ тот негативизм в отношении международных организаций, которым характеризуется Белый дом сегодня. Вопрос в том, будут ли соответствовать масштабу задач сами международные организации. Пока что процедуры принятия решений, характер этих решений, а также эффективность их претворения в жизнь явно не дотягивают до требуемого уровня. Начавшаяся реформа ООН должна, видимо, стать лишь первым этапом реформирования всей системы международных организаций, возможно, также создания новых организаций в дополнение или вместо существующих. Альтернативой является победа «индивидуального» подхода к обеспечению безопасности, в том числе и с опорой на ядерное оружие. Медленные темпы создания в США новых вооружений, в полной мере соответствующих новым доктринальным установкам, создают запас времени для решения этой задачи. Ключевой период, видимо, придется уже на следующую администрацию.

Примечание

¹ В основу настоящей статьи легло выступление автора в Женевском Центре политики безопасности в июне 2005 г.

Вышла в свет монография ПИР-Центра

РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Режим ядерного нераспространения в том виде, как он сложился к настоящему времени, существует уже более тридцати лет. На протяжении всего периода своего существования Договор о нераспространении ядерного оружия и основанный на нем режим подвергались критическим замечаниям со стороны многих государств, особенно неядерных, а также со стороны некоторых представителей академической науки и общественности.

Последнее десятилетие в этом отношении было особенно конфронтационным из-за известных событий в Ираке, КНДР, Иране, ядерных испытаний в Индии и Пакистане, чрезвычайно сложно проходившей Конференции участников Договора 1995 г., на которой решался вопрос о продлении срока действия Договора. Раздавались даже голоса, особенно после индийских и пакистанских ядерных испытаний 1998 г., что Договор отжил свой век и что распространение ядерного оружия пойдет теперь бесконтрольно.

Оценка Договора и того, что было с его помощью достигнуто за прошедшие десятилетия, требует обстоятельного объективного анализа. Только такой анализ может позволить выявить те значительные ресурсы, которые, как мы убеждены, все еще имеются для повышения эффективности ДНЯО и созданных на его основе механизмов.

В монографии рассматривается эволюция режима нераспространения с момента появления идеи о его создании до настоящего времени.

Автор монографии – ведущий российский эксперт в области нераспространения ядерного оружия и один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия, Чрезвычайный и Полномочный Посол **Р.М. Тимербаев**. В настоящее время Р.М. Тимербаев является председателем Совета ПИР-Центра.

*По вопросам приобретения монографии следует обращаться в компанию
Триалог по тел.: +7-095-764-9896*

e-mail: info@trialogue.ru; <http://www.trialogue.ru>

Совершая в мае 2003 г. европейское турне, Президент США Дж. Буш выдвинул новую американскую инициативу в области нераспространения оружия массового уничтожения – *ИБОР*¹ (Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ).

Принятый впоследствии в Мадриде рамочный документ – так называемые *Принципы* – сформулировал цели и задачи, поставленные перед государствами, составляющими «ядро» Инициативы. Участники ИБОР взяли на себя обязательства по *предотвращению попадания ОМУ в руки нерациональных режимов и/или агрессивных негосударственных игроков*. В этих целях США и их единомышленники намерены *отслеживать и пресекать транспортные потоки запрещенных компонентов и технологий ОМУ*, а также *средств его доставки*.

За сравнительно короткий промежуток времени ИБОР удалось расширить свои ряды за счет политически и географически значимых стран, провести ряд учений по отработке межгосударственного взаимодействия и выработке единых подходов к задержанию опасных материалов.

Предпринимаются конкретные шаги по международно-правовому обеспечению ИБОР. Тем не менее расплывчатые трактовки намерений ее участников, ряд противоречивостей устоявшимся нормам международного права во взятых ими на себя обязательствах и сомнения других стран относительно истинных целей коалиции не позволяют ИБОР развернуться в полную силу и стать законным и эффективным инструментом глобально-го уровня, способствующего значительному усилению режима нераспространения.

Вначале Российская Федерация осторожно отнеслась к предложению американцев. И хотя, судя по всему, окончательно сомнения российского истеблишмента по поводу «подводных камней» не развеялись, год спустя после выдвижения Инициативы наша страна присоединилась к «ядру» ИБОР, став ее полноправным участником.

Авторы ставят перед собой задачу проанализировать различные аспекты ИБОР, включая эффективность и соответствие международному праву, и, главное, намереваются обрисовать плюсы и минусы Инициативы, смоделировать ее возможные последствия для России.

ИБОР И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В своем обращении к народу Польши 31 мая 2003 г. Президент США Дж. Буш объявил об инициировании нового проекта в области нераспространения – *Инициативе по безопасности в области распространения оружия массового уничтожения (ИБОР)*². Дж. Буш дал ясно понять, что США не намерены мириться с расплыванием ОМУ по миру и «обязаны обладать ресурсами и полномочиями» для конфискации опасных грузов. С этой целью американцы вместе с кругом ближайших союзников сформировали коалицию для досмотра транспорта, перевозящего подозрительные грузы, и конфискации контрабандных вооружений и ракетных технологий.

ИБОР явилась реакцией на растущую во всем мире угрозу распространения ОМУ, систем его доставки и сопутствующих материалов³. Поиск оригинальных контрмер на так называемые «нетрадиционные» угрозы логически проистекает из опасных тенденций, возникших на исходе XX столетия. Слом биполярной системы международных отношений с плотным контролем периферии со стороны двух сверхдержав и неуклонно набирающая обороты глобализация не сделали мир безопаснее. Наоборот, список потенциальных глобальных вызовов и угроз пополнился, коренным образом изменилась их иерархия, в качестве влиятельных фигурантов на арену впервые вышли некогда несамостоятельные негосударственные игроки. Мир столкнулся с влиятельной силой, которая:

- не институционализована – не является государственным образованием;
- трудноуловима – отдельные террористические группы располагаются в различных точках света и не имеют общей «штаб-квартиры»;
- малопредсказуема – отсутствует информация о ресурсах и возможных масштабах применения силы;
- непоследовательна – не имеет четко артикулированной единой цели.

Еще недавно обладание ОМУ, особенно ядерным, оставалось привилегией относительно узкого круга государств. Казалось, что многосторонние дипломатические механизмы мониторинга и экспортного контроля доказали свою эффективность и способны предотвратить неуправляемое расползание ОМУ по планете. Однако уже в 90-е г. прошлого столетия экспертное сообщество всерьез озаботилось возможностью попадания ОМУ или его компонентов в руки неустойчивых агрессивных режимов или, что еще более опасно, апокалиптических террористических организаций, а уже в 2001 г. сенатор С. Нанн назвал предотвращение попадания ОМУ в руки террористов «запоздалой мыслью»⁴.

Тема *ядерного шантажа и мегатерроризма* из жанра научной фантастики постепенно превратилась в предмет озабоченности правительств и жарких дискуссий специалистов в области безопасности. Мировое сообщество в лице ООН, «Большой восьмерки», других авторитетных форумов объявило *распространение ОМУ и средств его доставки, а также международный терроризм «главными угрозами международному миру и безопасности»*⁵. Ведущие геополитические игроки, такие как Соединенные Штаты и Европейский Союз, обозначили в своих стратегиях национальной безопасности распространение ОМУ и терроризм в числе *главных угроз*.

В наши дни агрессивные силы задействуют самые различные каналы с целью стать обладателями ОМУ, пытаясь навязать цивилизованному миру свою программу будущего. Международный терроризм уже делает первые, пока неумелые попытки поставить ОМУ на службу своим преступным интересам. Химическая атака в токийском метро и зараженная сибирской язвой почтовая корреспонденция в Нью-Йорке и Вашингтоне – не более чем предвестники грядущих катастроф. Сегодня даже сценарий ядерной террористической атаки полностью не исключается.

Спрос, как известно, рождает предложение. Однако размеры «черного рынка» ОМУ, приоткрывшиеся после вскрытия в 2003 г. преступной сети продавцов ядерных секретов под руководством пакистанского ученого А.К. Хана, превосходят даже самые смелые предположения. По сути, как метко выразился глава МАГАТЭ Эльбарადей, речь в данном случае идет о функционировавшем на протяжении десятилетий «*ядерном супермаркете*»⁶, состоявшем из самых разных контрагентов Европы, Азии и Африки.

ИБОР – ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Первая встреча «ядра» ИБОР состоялась 12 июня 2003 г. в Мадриде (Испания). Первоначальными членами Инициативы стали 11 государств: Австралия, Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Польша, Португалия, США, Франция и Япония. В совместном заявлении по итогам мадридской встречи его участники отметили, что считают *террор с применением ОМУ* одной из опаснейших угроз человечеству.

Уже на втором заседании иборовцев в Париже были сформулированы так называемые «Принципы перехвата», которые стали своеобразным политическим манифестом и од-

новременно практическим руководством для его подписантов. Парижское заявление о принципах перехвата предусматривает целый комплекс мероприятий, направленных на подавление «черных рынков» ОМУ и пресечение трансграничных потоков материалов и технологий его производства. В основе документа лежит тезис о необходимости применения мер принуждения в отношении недобросовестных участников незаконного оборота ОМУ или, иными словами, о *контрраспространении*. Главной объединяющей идеей ИБОР стало противодействие распространению ОМУ путем разрушения нелегальных маршрутов поставок технологий, компонентов и оборудования для его производства «*следующих в или из государств и негосударственных субъектов, вызывающих подозрение у партнеров по ИБОР как пролиферанты*»⁷.

Участники Инициативы взяли на себя обязательство останавливать и досматривать транспортные средства, а при наличии оснований и конфисковывать перевозимые ОМУ. ИБОР носит всеобъемлющий характер, однако основной упор сделан все-таки на морской транспорт. Это и не удивительно, учитывая долю морского коммерческого флота в общем объеме грузоперевозок и международно-правовой принцип свободы мореплавания.

Согласно неоднократно сделанным официальным заявлениям, члены ИБОР собираются оперировать строго в рамках международного права и национального законодательства, а зона их действий будет ограничена национальной юрисдикцией. Стороны зафиксировали обещание серьезно относиться к выдаче разрешения на досмотр собственных морских судов и конфискации подозрительного груза при соответствующих обстоятельствах. В качестве сопутствующих шагов предлагается ужесточить национальное законодательство, регулирующее оборот ОМУ, укрепить релевантное международное право, упростить процедуры обмена информацией о подозрительной активности в сфере распространения между спецслужбами.

Партнеры по ИБОР любят подчеркивать, что Инициатива не является очередной международной бюрократией. По их утверждению, ИБОР представляет собой набор практических действий по борьбе с распространением и не нуждается в дополнительном финансировании и отдельных ресурсах. У ИБОР нет формальной инфраструктуры, секретариата, штаб-квартиры или председателя. «ИБОР – это скорее договоренность государств-участников предпринимать согласованные действия по предотвращению распространения ОМУ посредством сотрудничества их право-охранительных органов, военных и внешнеполитических ведомств», – отмечают в своей статье С. Лавров и К. Райс⁸.

Инициатива задумывалась как глобальный ответ на глобальную угрозу. Это, в свою очередь, подразумевает потребность вовлечения в проект как можно более широкого круга государств, особенно тех из них, которые в силу политических, географических, технологических или иных причин могут стать ценным активом в борьбе с теневым оборотом ОМУ. На своей первой мадридской встрече иборовцы дали понять, что будут работать над расширением поддержки Инициативы и подключением к ней всех стран, готовых содействовать «прекращению опасной торговли»⁹.

Поначалу Москва не проявила особого энтузиазма в отношении ИБОР. В комментариях российского внешнеполитического ведомства скорее сквозила осторожная обеспокоенность потенциальным негативным влиянием Инициативы на законное международное экономическое и научно-техническое сотрудничество. Говоря дипломатическим языком, Россия опасалась, что операции перехвата в рамках ИБОР будут осуществляться на выборочной дискриминационной основе и с нарушением международно-правовых норм, т.е. с делением пролиферантов на «плохих» и «хороших»¹⁰. Тем знаменательнее, что в мае 2004 г. на юбилейном заседании в Кракове, посвященном первой годовщине Инициативы, наша страна присоединилась к ИБОР в качестве полноправного участника ее «ядра».

В этой связи вопрос эволюции ИБОР, ее *modus operandi*, не является праздным, а имеет конкретное, прикладное значение для обеспечения законных интересов российских контрагентов в сфере ОМУ, национальной безопасности России, развития сотрудничества с зарубежными партнерами в сфере «сенситивных» технологий. На взгляд авторов, при рассмотрении целесообразности пребывания России в «ядре» ИБОР необходимо, прежде всего, сосредоточиться на таких ее аспектах, как эффективность, легитимность и корреляция с действующим международным правом.

ИБОР И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Государства-основатели ИБОР придерживаются мнения, что Инициатива гармонично вписывается в международно-правовое поле и идет в развитие авторитетных многосторонних документов, ставящих целью воспрепятствование доступа склонных к насилию субъектов к технологиям массового уничтожения. В основном ИБОР комментируется как «шаг в реализации заявления Президента Совета Безопасности ООН от 1992 г., которое определяет, что распространение ОМУ создает угрозу международному миру и безопасности, и подчеркивает необходимость для государств-членов ООН предотвратить распространение»¹¹. Отмечается также, что Инициатива комплементарна Резолюции 1540 Совета Безопасности ООН, которая обязывает государства-члены ООН предпринимать действия, нацеленные на предотвращение распространения ядерного, химического и биологического оружия, их систем доставки и сопутствующих материалов, особенно негосударственными субъектами, а также ужесточить существующую систему экспортного контроля. При этом совместные действия по перехвату грузов, содержащих элементы ОМУ, должны рассматриваться как те, что «Резолюция 1540 рассматривает как необходимые и обязательные».

Еще одним часто используемым аргументом в защиту ИБОР является общее право государств на самооборону, предоставляемое Уставом ООН. Причем в интерпретации американцев право на самооборону рассматривается в самой широкой его трактовке. Так, бывший заместитель госсекретаря США Дж. Болтон, изначальный промоутер ИБОР, настаивает на применимости этого принципа в отношении перехвата морских судов Северной Кореи¹². А Министерство обороны США заявляет, что при определенных обстоятельствах «США могут также проводить несогласованные задержания на основе реализации национальной и коллективной самообороны, в соответствии со ст.51 Устава ООН»¹³.

Далеко не все юристы-международники считают подобные доводы убедительными. Право на самооборону является одним из наиболее устоявшихся международно-правовых постулатов. Ст. 51 Устава ООН конкретизирует условия, при которых возникает неотъемлемое право на самооборону: «если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности»¹⁴. Разумеется, есть рациональное зерно в аргументации тех, кто пытается оправдать более емкое понятие самообороны, ссылаясь на то, что сращивание терроризма и ОМУ не могло быть предусмотрено ни Уставом ООН, ни международным обычаем. Сегодня право государства на превентивное использование силы против новых динамичных угроз за пределами национальных границ не только активно обсуждается, но и официально заявляется. И Россия – тому наглядный пример. Тем не менее, как и ранее, оно обставлено определенными ограничениями. Применение силы являлось и должно оставаться *крайней мерой*, в случае неизбежной угрозы. А это означает, что даже в расширенном толковании права на самооборону партнерам по ИБОР при задержании грузов, содержащих элементы ОМУ, ссылок на ст. 51 Устава ООН будет недостаточно. Для того чтобы избежать юридических споров, им придется доказывать, что груз предназначался террористам или мог бы быть каким-либо другим способом использован для нанесения удара по мирным странам.

Известные решения Совета Безопасности ООН, а именно Заявление Президента США и последующая Резолюция 1540, приняты в соответствии со ст.7 Устава ООН, что делает их обязательными для исполнения всеми членами мирового сообщества наций. Резолюция ужесточает требования к политике государств в области нераспространения, устанавливает их подотчетность Совету Безопасности в вопросе об имплементации содержащихся в документе требований. Однако следует подчеркнуть, что право мониторинга и любых действий во исполнение резолюции принадлежит исключительно Совету Безопасности. Каких-либо упоминаний о возможности принуждения к выполнению указанной резолюции государствами-членами ООН или региональными организациями не содержится. Более того, по просьбе отдельных государств США и Великобритании сделали разъясняющие заявления, подтвердив, что резолюция не санкционирует автоматического применения силового воздействия и что подобные акции потребуют дополнительного решения Совета Безопасности.

Таким образом, можно утверждать, что хотя программные установки ИБОР и сообразны основополагающим международным актам в сфере нераспространения и терроризма,

ее операционный аспект, несомненно, нуждается в доскональной правовой проработке и субстантивном юридическом обеспечении. Особенно рельефно этот тезис проступает при анализе морской составляющей ИБОР – наиболее полно и детально кодифицированной сферы международного права.

ИБОР СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОРСКОГО ПРАВА

Совершенно ясно, что, в отличие от государств, незаконные пролиферанты не ограничены в своих действиях национальными территориями. При ухудшении оперативной обстановки для их деятельности в одной стране или группе стран они волены изменять маршруты контрабанды ОМУ, места перегрузки и складирования. Особенно успешно варьировать схемы незаконных поставок ОМУ неблагонадежным заказчикам помогает использование морского транспорта – с учетом функционирования принципа свободы открытого моря. Поэтому особое значение приобретает возможность осуществления операций перехвата подозрительных коммерческих судов третьих стран в Мировом океане.

В вопросе территориального охвата ИБОР полной ясности нет. Заявление о принципах перехвата вроде бы четко очерчивает радиус действия Инициативы «внутренними водами и территориальным морем»¹⁵. Сами участники в своих заявлениях менее категоричны, пользуются более размытыми формулировками. Так, по словам министра иностранных дел Австралии А. Даунера, наиболее вероятно, что на первом этапе усилия стран-участниц ИБОР будут ограничены внутренними водами и территориальным морем¹⁶. Госдепартамент США пошел еще дальше, дав понять, что Соединенные Штаты будут, при строгом соблюдении норм международного права, проводить операции перехвата и в открытом море¹⁷.

Между тем международное морское право и, в частности, Конвенция ООН по морскому праву (КМП) защищают принцип свободы открытого моря, включающий в себя свободу судоходства и полетов. Ст.89 КМП уточняет, что «никакое государство не вправе претендовать на подчинение какой-либо части открытого моря своему суверенитету»¹⁸. Военные корабли и другие некоммерческие государственные суда «пользуются полным иммунитетом от юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме государства флага»¹⁹. Право остановки и осмотра иностранных коммерческих судов тщательно регламентировано, и его реализация возможна лишь в исключительных случаях. К таковым относятся обстоятельства, при которых возникают разумные основания предполагать вовлечение морского судна в запрещенную деятельность, к коей относятся пиратство, работорговля, несанкционированное вещание, а также отсутствие флага.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ТРАНСПОРТИРОВКА ОМУ

Согласно действующему международному праву *транспортировка ОМУ* либо его составляющих не входит в список запрещенных видов деятельности морских перевозчиков и, следовательно, вообще *не является правонарушением*. Из ст.23 КМП следует, что перевозка ядерных и других опасных или ядовитых веществ разрешена при соблюдении особых мер предосторожности. Причем данное положение распространяется не только на открытое, но и, при реализации права мирного прохода, на территориальное море.

М. Эспер и Ч. Аллен в своей статье подчеркивают, что согласно современному международному праву государства, не связанные международными договорами о запрете на передачу ОМУ-технологий, например ДНЯО, обладают, с сугубо юридической точки зрения, правом транспортировки ОМУ. По их мнению, еще более спорными будут попытки перехвата ракетной техники, поставки которой не запрещены ни одним действующим международным договором²⁰. Другими словами, государства, не участвующие в Режиме контроля над ракетными технологиями, могут заниматься перевозками ракетной техники. Проблема еще больше усугубляется тем, что ни одно из государств не было замечено в поставках готовых образцов ОМУ. Что касается компонентов для его производства, то здесь еще требуется доказать их последующее применение в военной сфере. По оценке М. Бека, до 95% всех компонентов, технологий и материалов, необходимых для создания ОМУ, являются элементами, конечное предназначение которых не столь очевидно, так как они имеют гражданское и военное применение²¹.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХВАТА

Конкретизируя область приложения своих усилий, партнеры по ИБОР объявили о том, что их деятельность в рамках коалиции будет сосредоточена на «государствах и негосударственных субъектах, вызывающих озабоченность как пролиферанты»²². Список целевой группы предполагается формировать силами самих участников Инициативы на основании имеющихся у них подозрений относительно вовлечения того или иного субъекта в незаконный оборот ОМУ. Хотя в официальных документах конкретные нарушители не раскрываются, высокопоставленные дипломаты стран ИБОР неоднократно упоминали Иран, Сирию и, особенно, Северную Корею в качестве объектов воздействия Инициативы²³.

Как представляется, взятые на себя «ядром» ИБОР полномочия по «определению» пролиферантов и последующего силового давления на них не укладываются в современное международно-правовое поле. Фактически участники Инициативы в этом случае посягают на эксклюзивную прерогативу Совета Безопасности ООН – единственного органа, уполномоченного мировым сообществом идентифицировать угрозы международному миру и безопасности и реагировать на них. Попытки ограничения суверенных прав отдельных государств группой других государств нарушают принцип суверенного равенства и не могут быть признаны юридически состоятельными.

Кроме того, такая избирательная фокусировка на отдельных государствах сужает возможности Инициативы противостоять «черному рынку» и одновременно вызывает сомнения в ее беспристрастности. Факты, в том числе вскрытые в результате проникновения в преступную сеть А.К. Хана, свидетельствуют о том, что проблема нераспространения гораздо шире и далеко выходит за рамки «государств-изгоев», как ее пытаются представить в Вашингтоне и некоторых других западных столицах. Так, в длинной цепочке компаний, заводов, ученых и агентов, работавших на пакистанца, широко представлены юридические и физические лица из самих участников ИБОР, включая Великобританию, Германию и Японию. Выявлена причастность к незаконным операциям фирм из Швейцарии, Нидерландов, Малайзии, Южной Кореи и Объединенных Арабских Эмиратов. Наибольший ущерб стратегической безопасности был нанесен действиями куратора подпольной сети пакистанца А.К. Хана, состоявшего в то время на государственной службе. Степень информированности пакистанского правительства о его деятельности до сих пор не выяснена. Вместе с тем ни одно из перечисленных государств, включая Пакистан, не стало объектом пристального внимания ИБОР.

«Сырыми» представляются и другие аспекты перехвата. Страны «ядра» собираются проводить задержание и досмотр иностранных транспортных средств, основывая свои решения на донесениях спецслужб, причем какого-либо контроля качества поступающей информации на уровне международных органов или даже самой коалиции не предусматривается. Учитывая печальный иракский опыт, можно утверждать, что достоверность конфиденциальной информации разведки может быть подвержена политическим веяниям и носить преувеличенный, перестраховочный характер. Поэтому объективность предъявляемых претензий, служащих основанием для оперативного реагирования, должна как минимум проходить оценочную экспертизу в независимом многостороннем органе. В идеале, санкции на задержание транспортного средства и тем более арест находящегося на нем груза могли бы быть возложены на рабочую группу при СБ или других компетентных органах ООН.

При этом должны быть выработаны и юридически оформлены принципы осуществления перехвата, права и обязанности сторон и, главное, порядок и условия возмещения ущерба, нанесенного законопослушному перевозчику неправомерными или ошибочными действиями военного корабля. Для контроля над действиями военных кораблей, уполномоченных совершать задержание и перехват в Мировом океане, а также для устранения возможных неприятных коллизий стало бы целесообразным укомплектование их инспекторами соответствующих международных организаций.

Необходимость введения механизма международного одобрения и мониторинга осуществления перехватов становится особенно рельефной на фоне подавляющего доминирования в Мировом океане военно-морских сил одной супердержавы – США. Сегодня лишь несколько государств располагают военно-морским присутствием далеко за пределами их непосредственной акватории. И только ВМС Соединенных Штатов являются

по своей сути глобальными, способными действовать в любой точке земного шара. В этой связи логично предположить, что отсутствие какого-либо наднационального контроля над перехватами фактически будет означать распространение американской юрисдикции за пределы ее естественных границ.

МЕРЫ «ЯДРА» ИБОР ПО ЛЕГИТИМИЗАЦИИ И ЮРИДИЧЕСКОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНИЦИАТИВЫ

В ее нынешнем состоянии ИБОР вынуждена жертвовать либо эффективностью, либо юридической безупречностью. Участники ИБОР, по сути, стоят перед дилеммой: ограничить действие Инициативы своими национальными территориями, нивелировав тем самым ее практическую ценность, либо сложным путем выработки консенсуса добиваться глобального охвата с включением в зону операций Мирового океана и воздушного пространства над ним. Действия партнеров по коалиции свидетельствуют о понимании необходимости и политической воле укреплять ИБОР, наращивая ее договорную базу.

Определенный успех достигнут в деле международного признания ИБОР. Первоначальный замысел ее кураторов в американской администрации, делавших ставку скорее на единомыслие будущих партнеров, нежели на легитимность Инициативы, под давлением обстоятельств подвергся важной модификации. Из узкого клуба «удобных» союзников, в котором, по имеющейся информации, американцы не очень-то хотели видеть даже Францию и Германию, ИБОР постепенно эволюционирует в сторону политического представительного и географически сбалансированного партнерства. С момента своего образования Инициативе удалось расширить ряды с 11 до 15 членов. К ее «ядру» присоединились Канада, Норвегия и Сингапур. Последним ценным приобретением стала Российская Федерация, объявившая о своем участии в Инициативе в мае 2004 г. ИБОР удалось заручиться поддержкой Генерального секретаря ООН К. Аннана, который неоднократно приветствовал усилия коалиции «заполнить пробел в нашей обороне»²⁴.

Крупным достижением стала серия двухсторонних договоров о досмотре морских судов, заключенных Соединенными Штатами с правительствами стран – крупнейших мировых судовых регистров. В частности, США подписали подобные соглашения, подразумевающие согласие на досмотр подозрительных судов третьими странами, с Либерией, Панамой, Маршалловыми островами, Хорватией и Кипром²⁵.

Важная работа ведется Великобританией по внесению изменений в Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, с целью всемирно признать преступлением транспортировку ОМУ, систем его доставки и соответствующих материалов коммерческими перевозчиками²⁶. Не исключаются и другие варианты вроде подкрепляющей резолюции СБ ООН, а также отказа в доступе к пользованию аэро- и морскими портами транспортным компаниям, уличенным в перемещении ОМУ.

ИБОР В ДЕЙСТВИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Объективная оценка результативности ИБОР и тем более оправданности перехватов – задача не из легких. Главным препятствием в этом является плотная завеса секретности, окружающая операции по перехвату. Страны «ядра» не скрывают, что большинство задержаний грузов ОМУ в пути следования будут и должны осуществляться секретно²⁷. Свою позицию они аргументируют тем, что конфиденциальность операций позволит минимизировать противоречия и расширить поле для маневра, позволив избежать давления общественного мнения. Коалиция также утверждает, что обнародование оперативной информации будет играть на руку распространителям, повышая их шансы избежать поимки.

Так, на брифинге для средств массовой информации в июне 2005 г. Госдепартамент США представил лишь самые общие сведения о ходе реализации ИБОР. Согласно данным американского внешнеполитического ведомства, за последнее время в рамках ИБОР было перехвачено 11 партий грузов. «В двух случаях речь идет о грузах, направлявшихся в Северную Корею. В остальных случаях перехваченные грузы направлялись в другие страны, вызывающие обеспокоенность в связи с распространением, в том чис-

ле – в Иран», – уточнил официальный представитель Госдепартамента Р. Баучер²⁸. Все перехваты были произведены в отношении морских судов в открытом море либо в зонах национальной юрисдикции государств, не входящих в ИБОР. Это лишний раз свидетельствует о важности морского вектора ИБОР и прямой зависимости ее эффективности от зоны покрытия.

Редким исключением из общего правила секретности стал многократно разрекламированный перехват в Суэцком канале немецкого судна «Би-Би-Си Чайна», следовавшего в Ливию с урановыми центрифугами на борту. Обозначенное как «б/у запчасти» оборудование предположительно предназначалось для ядерного проекта полковника Каддафи. Успех операции позволил, как утверждается самими участниками ИБОР, не только демонтировать ливийскую военную ядерную программу, но и дезинтегрировать устойчивую разветвленную сеть торговцев ядерными секретами и оборудованием, функционировавшую с конца 80-х гг. прошлого века под руководством пакистанского физика-ядерщика А.К. Хана.

Те немногие из задержаний, что были обнародованы, выглядят не столь убедительными. Все они связаны исключительно с Северной Кореей, район перехвата не во всех случаях четко обозначен, а конечное предназначение груза вызывает вопросы в связи с его возможным двойным применением. Так, например, по просьбе США тайваньские власти в августе 2003 г. задержали северокорейское судно, перевозившее пентафлуорид фосфора. Американцы считали его компонентом химического оружия, независимые эксперты указывают на двойной характер химиката, широко используемого как инсектицид или присадка к моторному маслу.

Большое значение придается выработке единых подходов к осуществлению перехвата, достижению должного уровня совместимости и взаимодействия между силовыми структурами стран «ядра» ИБОР. За прошедшие два года в рамках ИБОР в Европе, Азии и Америке прошло 16 успешных учений с участием различных стран. В ближайшее время мероприятия по этой линии проведут Сингапур, Норвегия и Великобритания²⁹. Всего до конца 2006 г. планируется провести еще 12 учений.

ИБОР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Присоединение Российской Федерации к «ядру» ИБОР обусловлено несколькими факторами. *Во-первых*, координация международных усилий и наращивание международно-правовой базы для борьбы с распространением всегда были и остаются в числе российских внешнеполитических приоритетов. Только за последнее время Россия выступила инициатором Резолюции 1540 Совета Безопасности ООН, призвавшей распространение ОМУ угрозой международному миру и безопасности, соавтором Плана действий «Группы восьми» в области нераспространения, спонсором принятой недавно Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. Выступая на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Президент Российской Федерации обозначил распространение ОМУ как серьезный вызов современности, акцентировав внимание на его наиболее опасной форме – «попадании в руки террористов».

Во-вторых, хотя в России продолжают ориентироваться на традиционные нераспространенческие механизмы и в первую очередь ДНЯО в качестве краеугольного камня в борьбе с угрозой ОМУ, дипломатия, сохраняя неоспоримый приоритет, уже не воспринимается в качестве единственного и достаточного инструмента противодействия вызовам нового времени. Модификация российской политики безопасности является закономерной реакцией на возникающие угрозы, прежде всего по периметру государственной границы. Мощным раздражителем служит отсутствие какой-либо политики нераспространения ОМУ в ряде близлежащих государств. В некоторых из них проблема усугубляется неподконтрольностью отдельных частей страны центральным властям³⁰. Заявление министра внутренних дел Франции о том, что в Панкисском ущелье Грузии террористы разрабатывают химическое оружие, – лишь один из тревожных сигналов, свидетельствующих о том, что агрессивные игроки в поисках ОМУ, на фоне не справляющихся со своей задачей международных механизмов экспортного контроля и бездействия ряда государств, способны серьезно осложнить стратегическую обстановку в ми-

ре и нанести ущерб национальной безопасности России. В этой связи официально заявлено о возможности проведения превентивных силовых акций, в том числе за рубежом, направленных против неминуемой террористической угрозы безопасности России, к которой, безусловно, относится разработка или обладание ОМУ террористами. Условия, при которых вариант превентивного воздействия реален, четко обозначены: стопроцентная уверенность в наличии угрозы в определенном месте в определенное время и ее прямой характер. Особо подчеркивается разовость подобных мероприятий.

Россия также проявляет интерес к включению борьбы с распространением в конкретные формы многостороннего сотрудничества. Примером успешного многостороннего взаимодействия с российским участием можно назвать совместное патрулирование акватории Черного моря – «Блэксифор».

Учитывая вышеизложенное, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что принципы ИБОР, как они официально заявляются, коррелируют с российской линией в сфере нераспространения. То обстоятельство, что практическое применение Инициативы может напрямую затрагивать российские интересы при осуществлении международного сотрудничества в области высоких технологий, служит еще одним дополнительным объяснением нашего участия в «ядре» ИБОР. Таким образом, российская сторона получает возможность вносить свой вклад в реализацию ИБОР с учетом требования совместимости действий с нормами международного права, соответствия национальному законодательству и общности нераспространенческих интересов, а также оказывать непосредственное влияние на развитие Инициативы, напрямую доносить до партнеров по «ядру» свои озабоченности.

Вместе с тем, на взгляд авторов, поддержка ИБОР Россией должна быть напрямую увязана с прогрессом в следующих вопросах:

- ❑ ИБОР должна рассматриваться как дополнение, а не противопоставление уже существующим механизмам в области нераспространения.
- ❑ Необходимо расширить зону покрытия ИБОР, в том числе на районы открытого моря и воздушное пространство над ними. Однако решение этой задачи должно происходить с соблюдением действующего международного права, его трансформации на договорной основе, а также равенства и недискриминации государств.
- ❑ Любые операции по перехвату и конфискации подозрительных грузов должны получать санкцию авторитетного международного органа, например, СБ ООН или МАГАТЭ, а их проведение осуществляться в присутствии представителей международных организаций.
- ❑ Необходимо установить список запрещенных или ограниченных к транспортировке и передаче компонентов и технологий, которые могут быть использованы при создании ОМУ. При этом действие этого списка должно распространяться на все государства, а не только на страны, вызывающие беспокойство у одного или нескольких участников ИБОР.

Примечания

¹ В российских источниках за Инициативой закрепилась аббревиатура ИБОР, предложенная Министерством иностранных дел Российской Федерации. Американцы используют в своих официальных документах аббревиатуру PSI (ИЗР) – Инициатива по защите от распространения.

² Bush George. Remarks by the President to the People of Poland. 2003, May 31.

³ <http://www.nato.int/docu/other/ru/2005/050621/nato-terroratsea-apr-rus.pdf>

⁴ Нанн Сэм. Как избежать Апокалипсиса. *Ядерный Контроль*. 2001, №4, июль-август. С. 42.

⁵ Подробнее см. Резолюцию СБ ООН 1540 от 28 апреля 2004 г., совместное заявление лидеров стран «Большой восьмерки» в Глениглсе, Шотландия от 8 июля 2005 г.

⁶ Smith Marlene. IAEA Probes Nuclear Black Market. *Voice of America*. 2004, September 7. http://www.gcsp.ch/e/about/News/Press-articles/Chubin-VOA_Sept04.htm

- ⁷ Proliferation Security Initiative: Statement of Interdiction Principles, Fact Sheet, The White House, Office of the Press Secretary, Washington. 2003, September 4. <http://www.state.gov/t/np/rls/other/34726pf.htm>
- ⁸ Лавров С., Райс К. Россия и Америка против ядерного терроризма. *Известия*. 2005, 5 июля.
- ⁹ ИБОР: Заявление председателя первого заседания. Первое заседание ИБОР, Мадрид, Испания. 2003, 12 июня.
- ¹⁰ «Ось зла» – понятие надуманное. Интервью первого заместителя министра иностранных дел Российской Федерации В.Трубникова. *Время Новостей*. 2004, 23 марта.
- ¹¹ Proliferation Security Initiative: Statement of Interdiction Principles, Fact Sheet, The White House, Office of the Press Secretary, Washington. 2003, September 4. <http://www.state.gov/t/np/rls/other/34726pf.htm>
- ¹² Weiner Rebecca. Proliferation Security Initiative Ito Stem Flow of WMD Materiel, Center for Non-proliferation Studies, 2003, July 16. <http://www.cns.miis.edu/pubs/week/03071.htm>
- ¹³ Esper Mark, Allen Charles. U.S. Department of Defense. The PSI: Taking Action Against WMD Proliferation. *Monitor*. CITS, The University of Georgia. 2004, Spring, Vol.10, No.1. <http://www.uga.edu/cits>
- ¹⁴ Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. Департамент общественной информации ООН, Нью-Йорк, США.
- ¹⁵ Proliferation Security Initiative: Statement of Interdiction Principles, Fact Sheet, The White House, Office of the Press Secretary, Washington. 2003, September 4. <http://www.state.gov/t/np/rls/other/34726pf.htm>
- ¹⁶ The Proliferation Security Initiative: Naval Interception Bush-Style. *Arms Control & Disarmament*. 2003, August 25.
- ¹⁷ Proliferation Security Initiative: Frequently Asked Questions (FAQ), US State Department, <http://www.ransac.org/Projects%20and%20Publications/News/Nuclear%20News/17200512559PM.html#1H>
- ¹⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Действующее международное право. Документы в 2-х т. Том 2. Сост. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. Учебное пособие. М.: Международные отношения, 2002.
- ¹⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Там же.
- ²⁰ Esper Mark, Allen Charles. U.S. Department of Defense, The PSI: Taking Action Against WMD Proliferation. *Monitor*. CITS, The University of Georgia. 2004, Spring, Vol.10, No.1. <http://www.uga.edu/cits>
- ²¹ Beck Michael. The Promise and Limits of the PSI. *Monitor*. CITS, The University of Georgia. 2004, Spring, Vol.10, No.1. <http://www.uga.edu/cits>
- ²² Proliferation Security Initiative: Statement of Interdiction Principles, Fact Sheet, The White House, Office of the Press Secretary, Washington. 2003, September 4. <http://www.state.gov/t/np/rls/other/34726pf.htm>
- ²³ Senior U.S. envoy names North Korea, Iran and Syria as “states of proliferation concern”. *Associated Press*. <http://www.whptv.com>
- ²⁴ Kofi Annan, The UN Secretary-General. Keynote address to the Closing Plenary of the International Summit on Democracy, Terrorism and Security. Madrid, Spain. 2005, March 10. <http://www.english.safe-democracy.org/keynotes/a-global-strategy-for-fighting-terrorism.html>
- ²⁵ США и Кипр подписали двустороннее соглашение о нераспространении ядерных материалов. *Росбизнесконсалтинг*. 2005, 26 июля.
- ²⁶ Persbo Andreas, Davis Ian. Sailing Into Uncharted Waters? The Proliferation Security Initiative and the Law of the Sea, Executive Summary and Key Conclusions, Basic Research Report. 2004. <http://www.basinct.org/pubs/Research/04PSI.htm>
- ²⁷ Bolton John. Remarks to the Conference of the Institute for Foreign Policy Analysis and the Fletcher School's International Security Studies Program. Washington. 2003, December 2. <http://www.usembassy-australia.state.gov/hyper/2003/1202/epf203.htm>
- ²⁸ США провели 11 операций в рамках ИБОР за 9 месяцев. *IranAtom.Ru*. 2003–2005.
- ²⁹ Лавров С., Райс К. Россия и Америка против ядерного терроризма. *Известия*. 2005, 5 июля.
- ³⁰ Выступление министра обороны Российской Федерации С.Б.Иванова на заседании Комиссии по экспортному контролю Российской Федерации. 2005, 29 июля. www.mil.ru

Едва ли у кого-то в последнее время вызывает сомнения тот факт, что современное мировое развитие во многом определяется так называемой «глобализацией».

Обычно под глобализацией понимают высшую на данный момент фазу интернационализации (международной интеграции) экономики, политики и культуры. В основе более развернутых дефиниций, как правило, лежат оптимистичные «представления об объединяющейся и интегрирующейся земной цивилизации, охватывающей в своей экспансии все земное и околоземное пространство и преодолевающей различного рода границы, будь то границы культур, государств, социальных неравенств, а также расстояния в чисто физическом смысле»¹.

На практике эта идеализация современного этапа развития социума имеет весьма прагматичное основание. Реальная модель мироустройства эпохи глобализации определяется отнюдь не альтруистическим стремлением передовых умов способствовать культурному росту человечества. Она основана на общности в процессе развития экономических интересов развитых стран (в первую очередь, конечно, стран Запада) и понимании параллельно растущей взаимной уязвимости. Ее манифестом можно считать принципы дерегулирования, либерализации и приватизации экономики, впервые сформулированные в так называемом «Вашингтонском консенсусе»².

Одновременность усиления общности экономических интересов и роста уязвимости определяется простейшей связкой: больше возможностей – сложнее система, сложнее система – выше ее уязвимость. Рост экономических возможностей и совпадение политических интересов развитых стран определяют их сотрудничество и кооперацию и исключают крупномасштабные военные конфликты между ними. Однако те же общие интересы требуют, помимо всего прочего, надежного обеспечения безопасности каждого члена «клуба» и возможности совместного решения острых мировых проблем, в том числе с применением силы. Эту задачу пока выполняют различные союзы этих стран, в которых решения принимаются по принципу консенсуса. Однако в новых условиях, о которых ниже, собственно, и будет идти речь, адекватность такой системы защиты резко снижается.

Эти тенденции развиваются на фоне продолжающегося расширения спектра угроз. Разрушение в результате боевых или иных деструктивных действий атомных электростанций, химических предприятий, высоконапорных плотин и других критических объектов может привести к региональным и даже глобальным катастрофам, чреватых колоссальными людскими и материальными потерями, грозящими самому существованию этих стран. Причем произойти это может на территории другой страны, к собственно конфликту отношения не имеющей. То есть возникает необходимость мониторинга военной опасности не только своей, но и других, не всегда соседних территорий, и не всегда доверяясь информации партнера, что также отрицательно сказывается на прочности коалиций и военных союзов.

Соответственно, такие тенденции с очевидностью вызывают необходимость выработки наднациональных структур управления как экономическими, так и социальными процессами и, соответственно, ослабления государственных рычагов, а следовательно, дерегулирования и либерализации экономики и выхода системы управления за государственные рамки.

Разумеется, при таком подходе далеко не все участники процесса оказываются в равноправном положении. Как и в любом крупном мероприятии, глобализация в первую очередь выгодна тем, кто занимает более сильные конкурентные позиции в мировой экономике и благодаря этому способен защитить и продвинуть свои интересы. Для них этот процесс означает продвижение вперед, расширение рынков труда и сбыта, приобретение новых сфер влияния и контроля. Основные же издержки неизбежно ложатся на «отстающих и догоняющих». Разумеется, все не так однозначно³, и вместе с тем приходится признать, что глобальное развитие не место для альтруизма, и лидерство здесь завоевывается не только умом, но и силой.

Находящиеся сейчас на пике своего могущества США провозглашают подобные истины совершенно открыто. Так, в 1999 г. одна влиятельная американская газета опубликовала следующее высказывание некоего высокопоставленного чиновника:

«Если Америка хочет, чтобы функционировал глобализм, она не должна стесняться вести себя на мировой арене в качестве всемогущей сверхдержавы, каковой она на самом деле и является. Невидимая рука рынка никогда не действует без невидимого кулака. «Макдональдс» не может расцвести без «Макдональд-Дуглас», производителя F-16. И невидимый кулак, который поддерживает безопасность технологий Силиконовой долины, называется армия, флот и ВВС США»⁴.

Вот чего боятся и чем пугают противники глобализации. Но так ли это, действительно ли такая перспектива глобальной подчиненности сверхдержаве неизбежна? Хотя теоретически одно государство может подчинить себе планету и взять на себя роль мирового правительства, но маловероятно, чтобы эту гегемонию удалось удержать долго.

В ЧЕМ ЖЕ ОБЪЕКТИВНАЯ СУТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СЕГОДНЯ?

Разумеется, в той или иной форме скачки экономического развития не раз приводили к значительным изменениям общественных отношений. Однако, и это принципиально важно, они не ставили под сомнение основные постулаты территориальности и государственности экономики и экономических связей, в том числе отношения субъекта и объекта управления.

Отметим сразу, что сама глобализация, которую следует рассматривать как непрерывный процесс географического расширения материального производства и, соответственно, изменения производственных отношений, не есть явление новое и оригинальное, свойственное только рубежу третьего тысячелетия. Великие империи древности, объединяя огромные территории под единое управление, обеспечивали в меру возможности первые шаги глобализации. Эпоха Великих открытий включила в сферу глобальных интересов Америку и Юго-Восточную Азию, Африку и Австралию. По сути, начальным шагом глобализации следует считать первое разделение труда: разделив примитивные виды производства, каковыми, конечно же, были охота, как форма скотоводства, и собирательство, как форма земледелия, оно автоматически создало необходимость их объединения на другом уровне.

Однако все это требовало не свободы предпринимательства в мировом масштабе, а, напротив, жесткой централизации власти и усиления роли государства в экономике. Возможность и потребность в дерегулировании (государственном) и либерализации экономики в их современном представлении обеспечили появление другой, не географической основы интеграции. Таковой на нынешнем этапе выступают формирующееся единое общемировое информационное пространство и создающие его глобальные системы информатизации и телекоммуникации. Именно в силу их достаточной развитости такой параметр управления, как удаленность объекта от субъекта управления, становится фик-

тивным. Появление возможности организации производства на принципиально новом уровне информационного обмена делает возможным обеспечение управления производством в реальном времени вне зависимости от того, в каких странах и на каких континентах оно расположено. Как следствие, отпадает необходимость государственной поддержки такого «распределенного» бизнеса и обеспечения со стороны конкретного государства безопасности интернационального производителя товаров или услуг.

Собственно система информационного обмена всегда была основой системы управления (экономического или политического). Другое дело, что до последнего времени ее развитие существенно отставало от развития объектов управления, в силу чего субъект управления должен был находиться в непосредственной близости от управляемого объекта. Мастер должен был находиться в цехе, а полководец – на поле боя. Известно, к чему приводили попытки феодалов управлять своим поместьем из-за границы. Процесс деколонизации показал, что и империи не могли обеспечить производство, разделенное океаном.

По сути, экономический фактор в современном мире все более приобретает информационный характер. В его основе коммуникативные отношения субъекта и объекта управления, позволяющие обходиться без непосредственного контакта первого со вторым. Нынешние отношения субъекта и объекта управления во всех сферах производства, распределения и особенно финансов переводятся в информационную форму на базе глобальных и локальных информационных сетей и информационно-телекоммуникационных средств, виртуализируя управляющие воздействия и обратные связи. Открытые или кодированные указания и отчеты, платежные поручения и расходные ордера, скрепленные электронными подписями, передаваемые и получаемые по электронным каналам связи (вообще говоря, не важно от кого персонально и не важно откуда географически), – вот вся распорядительно-отчетная, а подчас и финансовая документация. Поэтому при нынешних обысках важнее не папки с бумагами, не бухгалтерские книги и не сейфы, а компьютеры и электронные базы данных.

Соответственно, различия стран в уровне освоения информационных ресурсов и неравенство доступа к необходимой информации приводят в конечном итоге к различиям в масштабах экономического, политического и иного влияния на мировой арене. И если в прошлом этот параметр не был столь уж принципиальным, то теперь именно он стал определять место на стартовой позиции в новой глобальной экономической гонке.

Не происходило никакой информационной революции. Просто в конце прошедшего века развитие информационно-телекоммуникационных средств привело к тому, что скорость передачи и обработки информации в управляющих системах (а следовательно, и в социальных) возросла настолько, что информационные пространства отдельных государственных и экономических структур слились воедино в силу их равнодоступности из любой точки мира. Именно единое информационное пространство позволило обеспечить согласованную работу производственных систем в любой точке Земли в реальном времени, практически сведя на нет географический фактор в системах управления. Оно же обеспечило и создание единого финансового пространства, которое, по сути, в настоящее время и существует только в информационном пространстве.

Именно тут мы и подходим к пониманию того, что суть современного этапа глобализации – развитие средств связи и информатизации до уровня, позволяющего синхронизировать экономические и производственные процессы в различных частях мира и осуществлять управление ими как единым процессом в режиме реального времени. Постепенно создается ситуация, когда уже не имеет значения место нахождения организатора производства, а кстати, и командира войскового соединения, не обязанного по своей роли идти «в щепи наступающих». Соответственно, такое положение позволило не просто перевести банки на «электронные деньги», но вообще виртуализировать финансовые потоки и создать единое финансовое пространство, также не связанное с конкретным местом на планете, так же как и с конкретным государством. Именно поэтому транснациональные корпорации (ТНК) смогли появиться только после появления надежных технических средств связи. Почта могла связать производства в разных странах, но не могла обеспечить их синхронизацию, т.е. связать в единый согласованный комплекс.

Именно это *качественное* изменение (управление в режиме реального времени и виртуальном пространстве) и позволило говорить о глобализации как явлении. И оно же, это изменение, поставило новые задачи для осмысления: кто же теперь становится реальным субъектом мировой политики. Национальное государство и национальный суверенитет требуют переосмысления, поскольку в формируемых условиях информационного общества роль государств (в смысле поствестфальского миропорядка, когда субъектами международного права выступали государства-нации) если не у mažается, то существенно трансформируется. В самом деле, как делать гамбургеры в «Макдональдсе» или пиццу в «Пиццахате», решают «нигде», просто решают и все. Исчезает само понятие государственной или территориальной принадлежности производства. Космополитизм для многих занятых в транснациональном производстве становится естественным состоянием. Производство и финансы не нуждаются в поддержке государства в его современном понимании. Мало того, государственные рамки во многом ограничивают их развитие.

Так что либерализация и дерегулирование экономики не есть гениальное открытие «Вашингтонского консенсуса». Эта возможность связана лишь с естественным этапом развития общества и технического прогресса. Авторы же упомянутого соглашения лишь попытались в очередной раз «подмять» объективный процесс под свои интересы.

Таким образом, информатизация привела к тому, что государственные границы и расстояния уже не играют прежней роли, и на первый план выступают транснациональные структуры и организации. Но – и это наиболее тревожно – те же рассуждения верны для процессов в военной и криминальной (включая террористическую) сферах. А это опять-таки подстегивает информатизацию, ставя перед ней новые цели, и, транзитивно, опять-таки подстегивает разработчиков вооружений, преступность и терроризм, предоставляя им новые средства и объекты воздействия.

Подстегиваемая интересами как национального развития и безопасности, так и ТНК, информатизация выступает не только сутью, но и основным двигателем глобализации. Она же определяет степень вовлеченности в этот процесс, а следовательно, и степень контроля над ним⁵. Таким образом, используя математические термины, можно констатировать, что информатизация является необходимым и достаточным условием глобализации на ее нынешнем этапе. Формирующийся феномен виртуализации общественного производства и социальной активности индивидуума – вот то, что определяет настоящий образ глобализации.

С другой стороны, глобализация – процесс непрерывный, ее частные формы конкретно-историчны, а ее частные модели в различные эпохи описать едва ли возможно. На нынешнем этапе формирование информационного общества есть, по сути, не что иное как реализация либеральной модели глобализации, основанная, в конечном итоге, на рыночных отношениях и абсолютизации прав субъектов, приводящей, как это всегда и было, к праву сильного. Что же получается?

Не меняются ни социальная основа современного общества, ни общественные отношения. Соответственно, все противоречия, свойственные ему, остаются в информационно-трансформированном виде в информационно-глобалистском социуме и всех его новых метасударственных образованиях. Это подразумевает сохранение не только противоречий, близких по форме индустриальному обществу (государство–государство, производитель–государство, субъект–государство, общество–государство и т.д. – вплоть до субъект–субъект), но и методов их разрешения. Нет никаких оснований говорить, что в информационных метасударствах не сохранится подавление информационного субъекта, не вписывающегося в их доминантную парадигму социальной активности, и так далее, кончая войнами в информационном пространстве между метасударствами и, как ни парадоксально это может звучать, информационным империализмом отдельных субъектов информационного мира.

Попытка осмыслить высказанное приводит к почти фантастическим картинам, реальность которых все более и более просматривается уже сейчас.

Информационное общество как оформление глобализации меняет понятие и функции государства и приводит к естественному прекращению существования такого явления, как государство-нация. Функции регулирования экономики уходят в виртуальное пространство, в котором полностью доминируют ТНК. Потребность в едином языке общения в глобальных информационных сетях уже сейчас оказывает огромное влияние на социокультурные и национальные черты народов, вовлеченных в процессы глобализации.

Для многих людей производственные отношения уже сейчас имеют форму общения с компьютером. Целый ряд учебных заведений перешли на распределенную систему подготовки, когда профессор почти не видит студента, не нуждается даже в знании его имени, общаясь по фиксированным интернет-адресам. Студенты неделями, а то и месяцами не бывают в аудиториях, все вопросы решая через стоящий дома (возможно, в другом городе, другой стране и даже на другом континенте) компьютер. Даже в бытовом общении все большее место занимают интернет-контакты (электронная почта, интернет-магазины, интернет-услуги и т.п.). Недаром столь серьезно обсуждался вопрос о целесообразности нового открытия Александрийской библиотеки, по сути ставшей самым большим в мире интернет-кафе.

ЧТО ДАЛЕЕ?

Уже сейчас во «всемирной паутине» существуют не только программы-агенты, исполняющие «волю» человека, но и совершенно самостоятельные, не связанные ни с какими физическими лицами, кроме как по факту прарождения (последующие размножения происходят самостоятельно) программы. Пока они примитивны, эти сетевые черви и им подобные программные комплексы. Образно говоря, этот мир пока находится на уровне перехода от простейших к многоклеточным. Однако и физические, как, впрочем, и юридические лица представлены в глобальных сетях не самостоятельно, а своими виртуальными образами. Соответственно, и общаются они также с виртуальными образами адресата. Идет процесс виртуализации межличностных контактов. На чатах интернет-форумов идут бурные дебаты между неизвестно кем (а для большинства участников и неинтересно).

Тем самым формируется пространство, мир, в котором действуют виртуальные люди, занятые в виртуальном производстве, поддерживаемом виртуальными деньгами, обмениваются виртуальной информацией, распределяют виртуальную продукцию, производя виртуальные криминальные действия. В этом мире создается система производственных и общественных отношений, формируется режим разграничения доступа, секретность, контроль проникновения (аналог заборов и крепостных стен в мире реальном) и еще очень много атрибутов, разработанных в период формирования государства.

Такая деформация отношений уже находит свое отражение в некоторых ныне действующих положениях международного права. Принятая более чем сорока государствами (все страны Евросоюза, США, Япония, ЮАР и некоторые другие) и вступившая в силу в июле 2004 г. так называемая Европейская Киберконвенция⁶ в одном из своих положений явно демонстрирует наднациональность современного мироустройства. Так, статья 32 предусматривает возможность трансграничного доступа без уведомления (а тем более без получения разрешения) к любым открытым, а при необходимости (проведение следственных действий) и закрытым⁷ электронным информационным массивам и базам данных вне зависимости от государственной принадлежности их владельцев и физического расположения их самих.

На самом деле к такому подходу международное право «выруливает» и по другим «новым вызовам». Так что, вероятно, это все-таки объективная тенденция: новые вызовы, а к ним, безусловно, относится угроза информационной безопасности, направлены против человечества в целом⁸, соответственно и меры борьбы с ними не могут ограничиваться национальными рамками. Это уже стало ясно в отношении мер противодействия терроризму. Так, достигнуто общее понимание того, что любые виды терроризма представляют опасность для всего человечества и требуют объединения адекватных усилий для борьбы с ним.

В резолюциях 1368 и 1373 Совета Безопасности ООН, принятых после событий в США 11 сентября 2001 г., было подтверждено право на самооборону против любого агрессора и тем самым косвенно признано, что в определенных ситуациях допустимо более широкое, чем ранее, толкование понятия вооруженного нападения, предполагающее включение в него в некоторых случаях действий негосударственных и даже в правовом смысле не оформленных образований⁹. Это, кстати, еще ранее было заложено в Вашингтонском договоре о создании НАТО.

Кроме того, проведение операций по освобождению заложников и иное ограниченное применение вооруженной силы против террористов на иностранной территории, не являющееся самообороной, в какой-то степени уже считается допустимым, хотя пока и в основном на словах ограничивается рядом условий, снижающих возможность злоупотреблений. Как минимум, в ответ лишь на вероятность совершения террористических актов должно быть исключено применение вооруженной силы превентивного характера без санкции Совета Безопасности ООН. Однако достаточно ясно, что такое ограничение весьма условно, и ряд громких заявлений последнего времени – тому подтверждение.

В качестве другого шага такого рода, правда, пока только в масштабах Европы, можно рассматривать «единый ордер на арест»: преступник в одной европейской стране рассматривается преступником во всем регионе, уже, заметим, почти уничтожившем государственные границы для своих граждан.

Так что новое международно-правовое сознание, предусматривающее единые интересы и определяющее единые угрозы для всего человечества, вне зависимости от границ и государств, уже закладывается. Этому сознанию тесно в границах государства-нации. И тесно в первую очередь по причинам вышеизложенным и имеющим информационную базу.

ВЫГОДНО ЛИ АМЕРИКЕ ТО, ЧТО ВЫГОДНО «ДЖЕНЕРАЛ МОТОРС»?

Как всегда, существует и оборотная сторона медали. На практике переход к «информационному обществу» приводит не только к экономическому росту, созданию общемировых производств и повышению средств противодействия «новым вызовам», но и к расширению возможности использования методов экономического и военного информационного противоборства и средств информационной войны в экономической и политической сфере, причем не только с международным терроризмом и транснациональной преступностью.

Как выше отмечено, создается новая система «метегосударственности» с виртуальным противостоянием и, не исключено, в ближайшее время – виртуальными войнами. Еще в середине 2000 г. на конференции в Вашингтоне по проблемам защиты от кибертеррористов Ричард Кларк, координирующий внутреннюю безопасность и защиту от террористов аппарата главы американского государства, прямо признал¹⁰, что, по его мнению, «электронный Перл-Харбор – это не теория. Это реальность».

Однако виртуальный мир формирует систему производства и распределения вполне реальных продуктов в мире физическом, где живут, действуют и потребляют реальные люди. Виртуальными котлетами сыт не будешь! Но от виртуального криминала умирают люди в реальном мире.

Постепенно и экономика, и общество становятся зависимыми от стабильности информационных потоков в той же мере, что и от материальных поставок. При этом нормальное функционирование ряда сфер производства и финансов целиком определяется возможностями и своевременностью получения доступа к информационным ресурсам. Более того, процессы развития «денежной экономики» превращают зависимость финансового сектора от информационных и обслуживающих технологий практически в абсолютную. Не говоря уже о самих системах связи! Пусть сомневающийся представит себе ситуацию, которая может создаться при простейшем рассогласовании систем синхронизации времени¹¹, а они тоже не являются абсолютно надежными и неуязвимыми.

И вот в этом контексте следует говорить о подлинной «революции в военном деле». Изменение структуры субъектов международного права, изменение роли государства ставят существенно более важный вопрос: а что такое вообще война в рамках современной глобализации? Для кого будет производить вооружения корпорация, расположенная в двух десятках стран, против каких объектов в случае конфликта между входящими в это число странами будет применено это вооружение? То, что теперь выгодно для «Дженерал моторс», выгодно ли для Америки? И совместимы ли вообще понятие «суверенитет» и мировое производство?

Сразу встает следующий вопрос: если оружие нужно, то какое и для каких целей? С достаточной уверенностью можно сказать, что роль традиционного ОМУ в глобальном мире резко меняется, и проблема его неприменения должна рассматриваться куда как серьезнее и с совершенно других позиций. По сути, его отсутствие с точки зрения подключения к глобализационным процессам является более сдерживающим фактором, нежели его наличие. Информационно-технический прогресс обеспечил условия для ускоренного совершенствования и создания принципиально новых образцов вооружения и военной техники на основе широкого внедрения информационных технологий. Развиваются и видоизменяются и привычные виды вооружения. Основными особенностями их нового поколения становится кардинальное увеличение точности, дальности и мощности действия именно за счет их информатизации, которую часто называют «разумностью». Огромное внимание уделяется расширению возможностей разведки, систем сбора и обработки информации и, как следствие, сокращению времени принятия оперативных решений. Внедрение сетевых технологий в военном деле предполагает принципиальное изменение военной стратегии и тактики, военного искусства. Привычная цель военного противостояния становится неприемлемой. Конфликт между участниками единого экономического, финансового, информационного пространства не может носить характер межгосударственных войн.

В таких условиях меняется и система угроз безопасности для существующих пока государств: информационное воздействие становится крайне гибким и эффективным методом влияния на потенциального противника¹². И в мирное время, например, в отличие от введения эмбарго на тот или иной вид товаров, а также других экономических санкций, информационная блокада может носить более эффективный и при этом скрытый характер, а соответствующие информационные операции могут быть завуалированы под случайные сбои информационных систем или случайные хакерские проникновения компьютерных хулиганов.

Существенно увеличивается использование информационных средств террористами¹³. Не просто так лидеры «большой восьмерки» на встрече в Эвиане (Франция, 2003 г.) и Си-Айленде (США, 2004 г.) обратили особое внимание на проблему защиты критических информационных инфраструктур. Нарушение информационных составляющих систем управления ядерных объектов, особо опасных химических производств, гидросооружений, транспорта, обороны с обязательностью приведет к техногенным и экономическим катастрофам, поскольку управление всеми важнейшими объектами народного хозяйства, социальной и военной сферы развитых стран основано на широком использовании информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом надо констатировать, что именно развитие информатизации будет определять направление глобализационных процессов. Соответственно, решение вопроса международной информационной безопасности, по сути, определит вопросы обеспечения безопасности глобального общества. Отчасти над этим работала созданная под эгидой Генерального секретаря ООН Группа правительственных экспертов по проблеме международной информационной безопасности. Известно, что политику определяют интересы, а интересы были разными. Группа закончила свою работу без итогового документа, не найдя взаимоприемлемого направления дальнейшего движения.

В итоге вопрос: смогут ли государства, пока они не стали виртуальными, идя по пути многосторонней дипломатии, выйти на те развязки, которые помогут человечеству в своем информационном «филогенетическом развитии» избежать копирования индустриального «онтогенеза», – остался открытым.

Конечно, без диалога стран говорить об укреплении информационной безопасности в мире не приходится. Опыт двухстороннего (Россия–США) обсуждения проблем оружия массового уничтожения и других проблем стратегической стабильности и безопасности только подчеркивает необходимость побороть «робость» в этом вопросе.

Таким образом, именно здесь и сейчас закладывается развилка дорог, по которым может пойти человечество: повторить на информационном уровне пройденный путь – через войны и империализм или, проанализировав прежний опыт, сразу выбрать демократическое развитие. И первым шагом на втором пути должно стать решение проблемы международной информационной безопасности.

Примечания

¹ *Мировая Экономика и Международные Отношения*. 2000, № 7. С. 39.

² Этим термином принято обозначать блок соглашений об условиях предоставления займов третьим странам, заключенный Министерством финансов США, МВФ и ВБ в 1989 г. и до сих пор считающийся не вполне легитимным с точки зрения международного права. См., в частности, *Мировая Экономика и Международные Отношения*. 2001, № 12. С. 50.

³ Экономико-социальная позитивность глобализации в стратегическом плане для стран «третьего мира» достаточно четко показана Ю.Шишковым в статье «Глобализация – враг или союзник развивающихся стран?» *Мировая Экономика и Международные Отношения*. 2003, № 4.

⁴ *New York Times Magazine*. 1999, March 28. (Цит. по: *Мировая Экономика и Международные Отношения*. 2001, № 12. С. 51.)

⁵ В качестве ремарки следует отметить, что следствием этих рассуждений является вывод о том, что «информационное общество» есть не новый этап развития, каковым считают «индустриальное общество», а лишь оформление современного этапа глобализации как процесса, т.е. этапом того же «индустриального общества».

⁶ Подготовленная Советом Европы «Конвенция по противодействию киберпреступности» (Будапештская конвенция) открыта для подписания 21 ноября 2001 г. Вступила в силу в соответствии с заложенными в ней нормами (ратификация 5 подписантами, из которых не менее трех – члены Совета Европы) 1 июля 2004 г. Россия к Конвенции не присоединилась, хотя и заявила в одном из документов, принятых на саммите «Большой восьмерки» в Эвиане (2003 г.), о необходимости учета ее принципов в национальном законодательстве.

⁷ Формально достаточно разрешения *физического лица*, имеющего законные права на доступ к этой информации.

⁸ Отметим, что это также может рассматриваться как показатель снижения роли государства-нации и перехода к рассмотрению человечества как единого целого.

⁹ Едва ли кто-то сможет определить, что представляет собой де-юре международная террористическая организация.

¹⁰ Лента международной информации. *Интерфакс*. 2000, 20 июня.

¹¹ Время, кстати, тоже становится информацией, поскольку передается и получается. Никто (кроме специалистов службы времени, конечно) не додумается проверять, соответствует ли указание на электронных часах фактическому астрономическому времени в данной точке планеты.

¹² Подробнее см., например: Информационные вызовы национальной и международной безопасности. Под общей редакцией А.В. Федорова и В.Н. Цигичко. М., ПИР-Центр, 2001.

¹³ См.: Супертерроризм: новый вызов нового века. Под редакцией А.В. Федорова. М., Права человека, 2002.

Многочисленные публикации об угрозе биологического терроризма в иностранной и российской прессе создали в массах искаженное представление о возможностях террористов. Так, бывший директор ЦРУ Дж. Вулси в 2000 г. позволил себе заявить, что любой школьник-четверочник может произвести биологические агенты, а другой специалист – К. Бейли заявила, что 10 000 долл. США достаточно для производства биологического оружия^{2,3}. Среди причин искажения информации – недостаточность данных для рациональных выводов и заинтересованность различных групп в преувеличении или преуменьшении угрозы. СМИ и научные журналы сами создают благоприятную почву для террористов, описывая способы проведения терактов, наносящие наибольший ущерб, предлагая возможные способы получения патогенов и даже публикуя работы об искусственной модификации организма с целью ослабления иммунитета⁴ или усиления патогенности вирусов⁵.

Угроза биотерроризма, подпитываемая искаженной информацией, становится все более и более реальной из-за созданного вокруг нее ажиотажа и предсказываемых последствий для общества. Возникает настоятельная необходимость объяснить журналистам и ученым, пишущим о биотерроризме, что биотерроризм может перестать быть только плодом воображения, что террористы могут начать действовать по сценариям, описанным в СМИ, и использовать технологии, публикуемые учеными в открытой печати.

Понятно, что запретить публикацию материалов о биологическом оружии и биотерроризме нельзя, так как общество должно знать об этой опасности. Более того, информация о патогенных организмах, их возможном использовании террористами, своевременном определении заболеваний и лечении должна быть более доступна медицинскому персоналу и обществу⁶. Вместе с тем необходимо поднять вопрос о нормах и ограничениях в материалах, касающихся биотерроризма и биологического оружия⁷. Некоторые материалы не представляют никакой общественной и научной ценности кроме попытки искажением информации о биотерроризме привлечь к себе внимание. Некоторые научные статьи, в том числе упомянутая выше – о направленном ослаблении иммунитета, не имеют прямого применения в науке, а лишь показывают злоумышленникам путь для использования биотехнологии в грязных целях.

Цель этой работы – разобрать рациональные основания угрозы биотерроризма и выработать рекомендации для СМИ, научных журналов и экспертного сообщества для избежания гипертрофирования угрозы биотерроризма в дальнейшем.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ УГРОЗЫ БИОТЕРРОРИЗМА

Начиная с 2001 г. все чаще и чаще мы слышим об угрозе биологического терроризма. Террористические акты в США 11 сентября и последовавшая за ними рассылка писем со спорами сибирской язвы в конвертах произвели эффект разорвавшейся бомбы. Американские СМИ, а затем и российские начали писать о возможности крупномасштабного теракта с использованием биологического оружия.

Общий тон зарубежных публикаций не оставлял сомнений в том, что следующий теракт неизбежен. Огромное количество новых «экспертов» в области биологического оружия выдавало оценки количества жертв предполагаемой атаки, анализировало финансовый урон экономике и заявляло о доступности биологических агентов «каждому студенту института».

Российские СМИ подхватили популярную тему и стали перепечатывать американские источники, а иногда и придумывать свои, не менее впечатляющие истории. Между тем чем больше пишут об угрозе биотерроризма, тем сильнее хочется понять, где тут реальность, а где – миф. К сожалению, разобраться в этом сложно – по той причине, что большинство статей в СМИ о биотерроризме основывается на предположениях и умозаключениях, а не на реальных фактах. История биотерроризма содержит слишком мало фактов, чтобы делать прогнозы, а данные о биологическом оружии засекречены, и независимые СМИ и ученые не имеют доступа к ним, в силу чего именно эта область стала объектом искажения информации заинтересованными группами.

Вообще, можно определить несколько групп людей, заинтересованных в искажении информации о биотерроризме. Преувеличение опасности биотерроризма выгодно:

- СМИ;
- фармацевтическим компаниям;
- государственным службам, получающим финансирование на борьбу с биотерроризмом;
- биотехнологии как отрасли – для привлечения финансирования (включая оборонные НИИ).

В преуменьшении опасности биотерроризма заинтересованы:

- государственные службы – с целью уменьшения публичного резонанса;
- биотехнологи – во избежание контроля над их деятельностью.

Так, в США от волны информации об угрозе биотерроризма, начавшейся в 2001 г., выиграли практически все: СМИ получили горячую тему для обсуждения, фармацевтические компании – многомиллионные заказы на производство вакцин, спецслужбы – финансирование на борьбу с потенциальной угрозой и создание подразделений по борьбе с биотерроризмом в новом Министерстве национальной безопасности (Homeland Security). Сама же отрасль биотехнологии получила дополнительный стимул для работы в области биодетекции и анализа генетического материала. В России интерес к биотерроризму выгоден тем же категориям, плюс ведущее место в сфере публикаций о биотерроризме занимают специалисты предприятий, ранее занимавшихся производством БО – биопрепаратов, которые тоже выигрывают от интереса к БО. Ни в коем случае нельзя утверждать, что существует какая-либо форма умышленного пособничества терроризму или умышленного нагнетания страха, – все вышеописанные действия являются либо плодом халатности и некомпетентности так называемых «специалистов по биотерроризму», возникших на волне терактов 2001 г., либо просто способом выживания и привлечения интереса к себе.

С другой стороны, вскоре после затухания общей истерии появились материалы об эфемерности угрозы и многочисленные предсказания урона, который борьба с биотер-

роризмом нанесет биотехнологии^{8,9}. Особенно сильно возможность введения ограничений на экспорт и импорт оборудования, а также возможный более строгий контроль над технологиями и публикациями взволновали ученых, в первую очередь американских¹⁰. Как ни парадоксально это звучит, интересы в преуменьшении опасности наличествуют у тех же самых категорий людей, которые ищут свою выгоду в преувеличении этой опасности. Так, государственные спецслужбы, получившие финансирование на борьбу с биотерроризмом, стараются успокоить массы, а ученые, работающие в биотехнологии над проектами, не связанными с биозащитой, боятся, что начало «охоты на ведьм» приведет к дополнительным ограничениям на их деятельность и экспорт необходимого оборудования.

Резюмируя, можно сказать, что информация о биологическом терроризме основана на небольшом количестве фактов и сильно поляризована из-за интересов различных групп. Как следствие, многие материалы об опасности биотерроризма отражают предвзятую точку зрения и искажают факты в силу приведенных выше причин. Более того, некоторые материалы несут в себе потенциальную угрозу национальной и международной безопасности. Далее мы проанализируем, что известно об угрозе биотерроризма, основываясь на ограниченной информации о биологическом оружии и возможностях современных террористических организаций. Необходимо разобраться и найти рациональное зерно, принципы, на которых держится оценка угрозы биотерроризма, чтобы отделить его от всевозможных попыток навязывания субъективного мнения.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ БИОТЕРРОРИЗМА

Современная история биотерроризма, если брать последние 50 лет, насчитывает лишь несколько случаев применения биологических агентов в террористических целях¹¹. Три упоминаются наиболее часто и заслуживают рассмотрения:

- ❑ 1984 г. – последователи культа Раджниша Ошо пытались сорвать выборы посредством заражения еды палочкой мышинного тифа (*Salmonella typhimurium*). Пострадали 751 человек, летальных исходов не было.
- ❑ 1993 г. – боевики секты Аум Синрикё распылили споры сибирской язвы в Токио. По счастливой случайности штамм бактерии оказался невирулентным, и никто не пострадал.
- ❑ 2001 г. – неизвестный рассылает письма со спорами сибирской язвы в США – более 20 зараженных и пятеро погибших¹².

Может показаться, что эта статистика говорит о том, что многомиллиардные вложения США в биозащиту¹³ и призывы сконцентрировать внимание на безопасности биотехнологических объектов, работающих с микроорганизмами по всему миру, лишь бессмысленная трата денег, – ведь за тот же промежуток времени от террористических атак с использованием обычных вооружений погибли тысячи мирных граждан. Стоит ли вообще поднимать в России эту проблему, если из всех перечисленных случаев ни один не имеет к ней прямого отношения и для большинства ее граждан биологические террористы – лишь персонажи фантастического блокбастера?

ЭВОЛЮЦИЯ БИОТЕХНОЛОГИИ И ЦЕЛЕЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Та же статистика может быть интерпретирована по-другому. Если мы отбросим многочисленные спекуляции о попытках «Аль-Каиды»¹⁴ и чеченских террористов¹⁵ произвести биологические агенты как недостоверные и малореалистичные¹⁶, то увидим, что даже оставшиеся случаи заражения биологическими агентами говорят о серьезности угрозы. Речь идет не только о терроризме, но также о государственных программах по разработке БО в военных целях – как о потенциальном источнике биологического оружия.

Тема безопасности российских объектов, связанных с работой с патогенными микроорганизмами, перестала быть актуальной, так как за годы, прошедшие с момента развала СССР, ни одного случая утечки материалов с этих предприятий зарегистрировано не было. Подобные спекуляции, скорее всего, преследуют политические цели и не имеют под собой почвы. Однако в связи с глобализацией терроризма террористические организации могут получить доступ к патогенам, разрабатываемым в других странах – как государствами, так и частными компаниями.

То есть угроза получения террористами доступа к БО существует, ее нельзя отрицать только на основании того, что до сих пор террористические акты с использованием патогенов привели к гибели намного меньшего числа людей, чем при использовании обычных вооружений¹⁷. С другой стороны, необходимо отдавать себе отчет в том, что искажение и преувеличение угрозы также опасно – тем, что влечет неправильную оценку ситуации и может воспрепятствовать предотвращению терроризма.

Так, утечка спор сибирской язвы в Екатеринбурге в 1979 г. привела к гибели 96 человек и заболеванию 359 человек¹⁸. Подобные последствия вполне могли ожидать и в США в 2001 г., если бы споры были распылены, например, на баскетбольном матче, а не посланы в запечатанных конвертах. Мотив этих действий до сих пор неизвестен, но одной из причин может быть как раз нежелание больших потерь, известное в теории психологии терроризма. Между тем даже эти три письма со спорами вызвали падение рынка акций, а финансовые потери США от паники и падения рынка акций оцениваются в миллиарды долларов¹⁹. По прогнозам консалтинговой компании «Абт Ассошиэйтс», следующий теракт с использованием биологических агентов в зависимости от его масштабов может обойтись США в 40–400 млрд долл.²⁰.

Вообще нельзя оценивать опасность биотерроризма без рассмотрения перспективы развития терроризма и биологической технологии. Так, если раньше возможность использования патогенов в качестве орудия теракта представлялась террористам чем-то недостижимым и фантастичным, то теперь, когда уровень биотехнологии и доступность информации возросли, а СМИ создали страх перед биотерроризмом в массах, как никогда высока привлекательность использования БО для терактов. Ведь именно СМИ описали, как и что нужно распылить для достижения наибольшего эффекта, а для полноты картины еще и опубликовали подробные инструкции, как именно надо производить вирусы в лабораторных условиях!²¹ СМИ сами предложили сценарии акций, по которым они готовы возбудить наибольший резонанс в обществе. Некоторые специалисты утверждают, что террористы «Аль-Каиды» и не думали об использовании «грязной бомбы» с радиоактивными отходами до тех пор, пока не вычитали эту идею в СМИ²².

С другой стороны, сами террористические организации эволюционировали и вышли на новый уровень развития – обычные взрывы на рынках крупным организациям стали менее интересны. Более того, один из ведущих специалистов по «Аль-Каиде», профессор Р. Гунаратна утверждает, что сама «Аль-Каида» уже не представляет угрозы, но ее действия породили множество последователей, для которых теракт перестал быть просто средством достижения цели – для них важен масштаб общественной реакции, место в истории²³.

Для подобных организаций, спонсируемых государствами и частными лицами, объединенных идеологической целью, идея стать первыми, осуществившими приведший к массовому заражению теракт с использованием БО²⁴, может стать очень привлекательной. Вопрос лишь в возможностях.

РАЗВИТИЕ BIOTEХНОЛОГИИ – ИСТОЧНИК БУДУЩЕЙ УГРОЗЫ?

Основными препятствиями, удерживающими террористов от использования биологических агентов в качестве орудия террора, являются сложность получения и производства БО, а также его ненадежность. В последнее время СМИ особенно часто упоминают новую область биотерроризма – генетически измененные, искусственные организмы²⁵. К сожалению или к счастью, но большинство публикуемых материалов о возможностях

использования генной инженерии для производства вирусов-убийц не подкреплено научными результатами и больше похоже на вымысел, чем на реальность. Основной причиной массовых заблуждений, даже среди некоторых специалистов, является непонимание политологами возможностей биотехнологии и непонимание биологами реальных требований политики и законодательства. То есть многочисленные газетные статьи, написанные журналистами, не имеющими отношения к биотехнологиям и безопасности, изобилуют научными неточностями и во многом просто не соответствуют действительности, в то время как статьи, написанные биотехнологами, настолько сконцентрированы на научной стороне, что практически бессмысленны для большинства людей, принимающих законодательные решения²⁶.

Ярким примером могут служить утверждения о том, что «расовое оружие сможет создать каждый», со ссылкой на британскую медицинскую ассоциацию²⁷, а также статья «Чисто биологическое убийство»²⁸, в которой утверждается, что «бионегативное восприятие окружающего мира» объединяет террористов и якобы известно, что «биологическое оружие готовы или планируют использовать [...] различные группы или отдельные личности». До тех пор, пока подобные утверждения будут иметь место в прессе, сложно рассчитывать на адекватное понимание ситуации и гражданами, и законодателями²⁹.

Угрозу использования генетически модифицированных микроорганизмов террористами нельзя сбрасывать со счетов, просто необходимо понимать ее масштаб и временные рамки. Один из ведущих специалистов по изучению применения биотехнологий для производства генетически модифицированных организмов, Дж. Эллис³⁰, считает, что в ближайшие 10–15 лет развитие биотехнологии сделает возможными направленные генетические манипуляции над патогенными организмами с целью увеличения вирулентности или выработки резистентности к существующим вакцинам³¹.

Среди возможных применений биотехнологии для разработки БО наиболее реалистичными являются следующие три³²:

- разработка искусственно модифицированных организмов, устойчивых к вакцинам;
- создание новых патогенов;
- воссоздание вымерших патогенов, например вируса оспы³³.

Между тем очевидно, что как производство термоядерной бомбы потребовало вначале разработки и испытания ядерной, так и в случае биотерроризма применение генетически модифицированных организмов может стать лишь следующим шагом вслед за использованием более доступных природных агентов, таких, как сибирская язва, туляремия или эбола. Таким образом, идеи о создании вирусов, заражающих по расовому признаку, и вирусов-гибридов СПИДа и гриппа – скорее мифические, чем реальные угрозы как минимум в ближайшее десятилетие. Однако небрежность ученых и искажение угрозы биотерроризма благодаря СМИ могут сделать использование патогенных организмов более простой и привлекательной задачей для террористов или государств.

СМИ: ВОЙНА С СОБОЙ. ДОЛЖНЫ ЛИ СМИ КУЛЬТИВИРОВАТЬ УГРОЗУ?

Парадоксальность ситуации в области борьбы с биотерроризмом заключается в том, что большое количество литературы, написанной о биотерроризме, основано всего лишь на трех актах, из которых только один привел к летальным последствиям. Отсутствие официальной информации о биотерроризме, официальных сведений об исследованиях в области БО порождает спекуляции в СМИ, создающие ложное восприятие реальной угрозы биотерроризма.

В борьбе с биотерроризмом ученые и журналисты сами предложили сценарии наибольшего урона и характеристики агентов для каждого сценария³⁴. Более того, ученые опубликовали многочисленные материалы о возможности использования биотехнологии для производства патогенов.

В демократическом обществе невозможно установить тотальный контроль над наукой и СМИ. Нельзя предугадать, как могут быть использованы научные открытия в области генной инженерии, и не исключено, что в будущем эти открытия станут работать против человечества.

Между тем СМИ и ученые должны понимать и чувствовать грань, за которой научный интерес переходит в интерес государственной безопасности, а та или иная научная статья оказывает неверное влияние на принятие политических решений. Следующие рекомендации могут помочь улучшить ситуацию в области общественной информации о биотерроризме:

- Общая культура в СМИ и научных изданиях должна отвечать принципам разумности и научной обоснованности. Государство должно опубликовать и сделать общедоступными требования к материалам, которые могут привести к ослаблению безопасности. В частности, речь идет о предотвращении публикации научных материалов, которые могут быть напрямую использованы для разработки, модификации, производства и использования патогенов в качестве оружия. Примеры подобных публикаций были приведены выше.
- Опыт США и Евросоюза по доступности информации о биологическом оружии и патогенах для общественности и медицинского персонала также может быть использован и в России. Создание централизованной системы информации стало бы важным шагом в борьбе со спекуляциями и искажением информации³⁵. Так, например, американский Центр по контролю заболеваний (CDC) распространяет свой журнал, проводит обучение медицинского персонала и граждан диагностике и устранению последствий возможной биоатаки. Центр также имеет сайт с полной информацией по всем видам заболеваний и рекомендациями о необходимых действиях в чрезвычайных ситуациях. Подобная система позволила бы российским гражданам, медицинским сотрудникам и СМИ получать официальную информацию о возможной угрозе и предотвратила бы ненужные спекуляции, основанные на незнании и страхе.
- Государство также может стимулировать вовлечение ученых и СМИ в диалог о БО и биотерроризме. Первые шаги в этом направлении уже сделаны – конференции по биобезопасности прошли в Москве и Новосибирске. Между тем Россия, являясь одной из мировых сверхдержав, должна не только следовать примеру других, но и сама призвана быть примером – в том числе и в области биобезопасности. Недостаток информации на Западе о российских программах по предотвращению биотерроризма препятствует процессу осуществления международных программ помощи России.

Нельзя рассчитывать на немедленное изменение ситуации в области информации о биологическом оружии и биотерроризме, этот процесс осложняется вышеописанными многочисленными препятствиями, а также недостаточным финансированием. Однако своевременное осознание этой проблемы и незамедлительное принятие мер поможет избежать угрозы биотерроризма в будущем.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность: П. Подвигу (Центр международной безопасности и сотрудничества, Стенфордский университет, США) за рекомендации и рецензирование статьи; профессору Т. Постолю (Центр изучения безопасности Массачусетского технологического института, США) за финансовую поддержку проекта; Е. Маковской (Факультет международных отношений Бостонского университета, США) за дискуссию и комментарии к материалам статьи; Центру по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте за участие в организации международного летнего симпозиума по безопасности.

² Stern Jessica. *The Ultimate Terrorists*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. P. 50.

³ Здесь и далее понятия «биологического оружия» и «патогенных организмов» используются взаимозаменяемо, так как различие между ними не принципиально в данном контексте. Вообще же лишь некоторые патогенные микроорганизмы, наработанные в достаточном количестве, могут стать биологическим оружием. Такими, например, могут стать вирусы оспы или споры сибирской язвы.

⁴ Jackson R.J., Ramsay A.J., Christensen C.D., et al. Expression of mouse interleukin-4 by a recombinant ectromelia virus suppresses cytolytic lymphocyte responses and overcomes genetic resistance to mousepox. *J. Virol.* 2001. P. 1205–1210.

⁵ Volchkov V.E., et al. Recovery of infectious Ebola virus from complementary DNA: RNA editing of the GP gene and viral cytotoxicity. *Science*. 2001. P. 1965–1969.

⁶ Подобная информация распространяется среди медицинского персонала в США, а подробное описание действий в случае использования БО доступно в интернете на сайте специального агентства – Центра по контролю заболеваний (CDC). Аналогичный центр планируется создать в Евросоюзе – <http://www.scanbalt.org/sw920.asp>. В России же подобная информация практически недоступна, а государственные сайты малоинформативны – <http://www.munition.gov.ru/rus/biol.html>

⁷ Здесь и далее фигурирует понятие биологического терроризма в отношении использования патогенных агентов террористическими организациями или индивидуумами. Однако те же аргументы могут быть применены к программам по производству биологического оружия, спонсируемым и поддерживаемым государствами. Такие разработки могут вестись в некоторых развивающихся странах, таких, как Иран.

⁸ Биотерроризм: «Угроза №1, или Бумажный тигр». http://bio.su/press_2004nov_019r.htm

⁹ Бумажный тигр биотерроризма. http://bio.su/press_2004oct_005r.htm

¹⁰ Are Science and Technology Governable? *Scientist*. 2002, April 29, Volume 16, Issue 9.

¹¹ Количество жертв в результате использования (или аварий) биологического оружия государствами см. выше.

¹² Guillemin Jeanne. The Deliberate Release of Anthrax Through the United States Postal System. In: *Public Health Response to Biological and Chemical Weapons: WHO Guidelines*. Julian P. Robinson, ed. Geneva, WHO. P. 98–108.

¹³ Около 6 млрд долл. было выделено DHS на борьбу с биотерроризмом в 2004 г.

¹⁴ Evidence suggests al Qaeda pursuit of biological, chemical weapons. November 14, 2001. <http://archives.cnn.com/2001/WORLD/asiapcf/central/11/14/chemical.bio/>

¹⁵ Миллион долларов за Басаева: российский генерал называет сумму вознаграждения за голову чеченского командира. 1999, 26 октября. <http://www.inopressa.ru/print/archive/1999/10/26/13:07:31/arc:lastampa:russia>

¹⁶ После захвата тренировочных баз «Аль-Каиды» армией США эксперты так и не смогли найти подтверждений наличия программы по производству биологического оружия. Чеченские боевики также не обладают достаточными возможностями для производства БО.

¹⁷ Так, главный санитарный врач РФ Геннадий Онищенко считает угрозу биотерроризма реальной. <http://www.rambler.ru/db/news-new/msg.html?mid=5471050&s=260005085>

¹⁸ Anthrax, Jeanne Guillemin, 10/11/1999.

¹⁹ Cost of anthrax attacks «surges». 2001, October 31. <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/americas/1629872.stm>

²⁰ <http://www.abtassociates.com/>

²¹ Do-It-Yourself: Virus recreated from synthetic DNA. 2002, July 13. <http://www.sciencenews.org/articles/20020713/fob8.asp>

²² Частная переписка со специалистами в области безопасности США.

²³ International Security Forum 6. Montreux, Switzerland. 2004, 6 октября.

²⁴ Первый теракт с посылкой писем со спорами сибирской язвы не полностью подходит под классическое определение террористического акта: террористы до сих пор не заявили ни о требова-

ниях или целях, ни о себе. Да и сам теракт преследовал цель поражения людей, которым были адресованы письма, а не массовое заражение.

²⁵ Расовое биологическое оружие сможет создать каждый. *МедНовости.ру*. 2004, 27 октября.

²⁶ Научные статьи в российской и иностранной прессе фокусируются на научной стороне – проблемах вирусологии или эпидемиологии. Лишь в 2003 г. в Москве прошел симпозиум по биологической безопасности, который свел вместе специалистов в области биологического оружия – <http://bio.su/ru.htm>. Одной из целей докладов было дать рекомендации законодателям по улучшению контроля над нераспространением БО и предотвращению биотерроризма.

²⁷ Расовое биологическое оружие сможет создать каждый. *МедНовости.ру*. 2004, 27 октября.

²⁸ Чисто биологическое убийство. *Независимая Газета*. 2004, 8 сентября.

²⁹ К сожалению, доступ к официальной информации об угрозе биотерроризма в России ограничен, и сложно определить источники, которыми руководствуется правительство для принятия решений по борьбе с биотерроризмом и распространением биологических патогенов и технологий.

³⁰ John Ellis, Senior Fellow. Westpoint Center for Combating Terrorism, New York, USA.

³¹ Terrorism in the Genomic Age. Personal Communication. 2003.

³² Более подробно о международных механизмах контроля биотехнологий в России и на Западе см.: Aleksandr Rabodzey. Biototechnology Control Measures – Focus on Development Stage. Submitted to: International Bioterrorism Conference in Furigen (Nidwalden). Switzerland 22–23, April 2005. «Meeting the Challenges of Bioterrorism: Assessing the Threat and Designing Biodefense Strategies».

³³ Rabodzey Aleksandr. Biosecurity implications of the synthesis of pathogenic viruses. Politics and the life sciences. 2003, September. P. 44–49.

³⁴ Smallpox: An Attack Scenario, Tara O'Toole. <http://www.cdc.gov/ncidod/EID/vol5no4/otoole.htm>

³⁵ Многочисленные западные эксперты и сотрудники ООН отмечают сложность устройства российской системы контроля над БО и закрытость информации.

Этот год был не очень удачным для театральных постановок на Бродвее и за его пределами. Но, несомненно, самым дорогостоящим и провальным спектаклем, поставленным в Нью-Йорке в прошедший сезон, была Конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г. – плохо продуманная смесь фарса и трагедии, сыгранная актерами без вдохновения, при слабой режиссуре и со слишком предсказуемым финалом.

Как исполнитель эпизодических ролей в недавней драме и в качестве ветерана двух предыдущих «блокбастеров» в виде Обзорных конференций ДНЯО, а также шести репетиций в рамках Подготовительных комитетов, в этой статье попробую предстать в образе театрального критика. В связи с тем, что сам сценарий хорошо известен, остановлюсь в основном на двух темах: 1) Почему постановка провалилась? и 2) Каковы последствия этой неудачи?

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Для того чтобы раскрыть вышеупомянутые темы, было бы полезно поместить прошедшую Конференцию по рассмотрению действия ДНЯО в исторический контекст. В этой связи необходимо вспомнить, что из семи Обзорных конференций, проведенных с момента вступления ДНЯО в силу в 1970 г., только три – в 1975, 1985 и 2000 гг. завершились принятием заключительных документов консенсусом. Даже историческая Конференция по рассмотрению действия и продлению ДНЯО 1995 г. не смогла принять согласованное итоговое заявление². Действительно, многие аналитики отмечают, что председатель Конференции 1995 г. Дж. Дханапала сознательно и очень мудро решил сконцентрировать свою энергию и дипломатическое искусство на ведении переговоров по выработке пакета из тесно связанных между собой трех решений и одной резолюции – вместо ведения переговоров по заключительному заявлению. Этот пакет, состоящий из решений о бессрочном продлении ДНЯО, о совершенствовании процесса рассмотрения действия ДНЯО и утверждении набора принципов и целей ядерного нераспространения и разоружения, а также из резолюции по Ближнему Востоку, установил параметры для многих дискуссий, которые в ближайшее десятилетие будут основным предметом обзора ДНЯО. Одним словом, необходимо быть осторожными при применении каких-либо стандартов и критериев для оценки успеха или неуспеха отдельных Обзорных конференций, так как данный результат может не зависеть от наличия или отсутствия согласованного заключительного заявления.

Также было бы полезно вспомнить о том, что, согласно мнению, которое было популярно накануне предыдущих Обзорных конференций, ДНЯО стоял перед лицом серьезных проблем, хотя они были другими, нежели в 2005 г. Накануне Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2000 г., например, было мало надежд на успешное завершение,

частично из-за провала Подготовительного комитета (Препкома) 1998 г. и неспособности Препкома 1999 г. достичь соглашения по любой из субстантивных рекомендаций или принять повестку дня Обзорной конференции. Однако в 2000 г. ощущение серьезной угрозы Договору заставило большинство ключевых делегаций проявить значительную гибкость в своих позициях – как по процедурным, так и по субстантивным вопросам. Вследствие этого в 2000 г., в отличие от 2005 г., стало возможным принять повестку дня в начале конференции и выработать обширный консенсусный итоговый документ, включавший так называемые «13 практических шагов» по реализации статьи VI ДНЯО и Решения 1995 г. о «Принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения».

В 2000 г. существовала сильная обеспокоенность по поводу того, что проблема противоракетной обороны или, точнее говоря, реакция России и Китая на позицию США в отношении Договора о ПРО, может торпедировать Конференцию по рассмотрению действия ДНЯО. Эта обеспокоенность, однако, исчезла, когда во время первой недели проведения Обзорной конференции 2000 г. пять постоянных членов Совета Безопасности ООН сделали совместное заявление, снявшее, по сути дела, спорный вопрос о ПРО с повестки дня Конференции. Напротив, в 2005 г. в начале Обзорной конференции постоянные члены СБ ООН не только оказались не способны выступить с содержательным заявлением, но они также не смогли согласовать какое-либо заявление до самого завершения Конференции.

Наконец, продолжая исторические параллели, отметим, что перед началом Обзорной конференции 2000 г. во многих столицах испытывали огромное беспокойство по поводу того, что огромные возможности пакета решений (и одной резолюции) 1995 г. были упущены. Государства, обладающие ядерным оружием (ЯОГ), и государства, не обладающие ядерным оружием (НЯОГ), продолжали на словах восхвалять основные положения ДНЯО, однако на практике они были очень избирательны при исполнении своих обязательств: ЯОГ делали акцент на горизонтальном распространении, но избегали крупных шагов по ядерному разоружению; НЯОГ громко заявляли о необходимости быстрого ядерного разоружения, но при этом слишком благодушно относились к другим основным вызовам. К счастью, в 2000 г. возникла новая политическая группа – Коалиция за новую повестку дня (КНПД), предложившая концепцию разоружения, которую могли бы принять почти все государства – как ЯОГ, так и НЯОГ, – концепцию, которая помогла достичь консенсуса по Заключительному документу ДНЯО 2000 г.³ В 2005 г. подобной политической группы со сравнимой концепцией не появилось.

ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК?

Большое количество наблюдателей со стороны (включая меня) испытывали большой пессимизм задолго до начала Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г. по поводу перспектив принятия существенного заключительного документа. В рамках встреч для главных действующих лиц, состоявшихся в Нью-Йорке в октябре 2004 г. и в Аннеси (Франция) в марте 2005 г., не многие из высокопоставленных дипломатов были готовы признать, что ДНЯО находится в кризисе. В частности, С. Дуарте, назначенный председателем Конференции, очень возражал против использования термина «кризис» для описания ситуации с ДНЯО. Не многие из представителей государств серьезно отнеслись к предупреждениям некоторых экспертов из неправительственных организаций о том, что процедурные вопросы, такие, как принятие повестки дня или создание вспомогательных органов, могут задержать начало работы Обзорной конференции больше чем на одну неделю. Действительно, на рабочем ужине в Женеве, где присутствовал десяток ключевых представителей стран-участниц Обзорной конференции и который состоялся менее чем за три месяца до начала Конференции, многие из присутствующих охарактеризовали проблему вспомогательных органов как «дурацкую» и не заслуживающую большого внимания. Не многие из этих лиц, однако, когда-либо присутствовали на предыдущих Обзорных конференциях. Подобно своим коллегам из большинства делегаций на Обзорной конференции 2005 г., у них почти не было коллективной памяти или непосредственного опыта, которые напомнили бы о важности компромиссов, достигнутых на предыдущих конференциях, о кризисах, которых едва удалось избежать,

и уроках – как позитивных, так и негативных, которые были извлечены из опыта прежних конференций. Так получилось, что самыми опытными делегатами на Обзорной конференции 2005 г. оказались представители неправительственных организаций.

Хотя окончательный результат Обзорной конференции 2005 г. и был предсказуем, сам процесс, в результате которого Конференция вначале «пошла вразнос», а затем и провалилась полностью, явился неожиданностью. Одними из главных неожиданностей стали накал разногласий внутри многих основных политических группировок и энергия, с которой одна из стран-участниц старалась заблокировать почти каждую попытку достичь консенсуса как по процедурным, так и по субстантивным вопросам.

Многие комментаторы изображали Обзорную конференцию 2005 г. как классическую битву между ЯОГ (особенно США) и НЯОГ. Хотя эта разделительная линия и была заметна во многих отношениях, как и всегда во время переговоров по ДНЯО, но более поразительными оказались трещины внутри Движения неприсоединения (ДН), Коалиции за новую повестку дня и среди пяти постоянных членов СБ ООН.

Учитывая большой размер (116 государств-участников ДНЯО и 16 наблюдателей) и неоднородность Движения неприсоединения, привычно видеть значительные трения при выработке позиций ДН по вопросам, связанным с ДНЯО. Однако на Обзорной конференции 2005 г. эти типичные тенденции были усилены личными противоречиями, фундаментальными разногласиями в вопросах тактики, отсутствием общего концептуального видения по поводу того, каким должен быть желательный исход Конференции, а также бескомпромиссным подходом к переговорам со стороны Египта. Вследствие этого способность ДН продвигать субстантивные позиции, выработанные до начала Конференции, была существенно ослаблена.

Этот же паралич, помешавший достижению целей ДН на Обзорной конференции, отобразился также в слабом вкладе КНПД в работу Конференции. Хотя, на первый взгляд, это может быть связано с одновременным членством в КНПД трех главных действующих лиц ДН – Египта, Южной Африки и Бразилии, но на самом деле провал КНПД, возможно, в большей степени связан с растущим разрывом между странами, входящими в Движение неприсоединения, и странами, не входящими в него. Действительно, разногласия внутри КНПД по поводу рамок разоруженческой повестки дня, а также скорости и способов ее реализации сегодня настолько велики, что дальнейшее существование этого органа в качестве политического объединения обречено. Почти наверняка КНПД прекратит свое существование, по крайней мере в своем сегодняшнем виде.

Исторически США и Россия (а ранее – СССР) имели много параллельных линий поведения на Конференциях по рассмотрению действия ДНЯО и часто согласовывали свои действия. Хотя эти два ЯОГ продолжают разделять немало общих взглядов по вопросам, связанным с разоружением, нераспространением и использованием ядерной энергии в мирных целях, координация их политики на Обзорной конференции 2005 г. была не особенно заметной. Концентрация на процедурных вопросах в течение большей части Конференции, упор Председателя Конференции на консультации с председателями основных региональных групп, а также практическое отсутствие «Восточноевропейской группы», по сути дела, маргинализировали роль Российской Федерации. Глава российской делегации во время пленарного заседания сокрушался, что его делегация не вовлечена в активные консультации, отчего испытывает чувство разочарования.

Делегация США, состоящая из чиновников невысокого ранга, большинство из которых не обладали достаточным опытом, также стала одним из факторов ослабления совместных российско-американских инициатив, а также более масштабных инициатив постоянных членов СБ ООН. По-видимому, для продвижения общих целей в любом из главных комитетов или вспомогательных органов было предпринято недостаточно усилий. Замешательство было особенно заметно в Главном комитете III, где США – на удивление, по крайней мере, некоторых своих коллег – постоянных членов СБ ООН – решили в последний момент заблокировать передачу на пленарное заседание предварительного текста, выработанного в Комитете.

В отличие от ДН, КНПД и пяти постоянных членов СБ ООН, Европейский Союз (ЕС) в целом выступил на Обзорной конференции единым фронтом с четко определенным набором позиций, активно продвигаемым Люксембургом от имени ЕС. Позиция ЕС была особенно четко выражена по отношению к проблеме статьи X (выход), которая являлась центром обсуждений во вспомогательном органе Главного комитета III.

В основном положительное влияние общей позиции ЕС на работу Конференции тем не менее было ослаблено нежеланием большинства стран ЕС подтвердить эту позицию в ходе своих выступлений. Влияние ЕС и других политических групп было ослаблено также отсутствием ясного представления о том, что Конференция может и должна достигнуть, и, кроме того, отсутствием четкой стратегии в достижении этой цели. К сожалению, не просматривалось, что кто-либо из ключевых игроков, включая самого Председателя, имел для себя подобную концепцию и стратегию, за исключением нескольких государств, для которых паралич Обзорной конференции, по всей видимости, и был желаемым результатом.

Принимая во внимание четко выраженные на Обзорной конференции 2005 г. противоречия внутри групп, а также между группами, представляется сомнительным, что даже в течение полных четырех недель обсуждений по существу можно было достичь консенсуса хотя бы по одному значимому вопросу. Тем не менее успех процедурной «игры на грани фола» и отсутствие времени для дискуссий в главных комитетах и вспомогательных органах не позволили обсуждениям продвинуться по многим важным вопросам, где существовала большая вероятность найти общий язык. Одним из таких вопросов является предотвращение доступа негосударственных игроков к ядерному оружию.

Когда в 1968 г. был заключен ДНЯО, его разработчики не задумывались об опасности ядерного терроризма, поэтому данный вопрос Договором не урегулирован. Однако в апреле 2004 г. Совет Безопасности ООН принял важную резолюцию (резолюция СБ ООН 1540), обязывающую все государства ООН создать эффективные национальные механизмы контроля с целью предотвращения попадания ядерного, химического и биологического оружия, средств доставки и соответствующих материалов в руки негосударственных игроков. Эта редкая демонстрация единодушия членами Совета Безопасности, а также последующее принятие этого мандата большинством государств показали потенциальные возможности Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г. в достижении прогресса на фронте борьбы с ядерным терроризмом. Действительно, была выдвинута по крайней мере одна серьезная инициатива, получившая значительную поддержку и имеющая перспективу дальнейшей реализации вне рамок процесса рассмотрения действия ДНЯО. Данная инициатива, представленная Киргизией и Норвегией, ценный вклад в которую также внесли Германия, Канада, Австрия, Япония, Греция, США и Швеция, призывает бороться с угрозой ядерного терроризма путем уменьшения использования высокообогащенного урана (ВОУ) в гражданском ядерном секторе⁴. Точнее говоря, эта инициатива определяет ВОУ как расщепляющийся материал, который с наибольшей вероятностью выберут негосударственные игроки с намерением создать импровизированное ядерное взрывное устройство. В контексте Обзорной конференции эта инициатива имела следующие цели:

- Побудить все страны рассмотреть, и, если они посчитают нужным, претворить в жизнь дополнительные меры по защите и контролю существующих запасов ВОУ.
- Выразить точку зрения относительно желательности минимизации использования и торговли ВОУ гражданского назначения, а также полного избавления от ВОУ в гражданском ядерном секторе, как только это станет технически возможным.
- Побудить все страны ликвидировать те постоянно необходимые им гражданские ядерные объекты, где используется топливо на основе ВОУ, или принять на себя обязательство переоборудовать эти объекты для использования топлива на основе НОУ, как только это будет технически возможно.

- Предостеречь другие страны от осуществления или поддержки новых гражданских ядерных проектов с использованием топлива на основе ВОУ, кроме тех, которые связаны с разбавлением этого топлива для получения НОУ.
- Побудить МАГАТЭ провести всеобъемлющую глобальную инвентаризацию использования ВОУ в гражданских целях и представить доклад на следующей Конференции по рассмотрению действия ДНЯО о прогрессе в деле перехода на низкообогащенное топливо и о ликвидации реакторов и критических сборок по всему миру.

Главная мысль этого рабочего документа была передана в проекте доклада председателя Главного комитета III. Только одно государство (Египет) во время дискуссии в Комитете выразило несогласие с соответствующими формулировками доклада, но даже за этим несогласием скорее стоял спор с одним из спонсоров инициативы в рамках Обзорной конференции, а не возражения по существу. Хотя США в конце концов заблокировали передачу текста Главного комитета III на пленарное заседание, скорее всего, из-за ошибки старшего должностного лица США, принимавшего тогда участие в заседании Комитета, Обзорная конференция явилась возможностью собрать значительную поддержку для выработки нового подхода к уменьшению риска ядерного терроризма. Коалиция по вопросу ликвидации ВОУ, созданная на Обзорной конференции, теперь имеет возможность продвигать эту инициативу в рамках других международных форумов, включая МАГАТЭ и Первый комитет.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУДАЧИ

Моим наибольшим опасением перед началом Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г. было опасение, что государства-участники настолько заикнутся на выработке «успокоительного» заключительного документа, что сделают вид, будто ДНЯО не переживает кризис, отложат в сторону сложные вопросы и пойдут по пути наименьшего сопротивления. Такой подход грозил бы сделать процесс рассмотрения действия ДНЯО изжившим себя, и ему могли бы аплодировать критики ДНЯО, ставящие под сомнение способность многостороннего и почти универсального форума своевременно и творчески адаптироваться к новым обстоятельствам. В некотором смысле фактические результаты Обзорной конференции были еще более досадными, чем мои самые худшие ожидания: многие государства-участники практически проявили равнодушие к этой катастрофе. В этом отношении показательным было явное отсутствие конструктивного участия высокопоставленных политических фигур в финале переговорного процесса. Только министр иностранных дел Японии счел нужным выразить свою озабоченность перед делегатами во время последней недели Конференции.

Дает ли самоустранение и отсутствие вклада старшего политического руководства многих крупнейших стран в укрепление процесса рассмотрения действия ДНЯО возможность сделать вывод, что эти государства-участники удовлетворены исходом Конференции? Если это так, насколько активно они стремились к тому, что получили? Кроме того, является ли исход Конференции симптоматичным с точки зрения более широкого кризиса нераспространения или такой исход отражает отсутствие гибкости самого ДНЯО и его неспособность адаптироваться к новым обстоятельствам? Наконец, каковы возможные краткосрочные и долгосрочные последствия для режима нераспространения в результате неспособности государств-участников достичь какого-либо соглашения по субстантивным вопросам на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г.?

Возможно, еще слишком рано давать определенный ответ на большинство из этих вопросов. На первый взгляд, тем не менее, можно определить некоторые государства, которые кажутся удовлетворенными результатами прошедшей Обзорной конференции, хотя причины у них на это разные. Среди таких государств есть как страны, подписавшие ДНЯО, так и страны, в нем не участвующие. Во главе этого списка следовало бы поставить Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР).

Как это было в 2003 и 2004 гг. во время заседаний Подготовительных комитетов ДНЯО, единственным консенсусом, достигнутым в отношении КНДР, было процедурное решение верить табличку с названием страны Секретариату, считая, таким образом, исчерпанным противоречивый вопрос о том, остается или нет КНДР членом ДНЯО. То, что Обзорная конференция оказалась неспособной признать, что государство-участник впервые вышло из Договора, должно бы сбить с толку руководство КНДР. Однако факт, что Обзорная конференция оказалась неспособной также каким-либо образом прокомментировать, а тем более осудить политику балансирования на грани приобретения КНДР ядерного оружия, – возможно, наиболее серьезный вызов ДНЯО в последние пять лет, – этот факт мог только порадовать северокорейское руководство. Несмотря на обстоятельную и содержательную дискуссию по статье X, проведенную во вспомогательном органе Главного комитета III, позиции государств-участников по вопросу о необходимости переформулирования этой статьи или увеличения другим способом барьеров для выхода из Договора остались очень далекими друг от друга. В результате оказалось невозможным представить на пленарном заседании Конференции даже предварительный проект доклада Председателя по этому вопросу.

Иран, Египет и США – это государства-участники, которые, по-видимому, были в наибольшей степени удовлетворены исходом Обзорной конференции. Ситуация наиболее ясна в отношении Ирана, которому удалось избежать любого упоминания в документах Конференции о несоблюдении им положений Договора и обязательств перед МАГАТЭ или о новых ограничениях на доступ к мирным ядерным технологиям. Действительно, затянувшаяся патовая ситуация вокруг процедурных вопросов во время первых трех недель работы Конференции позволила искушенной команде иранских дипломатов иногда брать на себя роль умеренных посредников. Благодаря пустословию и некомпетентности других делегаций Иран вышел из Конференции 2005 г. без каких-либо негативных последствий для себя и не будучи заклеянным в качестве стороны, ответственной за ее бесплодный результат.

В отличие от этого тихого успеха Ирана, Египет стремился к своим «победам», находясь в центре внимания, неумолимо, иногда в одиночку и зачастую жестко, подрывая усилия ДН и других сторон по достижению компромиссов – как по процедурным, так и по субстантивным вопросам. Хотя многие из отдельных позиций, занятых Египтом, можно объяснить приверженностью принципам или тактическими соображениями, его линия поведения в течение четырех недель переговоров наводит на мысль, что некоторые другие факторы тоже играли роль.

Среди возможных определяющих факторов, выявленных некоторыми делегатами, были: 1) неудовлетворенность малыми выгодами от членства Египта в ДНЯО; 2) разочарование Египта по поводу невыполнения резолюции Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 1995 г. по Ближнему Востоку; 3) маневрирование с целью стать кандидатом от своей региональной группы на получение места в расширенном Совете Безопасности ООН; 4) обеспокоенность Каира тем, что Иран целенаправленно осуществляет программу по созданию ядерного оружия; 5) расчет на то, что деструктивная роль на Обзорной конференции будет иметь позитивный политический отклик внутри страны, особенно в более демократической политической среде. То, какая именно комбинация этих факторов объясняет поведение Египта на Обзорной конференции, вполне может определить будущее место ДНЯО в расчетах Египта в сфере безопасности, а также сыграть решающую роль в соблюдении им положений Договора в будущем.

Перед началом Конференции старшие должностные лица США указали, что они не будут судить о ее успехе или провале по наличию или отсутствию заключительного документа. Они также подчеркнули, что в настоящий момент нераспространение является тем стержнем Договора, которому необходимо уделить основное внимание. Они утверждали, что соблюдение положений ДНЯО, касающихся нераспространения, является *единственным* стандартом, по которому следует оценивать ДНЯО и процесс его обзора. Однако, как стало ясно во время заседания Препкома ДНЯО в 2004 г. и в ходе процедурных баталий на Обзорной конференции 2005 г., США не желали выдвигать на передний план свое стремление достичь этих целей, если для этого требовалось признание или даже

намек на то, что США ограничены политическими обязательствами по разоружению, принятыми другими администрациями на предыдущих Обзорных конференциях.

Те силы в Вашингтоне, которые предпочитают неограниченную гибкость в военной сфере более эффективным гарантиям и механизмам экспортного контроля, если они сопровождаются серьезными разоруженческими обязательствами, возможно, удовлетворены результатами Обзорной конференции 2005 г. Неспособность этого неуклюжего органа прийти к соглашению по каким-либо мерам в области нераспространения должна была укрепить их убежденность в том, что прогресс в области нераспространения может быть достигнут только более эффективными «коалициями добровольцев». Они, однако, вряд ли сами признают то, насколько их собственная бескомпромиссная позиция по разоруженческим вопросам способствовала созданию «самосбывающегося пророчества». Напротив, они, вместе с другими постоянными членами СБ ООН, склонны с удовлетворением смотреть на ослабление наиболее ярких сторонников разоружения благодаря развалу КНПД и разброду в ДН⁵.

Многие неправительственные эксперты и ученые также обеспокоены тем, что печальный исход Обзорной конференции может усилить склонность и способность США увести нераспространенческие усилия в сторону от ДНЯО. По существу, многие поторопились подчеркнуть, что провал Обзорной конференции не является неудачей или недостатком самого Договора. Хотя это, может быть, справедливо звучало в узком смысле, но также верно и то, что очевидные проблемы Обзорной конференции 2005 г. отражают фундаментальные разногласия среди государств-членов ДНЯО по поводу главных вызовов безопасности современности, их насущности, по поводу расстановки приоритетов проблем ядерного разоружения, нераспространения и мирного использования ядерной энергии, а также ресурсов, которые должны быть потрачены на эти цели, и, наконец, по поводу необходимости адаптации Договора к новым обстоятельствам. Хотя ДНЯО и не несет ответственности за отсутствие воображения, гибкости и политической воли, что было продемонстрировано сторонами в ходе Конференции, польза от него основывается на соблюдении его положений государствами-участниками и на их понимании того факта, что Договор укрепляет их безопасность. В ходе общей дискуссии на Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО 1995 г. государство за государством подтверждали, что Договор отвечает их национальным интересам и должен быть бессрочно продлен. Сейчас, хотя большинство государств-участников и продолжают высказываться, придерживаясь той же точки зрения, их убежденность выглядит менее глубокой и более условной.

По одну сторону зала растущее число ЯОГ и НЯОГ поднимают законные вопросы о легкости, с которой отдельные государства-члены ДНЯО могут безнаказанно пользоваться статьями IV и V для получения ядерной технологии двойного назначения, а затем объявлять о своем выходе из Договора. Эти государства утверждают, что положения Договора, относящиеся к мирному использованию ядерной энергии, гарантиям и праву выхода, должны быть укреплены, чтобы Договор мог справляться с современными неотложными проблемами. Для большинства этих государств неспособность Обзорной конференции достичь существенного прогресса по этим вопросам явилась важной упущенной возможностью, но не изменила их фундаментальной веры в Договор и процесс рассмотрения его действия. Однако среди более узкого числа стран паралич прошедшей Конференции, возможно, вызвал более глубокие сомнения по поводу реальности предложения своевременных изменений в рамках органа, неразрывно связанного с принятием решений на основе консенсуса и выстроенного вокруг устаревших и все более недееспособных региональных групп.

По другую сторону того же зала – большое количество стран, являющихся неядерными государствами, которые в равной степени расстроены неспособностью Обзорной конференции дать удовлетворительный ответ на их осознанные опасения в сфере безопасности и которые имеют тенденцию все в меньшей степени иметь дело с вопросами нераспространения. С их точки зрения, ДНЯО имеет смысл, главным образом, благодаря своим положениям о разоружении и мирном использовании ядерной энергии, т.е. тем аспектам, которые, по их справедливому мнению, имеют второстепенное значение для

ЯОГ. Хотя большинство этих стран все еще не готовы отречься от ДНЯО, они все чаще ставят под сомнение соответствие Договора их наиболее актуальным потребностям. Они также находят изворотливые аргументы в пользу того, что нераспространенческое измерение ДНЯО должно быть укреплено и что действия должны быть предприняты с целью осуждения несоблюдения обязательств в этой области. В то же время они ставят под сомнение приверженность ЯОГ соблюдению своих обязательств в сфере разоружения и мирного использования ядерной энергии. Небольшое число этих стран могут не исключать выхода из Договора в символических целях, если их точка зрения и в дальнейшем будет игнорироваться.

Последнее возможное негативное последствие провальной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО заключается в том, что бездействие делает более вероятной ядерную катастрофу, будь то авария, террористическая атака или государственная агрессия. В своем вступительном слове на Обзорной конференции 2 мая 2005 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан попытался побудить делегатов к действию, апеллируя именно к этой возможности. Как, спрашивал он, лидеры всех стран, представленных на Конференции, будут отвечать на вопрос: «Как это могло случиться? Нахожусь ли я в здравом уме? Мог ли я сделать больше для уменьшения этой угрозы, укрепив режим, который призван ей противостоять?» Затем он потребовал от делегатов ответить на этот вызов и предпринять действия по многим направлениям, включая:

- усиление целостности Договора перед лицом нарушений и выхода из него;
- повышение эффективности мер по обеспечению соблюдения Договора, например универсализация Дополнительного протокола и его использование в качестве нового стандарта для проверки соблюдения обязательств;
- уменьшение риска распространения среди негосударственных и государственных игроков;
- подход «вплотную к решению проблемы двойственного характера ядерной энергии».

Это были необычайно сильные и целенаправленные слова со стороны главного официального лица ООН, но слишком многие к ним не прислушались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Финальная сцена Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г. могла бы стать драмой, которая, в основном, отсутствовала в течение четырех недель переговоров. Главную роль в ней сыграл Иран, который заклеил США за ряд политических и практических действий, которые не соответствуют ДНЯО⁶. Хотя многие делегаты ожидали, что США исчерпывающе ответят на эти обвинения, старший дипломат США, присутствовавший на заседании, предпочел не отвечать, и Конференция завершилась почти беззвучно. Можно было подумать, что делегаты спешили домой и боялись попасть в автомобильные пробки по дороге.

Возможно, будущие критики смогут выделить элементы связного сценария событий в ООН, развитие которых выглядело так беспорядочно в мае 2005 г.

Остался ряд вопросов, на которые так и не был дан ответ:

- Какого результата Председатель С. Дуарте стремился достичь, и насколько реалистичными были его цели/ожидания?
- Имела бы Конференция другой исход, если бы делегаты на Препкоме 2004 г. смогли достичь согласия по повестке дня Конференции?

- Какие составные части пакета решений и резолюций 1995 г. остаются актуальными? Можно ли все еще серьезно говорить о «процессе совершенствования рассмотрения действия»?
- Существуют ли какие-нибудь практические альтернативы традиционной, основанной на консенсусе модели принятия решений ДНЯО?
- Если существующие основные политические группы устарели, каким образом они должны быть реконфигурированы?
- Почему США (и другие ЯОГ) позволили, чтобы проект доклада Председателя, который содержал формулировки, противоречащие многим ключевым позициям США, был направлен на пленарное заседание Конференции, но заблокировали передачу гораздо менее спорного проекта доклада Председателя для Главного комитета III?
- Почему пятерка постоянных членов СБ ООН оказалась неспособной достичь консенсуса по совместному заявлению в 2005 г. и могло ли подобное заявление сыграть конструктивную роль, сравнимую с таковой в 2000 г.?
- Каковы были реальные мотивы позиции Египта на Обзорной конференции?
- Сбудутся ли предупреждения Генерального секретаря К.Аннана до того, как процесс рассмотрения действия ДНЯО реализует свой потенциал?

Канадский посол по вопросам разоружения П. Мейер в своем заключительном слове на Конференции 27 мая использовал театральную метафору. Он сказал следующее:

«Несмотря на те сцены, которые имели место в этих помещениях в течение месяца, Обзорная конференция не должна сводиться к театральной постановке, где мы играем с ядерным нераспространением и разоружением. Мы не можем позволить себе просто «подавить неверие» при разыгрывании спектакля под названием «процесс рассмотрения действия ДНЯО», в противном случае занавес может опуститься очень скоро»⁷.

Занавес еще не опустился перед ДНЯО, несмотря на удручающую игру актеров в мае 2005 г. в Нью-Йорке. Будем надеяться, что их покровители в столицах внимательно и критически оценят слабые результаты этого спектакля, опираясь на многочисленные критические отзывы тех, кто там присутствовал. В идеале, надо найти новых инвесторов и более опытную труппу, а также режиссера, чей кругозор позволит реализовать потенциал сценария, который, в свою очередь, также должен быть заново истолкован, если не переписан. Мы не можем позволить себе терять много времени – репетиции начинаются весной 2007 г., а зрители во всем мире не примут ничего кроме успеха.

Примечания

¹ В основу данной статьи положено выступление автора на Международной конференции по вопросам трансатлантической безопасности и ядерного нераспространения. Институт международных исследований. Рим, 10 июня 2005 г. Перевод – Д.О. Кобяков. © ПИР-Центр, 2005.

² Для обзора основных вопросов и тенденций в ходе первых шести Конференций по рассмотрению действия ДНЯО см.: Carlton Stoiber. The Evolution of the NPT Review Conference Final Documents, 1975–2000. *Nonproliferation Review* (Fall/Winter 2003). P. 126–147.

³ Семь членов Коалиции за новую повестку дня – это Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, Швеция и Южная Африка.

⁴ См.: Combating the Risk of Nuclear Terrorism by Reducing the Civilian Use of Highly Enriched Uranium. Working Paper submitted by Iceland, Lithuania, Norway, and Sweden, 2005. Review Conference on the

Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. May 20, 2005 (NPT/CONF.2005/MC III/WP.5).

⁵ Такая точка зрения характерна не только для ЯОГ. Одно из НЯОГ – из числа союзников США – в частном порядке высказало точку зрения, что при прочих равных условиях Обзорная конференция способствовала ослаблению ДН.

⁶ See: Concluding Statement by H.E. Dr. M. Javid Zariv, Permanent Representative of the Islamic Republic of Iran to the UN, 2005 NPT Review Conference. 2005, May 27.

⁷ Ambassador Paul Meyer. Closing Remarks, 2005 Review Conference on the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 2005, May 27.

Вначале давайте внесем ясность. Нераспространение является заявленной целью мирового сообщества. Все страны, которые выступали на недавней Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, подтвердили свою твердую приверженность нераспространению. Но были ли эти заявления лишь поддержкой на словах? Ответ на этот вопрос зависит от того, к какому лагерю вы принадлежите. Некоторые скажут, что режим ДНЯО успешен, несмотря на временные неудачи. Другие считают, что дихотомии и противоречия разрывают его на части.

По поводу провала Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (далее – Обзорной конференции) было много сетований. По мнению аналитиков, она явилась полной катастрофой. Посол Т. Грэм назвал Конференцию «самым громким провалом в истории процесса ДНЯО»². Другие видели в ней «упущенную возможность». Генеральный секретарь ООН К. Аннан заявил, что «неспособность Обзорной конференции прийти к соглашению не разрушит режим, основанный на ДНЯО»³.

«Неудача» получила различные интерпретации. В представлении многих процесс пошел вспять. Другие продолжают утверждать, что ключевые компромиссы остались в неприкосновенности и их не «слили». Третья «школа мысли» считает, что глобальная повестка дня прошла в своем развитии путь от нераспространения к контрраспространению и что последняя Обзорная конференция была симптоматичным примером этого процесса. Ситуация пока еще не прояснилась, и мы не знаем, какова будет ее окончательная оценка.

Пакистан не был наблюдателем на Обзорной конференции, но мы следили за ее заседаниями из кулуаров и распространяли неофициальные материалы среди государств-участников ДНЯО.

В данной статье в общих чертах описывается зарождение и смысл существования ядерной программы Пакистана, видение Исламабадом современной Южной Азии и ее архитектуры безопасности, а также приводятся основания необходимости признания ядерного статуса Пакистана.

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ПАКИСТАНА

Пакистан, как известно, не является членом ДНЯО. Развивая нашу ядерную программу, мы не нарушили никаких правовых норм, а всего лишь отреагировали на ситуацию в области региональной безопасности. Пакистан – ядерная держава. За нашим стремлением к обладанию ядерным потенциалом не стояли соображения статуса; за ним стояли и продолжают стоять соображения безопасности. Не мы были первыми, кто провел ядерные испытания.

Мы приобрели ядерный потенциал и статус неохотно, с целью сдерживания агрессии и для защиты нашего государства. Даже когда мы развивали нашу ядерную программу в 1974–1998 гг., мы усиленно старались, вопреки всему, чтобы Южная Азия стала зоной, свободной от ядерного оружия. Год за годом в Генассамблее ООН и в других местах, в ключевых столицах, мы выступали с большим количеством предложений, направленных на предотвращение нуклеаризации нашего региона.

Помимо создания безъядерной зоны, эти предложения включали в себя: совместную индо-пакистанскую декларацию об отказе от приобретения или производства ядерного оружия (1978 г.); одновременное принятие гарантий ДНЯО или полноохватных гарантий МАГАТЭ (1979 г.); двухсторонний или региональный договор о запрещении ядерных испытаний (1987 г.); Южную Азию, свободную от ракетных средств доставки (1994 г.), а также пакт о ненападении (1997 г.). В 1992 г. мы выступили с инициативой о проведении конференции пяти держав, включая США, Россию, Китай, а также Индию и Пакистан, чтобы обсудить создание в нашем регионе недискриминационного и справедливого режима, свободного от ядерного оружия. Ни одно из этих предложений не было принято. *Realpolitik* и политика биполярного мира явились причиной неудач.

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ПАКИСТАНА

Основными принципами нашей ядерной программы являются сдержанность и ответственность. Единственной целью наличия у нас ядерного потенциала является сдерживание всех форм внешней агрессии, которые могут угрожать нашей национальной безопасности. С этой целью мы сделали выбор в пользу поддержания минимального потенциала ядерного сдерживания, с гибкими и достаточными средствами доставки. Одновременно мы также поддерживаем адекватный уровень обычных вооруженных сил. Пакистан не будет использовать ядерное оружие или угрожать его использованием против неядерных государств. Мы не будем передавать ядерное оружие или связанные с ним материалы или технологии любому иностранному субъекту или государству. Пакистан выступает против неограниченной гонки вооружений в Южной Азии. Мы будем продолжать стремиться к установлению режима стратегических ограничений в Южной Азии и поддерживать международные инициативы по контролю над вооружениями и разоружению.

В 1998 г. мы совершили переход от одной стратегической платформы к другой – от тайного, скрытого потенциала к открытому статусу ядерной державы, от «экзистенциального сдерживания» к «минимальному надежному сдерживанию». «Архитектура» ядерных сил и концепции безопасности Индии и Пакистана стали сравнимыми с таковыми у ядерных держав *de jure* в соответствии с ДНЯО. Перейдя из «ядерной тени» в категорию «открытого ядерного потенциала», они *ipso facto* (в силу самого факта) стали членами ядерного клуба.

СИСТЕМЫ КОМАНДОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

После 1998 г. динамика ситуации для нас поменялась из-за нашего новоприобретенного ядерного статуса. Мы продемонстрировали ответственное отношение к содержанию ядерных сил и приняли ряд односторонних и совместных мер с целью (а) выработки прочной и надежной системы командования и управления и (б) снижения ядерных рисков. Эти меры включали в себя следующее:

- В феврале 2000 г. наше правительство учредило Управление национального командования (National Command Authority – УНК) с функциями и полномочиями по надзору и управлению ядерной программой и стратегическими ресурсами Пакистана. Президент Пакистана является председателем этого органа, а премьер-министр является его вице-председателем. Все ключевые ядерные объекты были переведены под единый контроль Управления национального командования, в рамках которого существует тесная военно-гражданская взаимосвязь и взаимодействие. УНК осуществляет контроль над использованием и развитием всех стратегических сил и средств, а также соответствующих организаций.

- УНК опирается на сложную систему командования, управления, связи, компьютерных и информационных сетей, разведки, слежения и наблюдения.
- Безопасность нашей стратегической программы и ресурсов имеет самое приоритетное значение. Были усилены системы охраны для предотвращения рисков утечки технологий, случайных запусков или несанкционированного развертывания. Был учрежден строгий надзор. В систему был встроены ряд сдержек и противовесов, которые предусматривают полный институциональный контроль над расщепляющимися материалами и чувствительными технологиями.
- Мы разработали и внедрили законы об усилении экспортного контроля. Мы приняли директиву с целью выполнения наших обязательств по Конвенции о запрещении химического оружия. В сентябре 2004 г. парламент Пакистана принял всеобъемлющий закон об экспортном контроле, касающийся ядерного и биологического оружия. Этот закон ужесточает контроль над экспортом, реэкспортом, транзитными перевозками чувствительных товаров, технологий и оборудования. Обладая широкой сферой применения, закон запрещает нецелевое использование контролируемых товаров и технологий, предусматривает создание надзорного органа для осуществления мониторинга его реализации и предписывает строгое наказание в случае его нарушения.
- Управление по ядерному регулированию Пакистана обеспечивает безопасную эксплуатацию гражданских атомных станций.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «ЧЕРНОМУ» РЫНКУ

«Черный» рынок распространения является всеобщей угрозой для мирового сообщества. Для борьбы с этой угрозой должны быть предприняты большие усилия. Осенью 2003 г. ряд неприятных открытий указал на деятельность «черного» рынка. Мы провели быстрое и тщательное расследование. Нелегальная сеть, насколько она касалась Пакистана, была полностью разрушена и прекратила свою деятельность. Но мы остаемся на чеку. «Черный» рынок чувствительных технологий и материалов появился задолго до дела А.К. Хана. Его основными элементами являлись и продолжают являться компании и частные лица из нескольких государств-членов ДНЯО. Мы надеемся, что все страны, где «черный» рынок распустил свои щупальца, предпринимают усилия по его нейтрализации. Мы предприняли шаги в этом направлении в наших собственных высших национальных интересах, чтобы обезопасить нашу ядерную программу. Полностью отдавая себе отчет в наших международных обязательствах, мы также продолжаем расширять сотрудничество с МАГАТЭ.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ 1540

Террористы должны быть лишены возможности доступа к ОМУ, а также к чувствительным технологиям и материалам. Они никогда не должны иметь возможности получить их и использовать. Мы проголосовали за резолюцию Совета Безопасности 1540, несмотря на то, что с нашей точки зрения СБ не является тем органом, который должен принимать нормативные акты по нераспространению. Режимы, основанные на договорах, более эффективны и долговечны. Подписание недискриминационного и универсального договора будет лучшим способом, чтобы предотвратить приобретение ОМУ негосударственными игроками.

ПАКИСТАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЛЯ ЮЖНОЙ АЗИИ

ООН прилагает усилия по своему обновлению. Идет процесс обсуждения реформы. Мировые лидеры нащупывают новую парадигму коллективной безопасности. Региональные и субрегиональные экономические блоки постепенно приходят на смену старым

или дополняют политические альянсы и коалиции. Глобализация стала новой идиомой нашей цивилизации, а информационная революция – новым *lingua franca*.

На этом фоне в Южной Азии существует растущее понимание, что мы должны преодолеть конфликт и работать во имя мира. Наша концепция для Южной Азии основывается на гармонии, мире, безопасности и процветании. В качестве инструментов для достижения этих целей мы используем превентивную дипломатию, укрепление доверия и разрешение конфликтов.

Ядерное оружие и нестабильность образуют смертельную комбинацию. В нашем регионе мы следуем курсу режима стратегического ограничения, который имеет три взаимосвязанных аспекта: (а) диалог по Кашмиру и другим важнейшим вопросам; (б) ограничения в ядерной и ракетной области; (с) баланс обычных вооружений.

С начала 2003 г. мы сотрудничаем с Индией по многим направлениям, в том числе через меры по укреплению доверия и поддержание диалога. Нашей задачей является взаимовыгодное, справедливое и долговременное решение кашмирской проблемы. Президент П. Мушарраф и премьер-министр Ш. Азиз встречались с премьер-министром Индии М. Сингхом, чтобы обсудить этот вопрос. Президент П. Мушарраф в июле 2005 г. посетил Индию с целью придания нового импульса продолжающемуся процессу сближения. Уже 18 месяцев сохраняется прекращение огня вдоль линии контроля в Кашмире. Начались автобусные рейсы между городами Сринагар и Мазафарабад, столицами двух частей Кашмира. Кашмирские лидеры Всепартийной конференции свободы («Хуррият») посещают Пакистан. В воздухе витает некоторое предчувствие – предчувствие разрешения кашмирской проблемы.

В вопросе о мерах по укреплению доверия в ядерной и ракетной областях было некоторое продвижение. Пакистан и Индия в июне 2004 г. подтвердили, что их ядерные потенциалы, основывающиеся на их национальных императивах безопасности, являются фактором стабильности. Обе страны приняли обязательство стремиться к стратегической стабильности, уменьшать риск случайного или несанкционированного использования ядерного оружия и улучшать линии связи, чтобы избежать непонимания. Обе стороны работают над соглашением о предварительном уведомлении об испытаниях ракет, практика которого неформально существует с 1999 г.

В рамках режима стратегических ограничений мы выступили также со следующими предложениями:

- продолжение моратория на дальнейшие ядерные испытания;
- хранение ядерного оружия вне состояния боевой готовности;
- запрещение оперативного развертывания ядерных баллистических ракет;
- запрещение приобретения или развертывания системы ПРО.

Мы, в Южной Азии, нуждаемся в стабильном балансе обычных вооружений. Дисбаланс в обычных вооружениях между Индией и Пакистаном должен быть исправлен. В любом случае в интересах стабильности ему не должно быть позволено расти дальше. Широкомасштабное внедрение передовых вооружений, включая боевые самолеты, авианосцы, внедрение воздушных систем раннего оповещения и управления, систем противоракетной обороны, ядерных подлодок и надводных кораблей постоянно заставляют улучшать качественные и количественные параметры ядерного сдерживания. «Асимметричное сдерживание» должно уступить место более сбалансированному и предсказуемому виду сдерживания. Это является императивом.

ПРИЗНАНИЕ В КАЧЕСТВЕ ЯДЕРНОГО ГОСУДАРСТВА

Конференция по рассмотрению действия ДНЯО явилась упущенной возможностью и в другом смысле. Перед проведением Конференции в академической литературе и неко-

торых богатых оттенками политических выступлений прозвучал намек на то, что можно было бы рассмотреть вопрос о включении государств, не являющихся членами ДНЯО, в режим Договора. В разгар сражения в Нью-Йорке этот вопрос не мог привлечь к себе много внимания. Представитель Ямайки, надо отдать ему должное, заявил, что «возможно, наступило время, когда процесс рассмотрения действия ДНЯО должен включать изучение альтернативных и прагматичных путей содействия универсализации Договора, что могло бы быть достигнуто через признание правомерных интересов некоторых стран в плане их собственной безопасности»⁴. Эта точка зрения не получила дальнейшего резонанса.

Для сторонников универсального характера Договора, для поборников его чистоты этот вопрос все еще является ересью. Но это – реальность, с которой мы вынуждены иметь дело. Пакистан и Индия – ядерные государства. Ситуация *de facto* должна быть заменена ситуацией *de jure*. Сколько бы наставлений нам ни читали и какого бы давления на нас ни оказывали, это никогда не убедит нас отступить или отказаться от ядерного оружия или присоединиться к ДНЯО в качестве неядерного государства. Требования резолюции Совета Безопасности 1172 являются устаревшими и нереалистичными. Не резонно ли попросить о том, чтобы в качестве меры реализма наши стратегические императивы были поняты и чтобы им пошли навстречу?

Главной задачей должна быть интеграция, а не исключение. Пакистан должен рассматриваться в качестве полноправного партнера, а не мишени. Нам должен быть предоставлен доступ к мирной, находящейся под полным международным контролем ядерной технологии, в частности в области атомной энергетики. Остающиеся санкции и неясные ограничения должны быть отменены. Наша законная потребность в технологиях двойного назначения, особенно относящихся к обеспечению безопасности, должна получить признание.

Знаменитый французский писатель Г. Флобер однажды сказал: «Реальность не соответствует идеалу, но является его подтверждением». Я считаю, что реализм является хорошим компасом, который помогает найти верное направление.

Выступая на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, Генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарადей снова призвал к подключению трех ядерных государств, не являющихся членами ДНЯО, к будущим переговорам по нераспространению и разоружению.

В недавних публикациях предлагаются новые и прогрессивные решения. Независимая Рабочая группа США по Южной Азии в 2003 г. призвала правительство США искать способы, чтобы включить ядерные Индию и Пакистан во всемирную систему нераспространения⁵. А. Коэн и Т. Грэм в 2004 г. написали статью, в которой они выступили за выработку отдельного независимого соглашения или протокола⁶. С. Лодгаард предложил на обсуждение так называемую формулу «как будто», согласно которой можно предложить нечленам ДНЯО подписать дополнительный протокол «чтобы они вели себя, как будто они являются участниками Договора»⁷. В докладе «Фонда Карнеги за международный мир» прозвучало предложение, чтобы резолюция СБ ООН 1172, принятая после ядерных испытаний Индии и Пакистана, была заменена новой резолюцией Совета Безопасности, с целью позволить трем государствам стать членами режима, а не оставаться его «аутсайдерами»⁸.

Мы знаем, что это сложная задача. Поведение ядерных государств, как под микроскопом, пристально изучается государствами, не обладающими ядерным оружием, некоторые из которых жалуются на то, что ключевые державы уже чувствуют себя слишком комфортно с государствами, не входящими в ДНЯО. Они утверждают, что признание государств – нечленов ДНЯО, обладающих ядерным оружием, может подорвать изначальную сделку ДНЯО только среди пяти ядерных государств. Они считают, что признание ядерного статуса поощряло бы распространение и положительно оценивало бы роль ядерного оружия в доктринах национальной безопасности. Некоторые сказали бы, что оставаться вне режима в конце концов стало бы наилучшим вариантом.

Мы с пониманием относимся к этим чувствительным моментам, но в то же время мы должны решить эту головоломку и исправить «состояние амфибии», в котором находятся государства – нечлены ДНЯО, найдя баланс между универсальностью, признанием ядерного статуса и велениями режима нераспространения.

Как отметил Дж. Перкович, «первые три страны (Индия, Пакистан и Израиль) никогда не подписывали ДНЯО, поэтому их обладание ядерным оружием с моральной, политической и стратегической (хотя не юридической) точек зрения такое же, как изначально было у пяти ядерных держав»⁹.

Пакистан не ослабит целей ДНЯО. Мы уже выполняем его требования по нераспространению, хотя и не являемся государством, подписавшим ДНЯО.

- Пакистан был бы готов снова взять на себя обязанность продолжать действовать в соответствии с обязательствами, принятыми ядерными государствами в соответствии со статьями I, II и III ДНЯО.
- Мы соблюдаем односторонний мораторий на дальнейшие ядерные испытания.
- Мы разработали и применили законы об экспортном контроле.
- Мы осуществляем значительные инвестиции в безопасность наших стратегических сил и материалов.
- Мы готовы участвовать в переговорах по Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов в соответствии с мандатом Шеннона.
- Пакистан готов развивать взаимовыгодное сотрудничество с Группой ядерных поставщиков (ГЯП) и Режимом контроля над ракетными технологиями (РКРТ). Недавно мы принимали в Пакистане представителей этих режимов для начальных консультаций.
- Мы прилагаем усилия для решения остающихся проблем с Индией, особенно по Кашмиру.

Открытое признание укрепит региональную стабильность и обеспечит международную безопасность. Оно уменьшит риск умышленного или неумышленного применения ядерного оружия, усилит безопасность, обеспечит эффективность командования и управления, приостановит распространение ядерных материалов и технологий. Протокол, формула «как будто» или любой другой инструмент являются неплохими идеями в отношении того, как иметь дело с реальностью. Их стоит изучить.

ДЕФИЦИТ ИНСТИТУТОВ

Мы должны исправить ползучий дефицит институтов, который сами и создали. Первый комитет и Конференция по разоружению, так же как и процесс рассмотрения действия ДНЯО, среди прочих институтов являются международными форумами для рассмотрения вопросов нераспространения, разоружения и ядерной энергетики. Можно считать, что это не идеальные форумы, но они являются лучшими в сегодняшних обстоятельствах. В попытке нейтрализовать блоковую политику новые, менее представительные блоки не смогут заполнить пробел и пользоваться долговременной легитимностью. Новые инициативы, которые идут в обход существующего многостороннего механизма, могут предложить только временные решения для контрраспространения, нераспространения и в случае несоблюдения норм. Несомненно, выработка договорных режимов является крайне трудным процессом, но когда договора заключаются на свободной и добровольной основе, они имеют лучшие шансы на то, что их положения будут соблюдаться.

Примечания

¹ В основу статьи положено выступление автора в Женевском Центре политики безопасности в июне 2005 г. Перевод – Д.О. Кобяков. © ПИР-Центр, 2005.

² Цит. по: *Financial Times*. 2004, May 28.

³ Kofi Annan. Break the Nuclear Deadlock. *International Herald Tribune*. 2005, May 30.

⁴ Stafford Neil. Permanent Representative of Jamaica, Statement at the 2005 NPT Review Conference. 2005, May 5.

⁵ New Priorities for South Asia: US Policy towards India, Pakistan and Afghanistan. *Council on Foreign Relations*. 2003, November.

⁶ Cohen Avner and Graham Thomas, Jr. An NPT for non-members. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2004, May/June. P. 40–44.

⁷ Sverre Lodgaard. Making the Non-Proliferation, Regime Universal. *The Weapons of Mass Destruction Commission*, www.wmdcommission.org

⁸ Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security. *Carnegie Endowment for International Peace*. 2005, March.

⁹ George Perkovich. Bush's Nuclear Revolution. *Foreign Affairs*. 2003, March/April.

Если Вы профессионально занимаетесь и интересуетесь вопросами международной безопасности, имеете опыт редакторской работы и хотите стать частью научно-исследовательской организации с международной репутацией, то эта информация для Вас.

ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансии ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Должностные обязанности:

- научное редактирование рукописей, принятых к публикации;
- постоянная координация с научными рецензентами;
- осуществление взаимодействия с авторами журнала как по поручению Главного редактора, так и самостоятельно, включая ведение переговоров, заказ статей и контроль над их подготовкой, доведение замечаний рецензентов до сведения авторов, согласование текста статьи и графических материалов с автором перед подписанием номера в печать;
- участие в выработке редакционной политики журнала, ведение плана текущего номера журнала и стратегического плана редакции;
- участие в формировании портфеля и развитии журнала по поручениям Главного редактора, Редакционной коллегии и инициативно. Последнее особенно важно с учетом того, что в текущем году планируется значительное расширение проблематики журнала и в связи с этим ставится задача освоения тем, ранее не затрагивавшихся в журнале, и привлечения новых авторов;
- осуществление взаимодействия с Редакционной коллегией журнала на постоянной основе, подготовка заседаний Редакционной коллегии;
- координация работы редакции журнала с издательством;
- самостоятельная подготовка статей и материалов для ряда разделов журнала по заданному плану;
- участие в научных мероприятиях, проводимых ПИР-Центром, наравне с научными сотрудниками.

Требования:

- высшее образование (предпочтительно: международные отношения, политология, международная журналистика);
- опыт научного редактирования рукописей;
- наличие опубликованных собственных научных работ по проблематике международной безопасности и(или) международных отношений;
- свободное владение английским языком (знание других языков приветствуется, но не является обязательным);
- знание компьютера на уровне опытного пользователя: Internet Explorer, Word, Excel, Outlook Express, программы редактирования (основная работа с текстом в Редакции осуществляется в электронном формате);
- активность, аналитический склад ума, широкий кругозор, желание и умение обучаться, ответственность, обязательность, умение работать в команде, умение работать в цейтноте.

Условия:

- вакансия выпускающего редактора журнала уже открыта;
- полный рабочий день, 40 часов в неделю, пятидневная рабочая неделя (выходные в субботу и воскресенье);
- работа в штате на контрактной основе;
- предлагается привлекательная заработная плата (по результатам собеседования).

Резюме с указанием вакансии следует направлять на имя Главного редактора журнала В.А. Орлова по адресу: orlov@pircenter.org или по факсу +7 (095) 234-95-58

ВЕСТНИК ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО СТРАН «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ» ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ И МАТЕРИАЛОВ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

Глобальному партнерству три года. За это время Россия и страны-доноры подтвердили выделение более 18 млрд долл. США, бремя совместного уменьшения угрозы было распределено между ведущими государствами мира несколько более равномерно, снизилась острота ряда вопросов, требовавших быстрого решения. Многие государства-доноры смогли создать эффективные механизмы сотрудничества как с российскими властями, так и друг с другом и продемонстрировали кооперативный подход к решению возникающих проблем. Программа Глобального партнерства способствовала и способствует снижению нагрузки на российский бюджет и получению ряда технологий от западных партнеров.

Тем не менее, несмотря на эти достижения, есть ряд весьма тревожных моментов. По оценкам МИД России, из «подтвержденных» 18 млрд по состоянию на июнь 2005 г. до России реально дошло около 320 млн. В то же время, согласно консолидированному докладу рабочей группы «восьмерки» по Глобальному партнерству, в странах-донорах было законодательно одобрено выделение более чем 6 млрд долл. США (в докладе – Funds Committed), при этом подрядчиками было освоено более 3 млрд долл. США (в докладе – Funds Expended). Если остановиться на двух российских приоритетах Глобального партнерства – утилизации АПЛ и уничтожении химического оружия, то здесь по-прежнему нет серьезного прогресса в привлечении зарубежных доноров к финансированию проектов утилизации АПЛ и создания соответствующей инфраструктуры на Дальнем Востоке России. По-прежнему не разработаны необходимые технологии утилизации надводных кораблей с ядерной энергетической установкой и судов атомного технологического обслуживания. В сфере же уничтожения химического оружия хроническое неисполнение рядом доноров своих обязательств угрожает срывом всех программ. Прогресса в двух других приоритетах практически нет. Даже учитывая наметившееся продвижение на переговорах между Россией и США по вопросу о гражданской ответственности при утилизации плутония, остаются не согласованными параметры соглашения о передаче технологий и, что еще более важно, по-прежнему не решен вопрос о том, кто заплатит за два десятилетия эксплуатации убыточных реакторов на МОКС-топливе.

Однако политически Глобальному партнерству уделяется немного внимания, оно рассматривается в основном на экспертном и дипломатическом уровне. Вопросы Глобального партнерства не стали приоритетными на саммите в Глениглсе. Причина этого понятна. В условиях высоких цен на основные российские экспортные товары снижение бюджетной нагрузки за счет Глобального партнерства не является столь уж заметным для России; кроме того, большинство западных партнеров, в условиях высоких цен на нефть, не рассматривают вопрос помощи «богатой» России как приоритет. Как следствие, России приходится наращивать финансирование программ Глобального партнерства из своего бюджета. Пока Россия может себе это позволить, но сможет ли она делать то же самое, если благоприятная экономическая конъюнктура изменится?

Учитывая сложившуюся ситуацию, сложно ожидать выделения масштабных дополнительных средств теми партнерами, которые сдержанно относятся к проектам в России, если переговоры с ними будут вестись только в плоскости Глобального партнерства. Видимо, для более успешной реализации программы важно, чтобы российские государственные органы, отвечающие за разные приоритеты программы Глобального партнерства, совместными усилиями, с привлечением экспертных кругов, искали возможности решения проблем Глобального партнерства в пакете с решением более актуальных для других партнеров политических задач.

В номере:

- Эксклюзивный репортаж
- Документы Глобального партнерства
- Глобальное партнерство в цифрах и фактах
- Глобальное партнерство в действии
- Навстречу председательству России в «Большой восьмерке»
- ПИР-Центр и Глобальное партнерство

Особенности саммита «Группы восьми» в Глениглсе

А.В. Булычев,
координатор проекта «Глобальное партнерство»

С 6 по 8 июля 2005 г. в отеле «Глениглсе» под Эдинбургом состоялась очередная саммит «Группы восьми». Стало уже традицией, что корреспонденты «Ядерного Контроля» работают на саммитах «восьмерки». Так было во французском Эвиане в 2003 г. и в американском Си-Айленде в 2004 г.

В этом году ПИР-Центр направил на саммит в качестве корреспондента «Ядерного Контроля» координатора проекта «Глобальное партнерство» А.В. Булычева.

Изначально не планировалось, что вопросы безопасности будут ключевыми на этом саммите. Приоритетами британского председательства были объявлены вопросы помощи Африке и борьбы с изменением климата. Однако террористические акты в Лондоне 7 июля внесли свои коррективы. Хотя после событий в Лондоне лидеры «восьмерки» приняли решение не менять рабочую программу саммита и продолжили обсуждение заранее намеченных вопросов, приоритетность вопросов безопасности серьезно изменилась. Тема борьбы с терроризмом так или иначе всплывала в каждой дискуссии лидеров и повлияла на целый ряд документов, включая в том числе заявления лидеров «восьмерки» по региональной безопасности. Вопросы Глобального партнерства, к сожалению, не были и не стали приоритетными на этом саммите. Рабочая программа саммита не предусматривала их отдельного обсуждения лидерами. Кроме того, по имеющейся информации, на двусторонних встречах президента России с лидерами «восьмерки» (в частности, с лидером Канады и, что особенно символично, Японией) эти вопросы не поднимались.

Первая часть этой статьи посвящена тем необычным для работы «восьмерки» моментам, которые были отмечены на саммите в Глениглсе, и тому, какое развитие они могут получить в период российского председательства в 2006 г. Вторая часть статьи представляет собой обзор документов в области безопасности, принятых на саммите, с выделением ряда существенных, на взгляд автора моментов и с описанием там, где это возможно, того, какая дипломатическая борьба шла вокруг того или иного документа. Кроме того, в этой части кратко упоминаются наиболее интересные документы, не относящиеся к международной безопасности. Третья часть статьи – краткая информация о грядущем саммите 2006 г. в России.

Встреча в Глениглсе отличалась рядом новых для «Большой восьмерки» моментов. Конечно, прежде всего следует отметить, что это был первый саммит, омраченный терактом, и первый саммит, который лидер страны-председателя вынужден был покинуть в самый разгар работы на целый день, однако были и другие весьма интересные и необычные детали.

Во-первых, председательствующая в этом году в «Большой восьмерке» Великобритания необычно рано объявила о приоритетах своего председательства. Уже в октябре 2004 г. было разослано письмо, где говорилось, что приоритетами британского председательства будут вопросы помощи Африке и борьбы с изменением климата. Постановка этих вопросов британцами понятна. Помощь Африке, в конечном итоге, благотворно скажется на экономике Великобритании в силу ее тесных связей со многими странами этого континента. Изменение климата также важно, поскольку страны, снижающие выбросы парниковых газов, в частности Великобритания, находятся в менее выигрышном положении, чем те, кто этого не делает или делает в ограниченном масштабе.

Решение председателя, конечно, не оспаривалось, однако далеко не для всех членов «Группы восьми» поставленные Великобританией вопросы были одинаково приоритетными.

Интересен тот факт, что этот британский опыт раннего объявления о своих приоритетах уже повторен Россией. Президент Путин на итоговой пресс-конференции саммита 8 июля в отеле «Глениглсе» огласил приоритеты российского председательства в 2006 г., а осенью Россия готовится разослать партнерам по «восьмерке» письмо с подробным разъяснением своих приоритетов и графиком мероприятий в рамках своего председательства в 2006 г.

Во-вторых, возможно, именно из-за не очень высокой актуальности вопросов повестки дня для ряда членов «Большой восьмерки» впервые была организована массовая кампания в поддержку приоритетов председателя. Эта кампания началась в самой Британии, ее лидерами стали солист группы «U2» Бono и рок-музыкант сэр Боб Гелдоф, однако вскоре она приобрела глобальные масштабы и вылилась в гуманитарную акцию под названием «Live 8».

Выступления противников «восьмерки» сопровождают саммиты с 2001 г. Их попытки прорваться к месту проведения встреч в верхах уже стали привычным делом, однако в этом году, помимо противников «восьмерки», в Эдинбурге и Глазго митинговали также ее сторонники. По ряду косвенных признаков можно утверждать, что деятельность значительной части манифестантов координировалась властями Британии. К примеру, накануне саммита в близкой к правительству Великобритании газете *Guardian* был опубликован один из рабочих вариантов текста документа по изменению климата. Следует отметить, что этот документ согласовывался с большим трудом и, что совершенно нетипично для «восьмерки», правился по существу восемь раз. Проекты таких текстов в «восьмерке» предлагает страна-председатель, другие страны вносят в него свои поправки. Несогласованные части документа берутся в скобки. Конечно, в газетной статье не было прямого указания на то,

возражения каких стран вызвали те или иные скобки, однако даже те, кто не занимается международными отношениями профессионально, вполне могли об этом догадаться. Кроме того, сам факт того, что один из рабочих документов, которые в «восьмерке» всегда закрыты, просочился в прессу, весьма показателен.

В-третьих, это был саммит с самой богатой программой внешних связей (Outreach) за всю историю «восьмерки». Прежде всего, следует отметить, что на саммите присутствовали 11 лидеров развивающихся стран. Начало приглашению лидеров развивающихся стран на саммит положили еще французы в 1989 г., однако другие страны «восьмерки» не поддержали тогда французский почин. В следующий раз лидеров развивающихся государств пригласили на саммит «Группы восьми» в 2001 г. в Генуе, и с тех пор традиция не прерывалась. Во второй день саммита в Глениглсе лидеры «восьмерки» встретились с пятью лидерами ведущих развивающихся стран – Бразилии, Индии, Китая, Мексики, ЮАР. В последний день саммита лидеры «восьмерки» встретились с лидерами Африки; на этой встрече помимо президента ЮАР присутствовали еще шесть африканских лидеров из Алжира, Ганы, Нигерии, Сенегала, Танзании и Эфиопии. Помимо этого, в некоторых заседаниях саммита «Группы восьми» участвовали главы международных организаций: Генеральный секретарь ООН, председатель Всемирного банка, директор-распорядитель МВФ, главы ВТО и МЭА (Международного энергетического агентства), а также председатель Африканского Союза.

Расширение программы внешних связей коснулось также и неправительственных организаций. Впервые на саммите некоторые неправительственные организации были аккредитованы именно в качестве неправительственных организаций, а не как журналисты; в пресс-центре даже были выделены отдельные столы для НПО и отдельная табличка «Civil Society Organizations». Правда, подобную аккредитацию в этом году могли получить только те НПО, которые занимаются проблемами Африки и изменения климата. Заслуживает внимания также тот факт, что Chatham House (Королевский институт иностранных дел Великобритании) организовал встречи шерп «восьмерки» с представителями НПО, занимающихся Африкой и изменением климата. По имеющейся информации, опыт привлечения НПО в рамках программы внешних связей саммита заинтересовал российскую сторону. Будем надеяться, что в рамках российского председательства такое развитие программы внешних связей саммитов получит продолжение.

В-четвертых, можно утверждать, что этот саммит знаменовал полную интеграцию России в «Группу восьми» и окончательно сформировал полноценную «Большую восьмерку». Дело в том, что до последнего времени Россия полноценно участвовала в работе всех механизмов «Группы восьми», кроме так называемой «финансовой восьмерки». Российский министр финансов не всегда участвовал во всех встречах своих коллег из стран «семерки», и Россия не в полной мере участвовала в переписке при подготовке встреч министров финансов. Однако летом этого года российская сторона полноценно участвовала в проработке всех вопросов встречи и в подготовительной переписке, а А.Л. Кудрин

участвовал во всех встречах финансовой «семерки». Пока это прецедент, но весьма вероятно, что он станет практикой.

В-пятых, 8 июля, в заключительный день встречи в верхах, произошло беспрецедентное в истории «Группы восьми» событие – впервые итоговое коммюнике саммита, которое в этом году уместилось на 32 страницах и называлось «Изменение климата, энергетика и устойчивое развитие», было подписано лидерами. Итоговое коммюнике представляло собой компиляцию трех документов – заявления по изменению климата, энергетике и устойчивому развитию; плана действий саммита в Глениглсе по изменению климата, энергетике и устойчивому развитию; заявления по Африке.

На итоговой пресс-конференции премьер-министр Великобритании Тони Блэр заявил, что фактом подписания документа лидеры хотели продемонстрировать свою сплоченность и приверженность взятым на себя обязательствам.

Всего в Глениглсе было принято 17 документов, к которым относятся 1 итоговое коммюнике, 11 заявлений и 4 доклада о развитии предыдущих инициатив (progress reports) и 1 план действий.

Хотя вопросы безопасности и не должны были быть основными на саммите, в Глениглсе было принято 9 документов, относящихся в той или иной степени к международной безопасности – 2 заявления универсального характера, 2 заявления, относящихся к региональной безопасности, 3 заявления о ситуации в отдельных государствах и 2 доклада о развитии предыдущих инициатив.

К документам универсального характера можно отнести заявление «восьмерки» по предотвращению терроризма (4 страницы), имеющее достаточно жесткие формулировки. При обсуждении проблемы борьбы с терроризмом, а она, как было отмечено выше, проходила красной линией через все дискуссии саммита в Глениглсе, Россия делала особый акцент на важности преодоления двойных стандартов в борьбе с терроризмом. Это само по себе не ново, однако ряд западных партнеров признали, что теперь слова России воспринимаются ими совсем по-другому.

Также к заявлениям, имеющим универсальный характер, можно отнести заявление по нераспространению. Последнее представляет собой шестистраничный документ, разбитый на 12 разделов, с отдельно выделенным подразделом «Ядерное нераспространение». Разделы заявления по нераспространению: Универсализация и укрепление режима нераспространения, ООН (резолюция СБ 1540), ИБОР, ДНЯО, МАГАТЭ, технологии обогащения и переработки, вызовы распространения, защита от биологических угроз, КЗХО, Глобальное партнерство, ядерная безопасность и безопасность радиоактивных источников. Международно-правовой основой режима нераспространения лидеры считают ДНЯО, соглашение МАГАТЭ о всеобъемлющих гарантиях и дополнительный протокол к нему, КЗХО, КБТО, Женевский протокол 1925 г. и Гаагский кодекс поведения, направленный на предотвращение распространения ракетных технологий. В заявлении содержится особое упоминание одобрения лидерами «восьмерки» решения мирового сообщества поддержать конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма. Эту формулировку можно считать успехом российской дипломатии, так как этот договор был предложен именно Россией. В заявлении содержится призыв в рамках ИБОР расширить усилия по борьбе с сетями распространения и незаконными финансовыми потоками путем «разработки процедур выявления, отслеживания и заморозки» соответствующих активов. Лидеры, сожалея о неутешительных итогах обзорной конференции ДНЯО, обязуются «удвоить усилия по укреплению договора». В документе прямо заявлено о неразумности запуска в ближайшие годы новых проектов, предполагающих передачу технологий обогащения и переработки странам, не обладающим такой технологией, в то же время приветствуются усилия по проработке «многонациональных подходов» к ядерному топливному циклу. В качестве «вызова распространению» названа ядерная и ракетная программа КНДР, в качестве решения этой проблемы – возобновление шестисторонних переговоров и «незамедлительное возвращение» КНДР к выполнению обязательств по ДНЯО. Также как вызов, но в более мягких формулировках рассматривается ядерная программа Ирана. В качестве решения этой проблемы рассматриваются дальнейшие усилия Великобритании, Германии, Франции и ЕС по достижению долговременного соглашения с Ираном, которое обеспечит «объективные гарантии», а также политическое и экономическое сотрудничество. Иран призывают придерживаться моратория на деятельность связанную с обогащением и переработкой, до достижения такого долгосрочного соглашения и ратифицировать дополнительный протокол к соглашению МАГАТЭ о всеобъемлющих гарантиях. В области биобезопасности подчеркивается важная роль обзорной конференции КБТО 2006 г. и разработки кодексов поведения ученых. Что касается Глобального партнерства, то в документе в мягкой форме упомянуто возможное расширение числа реципиентов, а также вновь подтверждена цифра 20 млрд долл. до 2012 г. Несмотря на то, что этот абзац о Глобальном партнерстве достаточно лаконичен, именно над ним политдиректора «восьмерки» работали дольше всего; окончательный текст был согласован только 8 июля – в день завершения саммита.

К региональным заявлениям «восьмерки» относятся заявления по партнерству во имя прогресса и общего будущего со странами Большого Ближнего Востока и Северной Африки (2 страницы), а также, отчасти, заявление по Африке, содержащее подтверждения обязательства к 2010 г. силами стран «восьмерки» обучить и, при необходимости, экипировать 75-тысячный корпус миротворцев Африканского Союза.

Заявления по ситуации в отдельных государствах относятся к ближневосточным государствам. Было принято отдельное заявление по Ираку (2 страницы), в котором лидеры согласились, что, несмотря на предыдущие разногласия, важно сплотиться и обеспечить стабилизацию ситуации в Ираке – способствовать консолидации режима, остановке волны терактов и началу экономического роста. Также было принято заявление по Ближневосточному мирному процессу (1 страница), где содержится важное обязательство о выделении 3 млрд долл. в год в течение 3 лет на оказание помощи Палестине после начала реализации плана Шарона. Цель этих действий – пресечь социально-экономические корни терроризма в регионе. Помимо этого, принято совместное заявление лидеров «восьмерки» и Африканского Союза по Судану (2 страницы), направленное на интенсификацию усилий по разрешению дарфурского кризиса.

Были опубликованы два доклада о развитии предыдущих инициатив: доклад лидеров о развитии инициативы по безопасным и облегченным путешествиям (6 страниц) и ежегодный доклад группы высокого уровня о Глобальном партнерстве (9 страниц) и, как приложение к нему, доклад рабочей группы «восьмерки» по Глобальному партнерству (22 страницы статистической информации – кто, сколько и на какие проекты выделил). В докладе упоминается возможность расширения Глобального партнерства как по числу доноров, так и по числу реципиентов, а также содержатся ссылки на «сотрудничество в других областях», к которым отнесены сотрудничество США с Россией и Украиной в уничтожении стратегических систем вооружений и повышении безопасности транспортировки и хранения вооружений, сотрудничество ряда доноров по проектам «второй линии защиты», а также проекты сотрудничества в области биобезопасности (biosafety and biosecurity). Вокруг формулировок по биобезопасности развернулись жаркие дебаты, и в итоге в документе были повторены формулировки Эвиана.

Такие документы, касающиеся международной безопасности, были одобрены лидерами «Большой восьмерки» на саммите в Глениглсе 6–8 июля 2006 г. Помимо этого, стоит отметить такой необычный документ саммита, как заявление по борьбе с интеллектуальным пиратством и контрафактной продукцией. Такое заявление принимается впервые. Интересно также заявление «Группы восьми» о мировой экономике и ситуации на нефтяном рынке. Несмотря на то, что очень амбициозного документа не получилось, там упоминается один важный пункт. Лидеры «восьмерки», в неформальных дискуссиях признававшие, что оснований для серьезного снижения цен на нефть в ближайшей перспективе нет, поддержали совместную инициативу по нефтяной статистике (JODI), выдвинутую рядом международных организаций, включая Международное энергетическое агентство (МЭА является организацией потребителей нефти) и осуществляемую в настоящее время под руководством Секретариата Международного энергетического форума (МЭФ объединяет производителей и потребителей нефти). Целью этой инициативы является снижение спекулятивной активности за счет повышения прозрачности нефтяной статистики.

Председателем в «Группе восьми» в 2006 г. станет Россия. Саммит состоится в Санкт-Петербурге, предположительно в конце июня. Приоритеты российского председательства уже названы. Основным станет вопрос обеспечения энергетической безопасности. Возможно, именно это стало одной из причин того, что заявление лидеров «восьмерки» о мировой экономике и ситуации на нефтяном рынке было не самым амбициозным документом – России имеет смысл приберечь серьезные инициативы в области энергетики для своего председательства. Еще одним приоритетом будет вопрос образования. Кроме того, приоритет российского председательства, связанный с безопасностью, – это вопрос борьбы с международным терроризмом. В случае закрепления расширения финансовой «семерки» до «восьмерки» одним из приоритетов российского председательства в финансовой «восьмерке» станет борьба с финансированием терроризма.

Полный текст документов саммита в Глениглсе, посвященных Глобальному партнерству, размещен на сайте ПИР-Центра по адресу:

http://www.pircenter.org/cgi-bin/pirnews/ctrdocan_e.cgi?Template=gp_docs_e&L=1

ДОКУМЕНТЫ «ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА»

На саммите в Глениглсе были приняты два документа, имеющие непосредственное отношение к Глобальному партнерству:

- Заявление по нераспространению: «Мы подтверждаем приверженность Глобальному партнерству против распространения оружия и материалов массового уничтожения, а также заявлению, принципам по нераспространению и руководящим принципам по сотрудничеству, принятым в Кананаскисе. Мы будем добиваться приумножения того значительного успеха, который был достигнут в выполнении проектов сотрудничества, свой вклад в реализацию которых вносят государства «Группы восьми» и 13 других стран. Мы подтверждаем наше обязательство выделить в течение 10 лет до 2012 г. на приоритетные проекты Глобального партнерства, первоначально в России, сумму в размере 20 млрд. долларов. В этом контексте мы будем запускать новые проекты в соответствии с этими приоритетами. Мы приветствуем участие Украины и продолжаем обсуждать с рядом государств бывшего Советского Союза их заинтересованность в присоединении к Партнерству. Мы подтверждаем нашу открытость для будущего расширения Партнерства на страны, которые поддерживают документы Кананаскиса».
- Доклад Группы высокого уровня Глобальное партнерство «Группы восьми» и, в качестве приложения к нему, консолидированный доклад рабочей группы «восьмерки» по Глобальному партнерству, в котором указан объем средств, законодательно одобренных в странах-донорах для расходования в рамках программы Глобального партнерства, и объем средств, списанных со счетов исполнительных органов стран-доноров в период с 2002 по 2005 г.

Летом 2005 г. Россия ратифицировала два межправительственных соглашения:

- Российско-итальянское межправительственное соглашение о сотрудничестве в области утилизации АПЛ, выведенных из состава флота, и безопасном обращении с радиоактивными отходами и ОЯТ. В соответствии с этим соглашением в течение 10 лет Италия выделит 360 млн евро на утилизацию многоцелевых АПЛ и повышение безопасности обращения с облученным (отработанным) ядерным топливом. Возможно, Италия также примет участие в утилизации крейсера с ядерной энергетической установкой «Адмирал Ушаков». Этот проект, по самым скромным подсчетам, оценивается в 30 млн долл. Все проекты в рамках этого соглашения планируются осуществлять на Северном флоте. Генеральным подрядчиком с итальянской стороны является фирма «Соджин» (Sogin).
- Российско-канадское межправительственное соглашение о сотрудничестве в области уничтожения химического оружия, утилизации атомных подводных лодок, выведенных из состава Военно-Морского флота, учета, контроля и физической защиты ядерных материалов и радиоактивных веществ. Это соглашение имело положение о временном применении, поэтому его осуществление началось задолго до его ратификации. Так, в настоящий момент уже подписаны и действуют два российско-канадских исполнительных соглашения, предусматривающих утилизацию 12 многоцелевых АПЛ на Северном флоте. Генеральным подрядчиком канадской программы утилизации АПЛ является компания «Теледайн Браун Инжиниринг» (Teledyne Brown Engineering). Хотя Россия и Канада напрямую не заключали исполнительных соглашений по уничтожению химического оружия, сотрудничество успешно развивается. В настоящее время канадская сторона, подписавшая 18 января 2005 г. меморандум о взаимопонимании с Великобританией, выделяет средства на работы в Щучьем через Великобританию. Генеральным подрядчиком является компания «Бектел» (Bechtel). Ускорение процедуры ратификации этого соглашения связано, прежде всего, с тем, что из-за неурегулированности юридического статуса проектов у канадских партнеров стали возникать некоторые проблемы с российскими налоговыми органами.

Кроме того, 21 июля 2005 г. Сенат США одобрил поправку к законопроекту о национальной обороне, предложенную сенатором Ричардом Лугаром.

В скором будущем можно ожидать подписания и/или ратификации следующих документов:

- Ратификации российско-итальянского межправительственного соглашения по утилизации химического оружия.
- Ратификации дополнительного соглашения с Великобританией о сотрудничестве в ядерной области.
- Подписания и ратификации протокола по гражданской ответственности к договору 2000 г. между Россией и США об утилизации плутония.
- Подписания российско-французского межведомственного соглашения о сотрудничестве в уничтожении химического оружия.

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ЦИФРАХ И ФАКТАХ

Объемы средств, законодательно одобренных к расходованию на программу «Глобального партнерства», и средств, списанных со счетов исполнительных органов стран-доноров в период с 2002 по 2005 г.

Страны-доноры	Размер вклада в Глобальное партнерство на весь период действия программы (в той валюте, в которой было заявлено)	Законодательно разрешено использовать на программу «Глобального партнерства» (данные в той валюте, которая фигурирует в докладе рабочей группы «Большой восьмерки»)	Законодательное разрешение дано в период	Средства, списанные исполнительных органов стран-доноров (в долларах США)	Период расходования
Великобритания	750 млн долларов США	149 млн фунтов стерлингов	с июня 2002 по июль 2005	92,72 млн	с июня 2002 по июль 2005
Германия	до 1,5 млрд долл. США	264 млн евро	с июня 2002 по декабрь 2004	182 млн	с июня 2002 по декабрь 2004
Дания	17,2 млн евро	17,3 млн евро	с июня 2002 по сентябрь 2004	нет данных	с июня 2002 по сентябрь 2004
ЕС	1 млрд евро	26 млн евро (без учета вклада в программу ТАСИС, составляющего 751 млн евро)	с июня 2002 по июль 2005	17,94 млн	с июня 2002 по июль 2005
Италия	до 1 млрд евро	732,7 млн долларов США	с июня 2002 по июль 2005	7,7 млн	с 2002 по 2004
Канада	1 млрд канадских долларов	363,12 млн канадских долларов и 400 тысяч долларов США	с июня 2002 по май 2005	66,74 млн	с июня 2002 по май 2005
Норвегия	100 млн евро	36,5 млн евро	с июня 2003 по июнь 2005	42,43 млн евро	с июня 2003 по июнь 2005
				14,8 млн евро	
				нет данных	
				52,8 млн фунтов стерлингов	
				261,67 млн	
				20,97 млн	
				31,52 млн	
				732,7 млн	
				295 млн	
				35 млн евро	
				7,7 млн долларов США	

Республика Корея	Около 2,79 млрд долларов США	2,29 млн долларов – взнос в МНТЦ и 0,5 млн долларов США, направленные на расходы, которых пока не определены	2,79 млн	в 2005	нет данных	нет данных	нет данных
Россия	2 млрд долларов США	1,2518 млрд долларов США	1,2518 млрд	с января 2002 по декабрь 2005	831,6 млн долларов США	831,6 млн	с января 2002 по июнь 2004
Финляндия	15 млн евро	8,85 млн евро	10,73 млн	с июня 2002 по июль 2005	7,85 млн евро	9,51 млн	с июня 2002 по июль 2005
Франция	750 млн евро	172,3 млн евро	208,89 млн	с июня 2002 по июль 2005	нет данных	нет данных	нет данных
Швейцария	17 млн швейцарских франков	9,18 млн швейцарских франков	7,13 млн	с июня 2002 по июль 2005	5,96 млн швейцарских франков	4,63 млн	с июня 2002 по июль 2005
Швеция	10,6 млн долларов и 6 млн евро	10,6 млн долларов и 6 млн евро	17,87 млн	с июня 2002 по июль 2005	нет данных	нет данных	нет данных
Япония	до 200 млн долларов США	8,55 млн долларов США	8,55 млн	с июня 2002 по июль 2005	7,98 млн долларов США	7,98 млн	с июня 2002 по июль 2005
ИТОГО:			около 6,462 млрд долларов США			около 3,04 млрд долларов США	

При анализе таблицы необходимо учитывать, что:

Информация о выделенных и израсходованных средствах взята из Ежегодного доклада рабочей группы «Большой восьмерки» по «Глобальному партнерству» за 2005 г.

Ряд доноров программы Глобального партнерства (Австралия, Бельгия, Ирландия, Нидерланды, Новая Зеландия, Польша, Чехия) в докладе рабочей группы «восьмерки» по Глобальному партнерству не упомянут.

Пересчет валют осуществился по курсу Центрального Банка России на 30 июня 2005 г.

Размер взноса стран в «Глобальное партнерство» взят из справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» (отв. ред. В.А. Орлов; М.: Права человека, 2005. 184 с.)

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ДЕЙСТВИИ

Новости двустороннего сотрудничества

Россия–Великобритания

Великобритания уделяет особое внимание проектам совершенствования физической защиты ядерных материалов. В 2005 г. законодательно одобрено выделение 4 млн фунт. ст. на эти цели. Пока реализуются два пилотных проекта по усилению физической защиты зданий Физико-энергетического института имени А.И. Лейпунского, расположенного в Обнинске, и НИКИЭТ имени Н.А. Доллежалы в Москве. Согласно консолидированному докладу рабочей группы «Большой восьмерки» по Глобальному партнерству стоимость проекта в НИКИЭТ не превышает ста тысяч фунтов. Однако если эти проекты будут развиваться успешно, то уже в 2006 г. можно ожидать расширения сотрудничества в таких сферах, как вопросы усиления контрольно-пропускных пунктов и периметров на других российских ядерных объектах.

Соб. инф.

В 2005 г. Великобритания выделяет 4 млн фунт. ст. на уничтожение российского химического оружия. Однако возможно, что появится дополнительное финансирование в размере 6 млн фунтов. Средства в британское Министерство обороны, отвечающее за программы утилизации химического оружия в России, могут прийти со счетов британского Министерства торговли и промышленности, отвечающего за утилизацию АПЛ.

Соб. инф.

В настоящее время в рамках программы Глобального партнерства Великобритания осуществляет утилизацию третьей АПЛ. На сей раз это многоцелевая АПЛ проекта 671 РТМ (*Victor III* по классификации НАТО), бортовой номер 296. Две предыдущие лодки, утилизированные на средства Великобритании, также были многоцелевыми, но относились к проекту 949 (*Oscar* по классификации НАТО). Великобритания выделяет на утилизацию этой лодки 3 млн фунт. ст. Генеральным подрядчиком программы утилизации АПЛ Великобританией является фирма «Ньюкем» (RWE NUKEM). Утилизацию осуществляет ФГУП СРЗ «Нерпа». Ориентировочная дата окончания работ – май 2006 г. Подписывать следующие исполнительные соглашения на утилизацию АПЛ Великобритания пока не планирует.

Соб. инф.

Россия–Германия

На ноябрь 2005 г. запланировано открытие объекта в Камбарке, который Россия строит при содействии ФРГ. Планируется, что уже этой зимой в Камбарке приступят к утилизации люизита. Важность скорейшего пуска объекта в Камбарке связана с тем, что 6,4 тыс. метрических тонн люизита, находящихся на этом объекте (а это почти 16% российских запасов химического оружия), хранятся в железнодорожных цистернах с конца 1940-х гг. Цистерны сделаны из толстой нержавеющей стали, однако, с учетом долгого времени хранения, агрессивная среда может привести к появлению микрповреждений, которые могут привести к разрушению цистерн.

На 18 ноября 2005 г. запланирован ввод в строй первой очереди берегового пункта долговременного хранения (ПДХ) реакторных отсеков в губе Сайда, на которой сможет разместиться 24 реакторных отсека. Полностью он должен быть введен в 2008 г. Предполагается, что там разместится 120 реакторных отсеков, а также несколько судов АТО и корпусов АПЛ.

Соб. инф.

Россия–Италия

22 июня Совет Федерации рассмотрел и одобрил российско-итальянское межправительственное соглашение о сотрудничестве в области утилизации АПЛ, выведенных из состава флота и безопасном обращении с радиоактивными отходами и ОЯТ. По сообщениям источников в Совете Федерации, забавная подробность этого заседания заключалась в том, что в подготовленных к заседанию документах, видимо, в силу большой срочности их подготовки, забыли указать, кто подписывал это соглашение от имени России. Данная оплошность исполнителей, готовивших документ, вызвала законное негодование сенаторов, тем не менее документ был одобрен Советом Федерации до выяснения лица, подписавшего соглашение от имени России.

Соб. инф.

Россия–Канада

1 августа 2005 г. при вырезке трехотсечного блока многоцелевой АПЛ, утилизация которой осуществляется на средства Канады, на ФГУП МП «Звездочка», расположенном в Северодвинске, произошел пожар. В результате пожара погибли два человека – сварщик и помощник сварщика. Причины инцидента до конца не известны. По факту пожара прокуратура Архангельской области возбудила уголовное дело по статье «Нарушение правил охраны труда». Возможные версии причин пожара – возгорание паров дизельного топлива или взрыв газа. Группа канадских специалистов по АПЛ посетила «Звездочку» в середине августа. Поскольку с лодки было выгружено ОЯТ, опасности серьезно заражения территории и акватории не было, хотя некоторая опасность утечки низкоактивных РАО из отсека была. Видимо, утечек удалось избежать. По имеющейся информации, в настоящее время радиационный фон в Северодвинске в норме.

Соб. инф.

В июне 2005 г. правительство Канады приняло решение о выделении дополнительных 55 млн канадских долл. на приобретение оборудования по уничтожению боезарядов с нервно-паралитическим газом для второго главного корпуса объекта в Щучьем. Эти средства будут выделены в рамках подписанного 18 января 2005 г. второго канадско-британского меморандума о взаимопонимании. Изначально в рамках этого меморандума Канада выделила 10 млн канадских долл. на создание системы предупреждения о химическом заражении в районе Щучьего. Благодаря новому проекту мощности Щучьего по уничтожению химического оружия должны удвоиться, что, несомненно облегчит своевременное выполнение Россией обязательств по КЗХО.

Соб. инф.

Россия–Норвегия

Заместитель генерального директора МИД Норвегии Роберт Квилле сообщил, что 11 мая 2005 г. было подписано исполнительное соглашение на утилизацию третьей многоцелевой атомной подводной лодки Северного флота бортовой номер 297, проект 671 РТМ (*Victor III* по классификации НАТО). По его словам, весьма вероятно, что уже осенью начнутся консультации по поводу четвертого исполнительного соглашения. В посольстве Норвегии отметили, что если консультации по исполнительному соглашению начнутся во время, то его реальное осуществление начнется осенью-зимой 2006 г. Г-н Квилле подчеркнул, что, в отличие от ряда других стран-доноров, работающих «программами» по нескольким лодкам, Норвегия предпочитает заключать отдельные исполнительные соглашения на каждую утилизируемую лодку. Генеральным подрядчиком с норвежской стороны является фирма «Стурвик и Ко» (Storvik & Co) со штаб-квартирой в городе Киркинес. Утилизация будет осуществляться на ФГУП СРЗ «Нерпа», расположенном в Снежногорске.

Соб. инф.

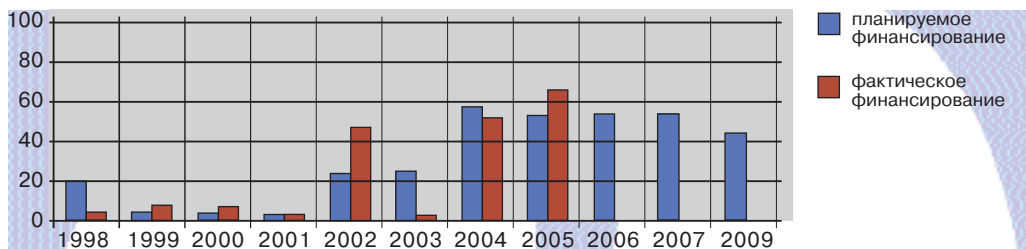

Россия–США

21 июля 2005 г. Сенат США 78 голосами «за» при 19 голосах «против» одобрил поправку к законопроекту о национальной обороне, предложенную сенатором Ричардом Лугаром. Эта поправка отменяет те перечни условий, которые Россия должна была выполнять для того, чтобы США продолжили сотрудничество с Россией в деле совместного уменьшения угрозы. Возможно, отмена этих условий приведет к активизации российско-американского сотрудничества в деле уничтожения химического оружия.

Официальный сайт сенатора Лугара;
<http://lugar.senate.gov/nunnlugar.html>.
 2005, 21 июля

Одним из приоритетов США при реализации программы Глобального партнерства остаются проекты в рамках программы «Вторая линия защиты» Министерства энергетики США. За последние три года фактическое финансирование программы превысило планируемое. Более подробную информацию о реализации программы «Вторая Линия Защиты» на юге России читайте в статье Екатерины Шадринной в этом номере *Ядерного Контроля*.

Финансирование Министерством энергетики США программы «Вторая линия защиты»

Соб. инф.

Президент США Дж. Буш продлил действие указа, гарантирующего беспрепятственную оплату поставок российского урана в США в рамках программы ВОУ-НОУ. В соответствии с документом, распространенным 18 июня Белым домом, счета, на которые поступают средства от выполнения соглашения об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия, по-прежнему будут являться неприкосновенными. Им обеспечен иммунитет от какого-либо судебного преследования и ареста. Впервые подобный указ был подписан в июне 2000 г. президентом Биллом Клинтонем. Это было необходимо для дальнейшей реализации соглашения 1993 г. ВОУ-НОУ между Москвой и Вашингтоном. В 2000 г. поставки российского урана в США были временно приостановлены, поскольку возникли опасения, что российские счета в США, на которые поступают эти средства, могут быть заблокированы по иску швейцарской компании «Нога».

ИТАР-ТАСС. 2005, 18 июня

Россия–Япония

Япония окажет содействие России в строительстве наземного хранилища реакторных отсеков АПЛ. Кабинет министров Японии намерен оказать содействие России в строительстве в Приморском крае наземного объекта для размещения до 100 реакторных отсеков утилизируемых атомных подводных лодок. Сооружение этого хранилища площадью 6 гектаров оценивается в 71 млн долл. США, двусторонние консультации о строительстве предполагается начать в сентябре, а сам объект планируется сдать в 2009 г.

Еще около 5 млн долл. Токио намерен затратить на создание системы контроля за уровнем радиации на земле и на море в районе, где производится разделка списанных атомных подлодок. Эти решения стали результатом поездки на Дальний Восток России парламентского секретаря МИД Японии Кацуюки Каваи, состоявшейся 9–11 июля 2005 г.

Киодо Цусин. 2005, 18 июля

Новости многостороннего сотрудничества

Россия – ЕБРР

Росатом и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) подписали 7 июля соглашение по финансированию ядерно-экологических проектов в России в рамках Многосторонней ядерно-экологической программы (МНЭПР). В рамках соглашения ЕБРР на безвозмездной основе финансирует оказание технической помощи для приобретения, установки и ввода в эксплуатацию оборудования и инфраструктуры, относящейся к подготовке и реализации в России ядерно-экологических проектов в рамках МНЭПР. Соглашение подписали заместитель руководителя Росатома С.В. Антипов и директор департамента ядерной безопасности ЕБРР Винс Новак.

РИА «Новости». 2005, 7 июля

10 июня 2005 г. в Москве в Центральном доме журналиста состоялись консультации с общественностью по Стратегической экологической оценке Стратегического Мастер Плана (СЭО СМП) утилизации АПЛ и надводных кораблей с ядерными установками в Северо-Западном регионе Рос-

сии. Мастерплан был разработан в рамках ядерного окна Программы ЭПСИ (Экологического партнерства «Северное измерение»). Финансирование этой программы осуществляется Российской Федерацией, Бельгией, Канадой, Данией, Европейским Союзом, Финляндией, Францией, Германией, Нидерландами, Норвегией, Швецией и Великобританией. В конце мая и начале июня консультации по СЭО СМП прошли в Мурманске и Северодвинске.

На консультациях в Москве выступил представитель Национальной ядерной корпорации (NNC) Марк Герчиков, презентовавший краткую версию отчета по СЭО СМП. С отчетом по СЭО СМП можно ознакомиться на сайте <http://www.ices.ru/download.htm>. Затем выступил директор Международного центра по экологической безопасности Росатома А.П. Васильев. Он привел следующую статистику:

	Всего в России	Северный флот
Выведено из эксплуатации АПЛ	195	118
Выгружено ОЯТ	136	89
Утилизировано	115	78
Сформированы реакторные отсеки	116	79

Докладчик подчеркнул, что были достигнуты значительные успехи. Осталось утилизировать около 25% лодок Северного флота, предприятия приступили к формированию одноотсечных блоков, в губе Андреева создана необходимая инфраструктура, закуплены мобильные санпропускники, средства радиационного контроля и индивидуальной защиты, проводится радиационное и инженерное обслуживание зданий и т.п. А.П. Васильев также выразил оптимизм в связи с расширением числа доноров (в том числе он отметил, что заключены первые контракты с французами).

В прениях по СЭО СМП выступили, в частности, начальник Управления вывода из эксплуатации ядерных и радиационно-опасных объектов Росатома В.Д. Ахунов; представители компании NNC Марк Даттон и Марк Герчиков; руководитель российского отделения «Беллоны» А.К. Никитин; представитель Курчатовского института О.А. Никольский; представитель НИКИЭТ В.А. Шишкин. Проведенная СЭО стала достаточным обоснованием для принятия ассамблеей доноров ЕБРР решения о начале финансирования работ, предусмотренных СМП.

Соб. инф.

Россия–ОЗХО

14–17 июня Россию с рабочим визитом посетил Генеральный директор Технического секретариата Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) Рохелио Пфиртер. Он провел встречи с министром иностранных дел России С.В. Лавровым, председателем Государственной комиссии по химическому разоружению С.В. Кириенко, с руководством Российского агентства по промышленности. Пфиртер также посетил строящийся объект по уничтожению химического оружия в поселке Камбарка (*Республика Удмуртия*).

«После посещения объекта в поселке Камбарка [...] у меня сложилось впечатление, что Россия выполнит в срок те задачи, которые она поставила перед собой в процессе уничтожения химоружия, я очень удовлетворен своей поездкой. У меня нет сомнений в том, что сейчас в России лучшие условия для выполнения второго этапа Конвенции», – заявил Рохелио Пфиртер.

Пресс-служба полномочного представителя президента в Приволжском федеральном округе. 2005, 17 июня

А также...

Одобренный Правительством России 21 июля 2005 г. проект Федеральной целевой программы по уничтожению химического оружия до 2012 г. предполагает увеличение объемов ее финансирования. На 2006 г. федеральный бюджет выделяет на эти цели 18,3 млрд. рублей.

Около 1,6 млрд рублей предполагается выделить на завершение строительства объектов по ликвидации химоружия в Удмуртии и Кировской области.

Красная Звезда. 2005, 28 июля

НАВСТРЕЧУ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ В «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКЕ»

13 июля состоялся Экспертно-консультативный совет ПИР-Центра. Тема заседания Совета: «Глобальное партнерство «Большой восьмерки»: на пути из Шотландии в Россию». На Совете свои доклады представили директор ДВБР МИД России А.И. Антонов, заместитель начальника инспекции Счетной палаты России Н.И. Калинина, координатор проекта «Глобальное партнерство» ПИР-Центра А.В. Булычев. Со вступительным словом выступил директор ПИР-Центра В.А. Орлов.

«Мы не только доноры, но мы и непосредственно участники всех нынешних проектов, и думаем о подключении к будущим проектам, которые будут осуществляться в рамках Глобального партнерства, в том числе и вне территории Российской Федерации» – заявил в начале своего выступления директор ДВБР МИД России А.И. Антонов. Докладчик выделил следующие достижения Глобального партнерства:

- Страны Глобального партнерства подтвердили свои обязательства. Из заявленных 20 млрд долл. США, подтверждено выделение 18 млрд, 2 из которых – это деньги Российской Федерации.
- За 2002–2005 гг. «в металле» от доноров получено около 320 млн долл.
- В области химического разоружения при иностранном содействии был построен объект по уничтожению химического оружия в Горном, на котором уничтожено более 900 тонн отравляющих веществ. Доноры оказывают большую помощь в строительстве объекта по уничтожению химоружия в Камбарке, который должен вступить в строй в 2005 г. Россия также рассчитывает, что объект в Щучьем вступит в строй в 2007 г. Россия более чем в два раза увеличила ежегодные бюджетные ассигнования на химическое разоружение.
- В области утилизации АПЛ за три года, прошедшие с момента запуска Глобального партнерства, в России утилизировано 53 АПЛ; 39 из них Россия утилизировала самостоятельно.
- Продвигается процесс формирования договорно-правовой базы Глобального партнерства.

А.И. Антонов несколько раз поблагодарил доноров программы «Глобальное партнерство». Он также отметил усилия государств, не являющихся членами «Группы восьми». Он, в частности, сказал, что 13 государств-участников программы «Глобального партнерства», не являющихся членами «Группы восьми», в сумме выделили около 200 млн долл. США на реализацию программы.

Говоря о том, зачем нужно Глобальное партнерство России, А.И. Антонов подчеркнул, что Глобальное партнерство – это способ решить ряд **разоруженческих и экологических проблем**. По его словам: «Никакой речи о проблемах распространения с территории Российской Федерации оружия массового уничтожения и связанных с ним материалов не идет».

Говоря о проблеме приоритетов, А.И. Антонов заметил, что российские приоритеты остаются неизменными – утилизация АПЛ и уничтожение химического оружия. «Никаких других приоритетов мы для себя не видим», – подчеркнул докладчик. В то же время А.И. Антонов сказал, что когда будут решены проблемы уничтожения химического оружия и утилизации атомных подводных лодок, Россия будет готова совместно с партнерами рассмотреть возможные новые приоритеты сотрудничества.

Говоря о проблемах Глобального партнерства, докладчик особо выделил следующие:

- По-прежнему не достигнута цифра 20 млрд долл.
- Некоторые партнеры в 2002 г. перевели свои программы совместного уменьшения угрозы под вывеску Глобального партнерства, но при этом не собираются запускать новых программ сотрудничества.
- Заявленные обязательства участников Глобального партнерства без России за прошедшие три года позволяли ожидать выделения содействия на сумму 4,8 млрд долл. В действительности Россия получила в 15 раз меньше.
- Некоторые доноры выдвигают идеи расширения Глобального партнерства на целый ряд стран, включая Ливию и Ирак, но при этом не предлагают соответствующего увеличения финансирования программы «Глобального партнерства».
- Не окончательно сформирована договорно-правовая база Глобального партнерства. Прежде всего – актуален вопрос продления «зонтичного» соглашения с США 1992 г., а также заключения и ратификации ряда соглашений с Великобританией, Францией и Италией.
- В тех случаях, когда договорно-правовая база создана, ее наличие, увы, далеко не всегда означает запуск реальных проектов.

«Действительно, прошло три года – а где мы находимся? Что делали наши партнеры и что делают присоединившиеся страны? [...] Все переведено под «зонтик» Глобального партнерства, [...] и многие посчитали, что уже сделали свой вклад – нашли новый политический лозунг для тех проектов, которые осуществлялись и раньше», – отметила заместитель начальника инспекции Счетной палаты России Н.И. Калинина, выступавшая в личном качестве. По ее словам за прошлые годы цифры реально доходившего до России финансирования были невысоки. Так, в области утилизации химического оружия до России доходило от 13 до 18 %, в сфере утилизации АПЛ – 20–30%, при сотрудничестве в других ядерных областях – до 40%.

Н.И.Калинина отметила, что исполнение обязательств по Глобальному партнерству оставляет желать много лучшего не только по объемам доходящих до России средств, но и по срокам. Россия вынуждена третий раз пересматривать программу, сроки и приоритеты по уничтожению химического оружия. Это угрожает России невыполнением обязательств по КЗХО со всеми вытекающими из этого неприятными последствиями. Впрочем, отметила Н.И. Калинина, техническое состояние российских боеприпасов, хранящихся без взрывателя, в настоящее время не вызывает серьезных опасений. Состояние же американских боеприпасов куда хуже, поскольку большая их часть хранится со взрывателями, что увеличивает возможности утечек. Однако по политическим мотивам США не смогут уничтожить свое химическое оружие до того как Россия уничтожит свое. Кроме того, Н.И. Калинина подчеркнула, что ряд партнеров, прежде всего Япония и ЕС, вкладывают в программу Глобальное партнерство на уровне явно более низком, чем их реальный донорский потенциал.

Н.И. Калинина также прокомментировала цифру 20 млрд долл., упоминаемую как цель программы Глобального партнерства. По ее мнению, России в настоящий момент для реализации своих приоритетов нужно менее 10 млрд долл. Однако, подчеркнула эксперт, эти средства нужны сегодня и в России, в противном случае даже миллиарды долларов, пришедшие с опозданием на несколько лет, не смогут поправить ситуацию. По словам Н.И. Калининой, «строительство крупномасштабного объекта повышенной опасности продолжается от трех до пяти лет – это при бесперебойном снабжении, если строить день и ночь». Впрочем, Н.И. Калинина отметила, что в реализации нельзя исключать и второй вариант: «Если опять начнутся какие-то срывы, в Конвенции [КЗХО. – *Ред.*] есть механизм, по которому можно вносить поправки».

Резюмируя, Н.И. Калинина отметила, что пока, учитывая фактическую реализацию, не может назваться перспективой реализации Глобального партнерства «очень радужными», и подчеркнула, что политика России, направленная на то, чтобы «слезть с иглы» донорских дотаций, – это шаг в правильном направлении.

Свое выступление координатор проекта «Глобальное партнерство» А.В. Булычев, работавший на саммите в качестве корреспондента *Ядерного Контроля*, начал с описания событий саммита «восьмерки» и документов, принятых там (подробнее об этом читайте в статье «Особенности саммита «Группы восьми» в Гленигглсе» на второй странице *Вестника Глобального партнерства*).

Говоря о документах по Глобальному партнерству, принятых в Шотландии, А.В. Булычев отметил, что, во-первых, в них подчеркивается важность долгосрочного планирования и реализации более сложных программ в будущем; во-вторых, необходимость большей скоординированности; в-третьих, стремление избежать параллельного планирования; в-четвертых, упоминается важность разрешения стандартных проблем, таких как доступ и налоги; в-пятых, поднимается вопрос о поправках. Поскольку ряд доноров работает через другие страны-доноры, через их межправительственные соглашения, то каждое новое выделение средств рассматривается как поправка к уже существующему соглашению, которая должна согласовываться в российских инстанциях, что по оптимистичным подсчетам занимает три месяца, по пессимистичным – куда больше.

Оценивая перспективы программы на ближайший период, А.В. Булычев подчеркнул: «Если не случится ничего катастрофического, Глобальное партнерство не станет приоритетом председательства России в «Большой восьмерке» в 2006 г. И именно в этой связи важно подумать о том, с какой точки зрения (экологической, контртеррористической или какой-то еще) лучше подавать его для разных партнеров». А.В. Булычев отметил, что в таких условиях важно рассмотреть возможные связи Глобального партнерства и энергетической безопасности, которая заявлена как приоритет российского председательства в «восьмерке». К примеру, будущие нефтеэкспортные терминалы на северном и восточном направлениях находятся недалеко от баз АПЛ, выведенных из состава флота, и безопасность этих новых экспортных маршрутов сложно будет обеспечить без решения проблем утилизации заметил А.В. Булычев.

ПИР-ЦЕНТР И ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО

13 июля 2005 г. состоялось заседание Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Тема заседания: «Глобальное партнерство «Большой восьмерки»: на пути из Шотландии в Россию». Краткое содержание докладов, представленных на заседании Экспертно-консультативного совета директором ДВБР МИД России А.И. Антоновым, заместителем начальника инспекции Счетной палаты России Н.И. Калининой и координатором проекта «Глобальное партнерство», научным сотрудником ПИР-Центра А.В. Булычевым, опубликовано в этом номере *Вестника*. Расшифровка выступлений и вопросов находится на сайте ПИР-Центра по адресу:

<http://www.pircenter.org/cgi-bin/pirnews/getinfo.cgi?ID=1954>

6–8 июля 2005 г. в Глениглсе, Шотландия, состоялся очередной регулярный саммит «Группы восьми». В качестве журналиста «Ядерного Контроля» на саммите работал научный сотрудник ПИР-Центра, координатор проекта «Глобальное партнерство» А.В. Булычев. На саммите были распространены аналитические материалы ПИР-Центра, в том числе статья А.В. Булычева «Локальные проблемы Глобального партнерства», посвященная трудностям, с которыми сталкивается реализация программы Глобальное партнерство в каждой из четырех приоритетных сфер. Со статьей можно ознакомиться по адресу:

http://www.pircenter.org/data/news/bulycev050705_r.pdf

Краткая версия статьи об итогах саммита «восьмерки» опубликована в этом номере *Вестника*. Полная версия статьи, а также репортаж А.В. Булычева с саммита «восьмерки» размещены на сайте ПИР-Центра по следующему адресу: <http://www.pircenter.org>

10 июня 2005 г. в Женеве под председательством директора ПИР-Центра В.А. Орлова и Постоянного представителя Италии при Конференции по разоружению посла Карло Трещца состоялся семинар «Совместная борьба с распространением: программа Глобального партнерства на новом этапе», организованный Женевским центром политики безопасности. С докладом на тему «Предотвращение распространения чувствительных знаний» выступил заместитель директора ПИР-Центра А.В. Хлопков. Более подробную информацию о семинаре можно найти по адресу: <http://www.gcsp.ch>

7 июня 2005 г. в Токио, Япония, состоялся семинар по Глобальному партнерству «Укрепляя безопасность Планеты», организованный Центром стратегических и международных исследований (США) и Японо-Российским комитетом по содействию в уничтожении ядерных вооружений, сокращаемых в Российской Федерации. После вступительных речей, одна из которых была произнесена экс-сенатором США Сэмом Нанном, участники перешли к обсуждению проблем и перспектив программы «Глобальное партнерство». Основной акцент на семинаре был сделан на утилизации АПЛ.

Делегация Росатома стремилась убедить японцев в необходимости наращивать финансирование комплексной утилизации АПЛ на Дальнем Востоке, указывая, прежде всего, на то, что Япония уже приняла на себя международные обязательства по оказанию помощи России и должна строго их придерживаться. Кроме того, указывалось на связь между своевременностью утилизации АПЛ и снижением террористической угрозы. Использовалась также и экологическая аргументация – были приведены некоторые данные о возможных загрязнениях территории Японии в случае аварии на российском Дальнем Востоке.

Делегация из США также говорила о необходимости увеличения Японией финансирования утилизации АПЛ на российском Дальнем Востоке. Экс-сенатор США Сэм Нанн показал, какие аргументы может использовать администрация США, если решит давить на Японию в этом вопросе. Если Япония хочет стать постоянным членом Совета Безопасности ООН, она должна показать, что способна брать на себя ответственность в решении проблем безопасности. Также выдвигались два дополнительных аргумента, которые скорее можно рассматривать как аргументы для японского правительства в общении с избирателями. Япония – это единственная страна, пострадавшая от ядерной атаки, кроме того, Япония – страна, пережившая теракт с применением ОМУ (распыление зараина в Токийском метро в 1995 г.), поэтому она острее других чувствует опасность терроризма с применением ОМУ.

Японские участники встречи говорили о том, что не вся выделенная ранее помощь была использована Россией и потому пока нет нужды в выделении дополнительных средств. Кроме того, японские участники ссылались на то, что налогоплательщикам будет сложно объяснить необходимость помощи «богатой» России, имеющей сверхдоходы от продажи нефти, в решении ее проблем. Японцы также призывали другие страны Тихоокеанского бассейна активнее участвовать в программах утилизации АПЛ на российском Дальнем Востоке. Что же касается ядерной угрозы, то для Японии ее скорее представляет ядерная программа КНДР, а не списанные российские АПЛ. В качестве дополнительных аргументов японцы выдвигали стандартную тройку

проблем – доступ, налогообложение, гражданская ответственность.

Итоги семинара показали, что при общении с японцами акцент на связку утилизации АПЛ и борьбы с международным терроризмом, видимо, был неправилен, поскольку японские участники не видели серьезной связи между проблемой выведенных из боевого состава АПЛ, находящихся на отдаленных и усиленно охраняемых базах и заводах, и проблемой терроризма. Акцент на международных обязательствах так же не являлся сильной переговорной позицией, поскольку обязательства, взятые на себя Японией в Кананаскисе, носят не юридический, а политический характер.

Видимо, есть два аргумента, которые могут подтолкнуть Японию к более активному вовлечению в Глобальное партнерство. Один из них приводился делегацией из США, однако Россия вполне может его использовать – исполнение Японией обязательств, взятых на себя в Кананаскисе, может рассматриваться как одно из условий принятия Японией в число постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Второй аргумент, к которому японская сторона оказалась весьма чувствительной, была экология. Даже не будучи главными в российской линии аргументации, экологические выкладки произвели достаточно сильное впечатление на японскую сторону (особенно на общественность и журналистов). Выступления японцев это подтвердили. Так, посол Японии в России Иссей Номура начал свое выступление на семинаре с воспоминаний о том, как в 1993 г. после аварии российского судна АТО, сопровождавшейся разливом жидких радиоактивных отходов в Японском море министр иностранных дел Японии созвал ночное совещание на своей частной квартире, итогом которого стало создание для российского Дальнего Востока на средства Японии плавучего комплекса переработки ЖРО «Ландыш».

Видимо, именно в сочетании этих двух аргументов ключ к более активному вовлечению Японии в реализацию проектов в рамках программы «Глобальное партнерство».

На семинаре присутствовали высокопоставленные представители профильных министерств и ведомств стран-участниц Глобального партнерства, представители посольств стран Глобального партнерства в Японии и России. В заседании также участвовали представители Инициативы по сокращению ядерной угрозы (США), Центра стратегических и международных исследований (США), ИМЭМО РАН.

На семинаре в Токио распространялись аналитические материалы и публикации ПИР-Центра. ПИР-Центр на семинаре представлял научный сотрудник, координатор проекта «Глобальное партнерство» А.В. Булычев.

22 апреля 2005 г. состоялось заседание Экспертного комитета Совета Федерации по международным делам по теме «Проблемы и перспективы реализации программы Глобального партнерства стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения в Российской Федерации». В качестве докладчиков на заседании выступили заместитель директора ПИР-Центра А.В. Хлопков и консультант ПИР-Центра В.З. Дворкин. С комментариями выступил директор ФГУП ДВЗ «Звезда» Ю.П. Шульган. Участники заседания обсудили законодательные инициативы, связанные с реализацией программы Глобального партнерства, которые могут быть внесены на рассмотрение Федерального Собрания в 2005 г.

Вестник Глобального партнерства, № 3(9), осень 2005

Редактор: Александр Булычев (bulychev@pircenter.org)

Электронная версия издания размещена на сайте ПИР-Центра по адресу: www.pircenter.org/rus/gp

Издание *Вестника* осуществляется в рамках международного проекта «Укрепление Глобального партнерства», координируемого Центром стратегических и международных исследований (США), при финансовой поддержке фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (США).

Армия – это мощнейшее средство обеспечения безопасности государства. Вооруженные силы любой страны предназначены, прежде всего, для защиты от внешних угроз. Иногда эти силы могут использоваться во внутренних конфликтах, как это происходило и все еще происходит, например, в Чечне. Однако, наряду с обеспечением безопасности, военная организация, будучи по природе своей авторитарной и располагая эффективными инструментами силового принуждения, может быть использована против гражданского общества. Поэтому контроль со стороны общества над вооруженными силами своей страны – это важное условие, которое может предотвратить злоупотребление военной силой в ущерб обществу.

Наличие гражданского контроля над деятельностью военной организации государства является не только обязательным компонентом демократического государства, но и необходимым условием повышения эффективности военной организации, боеспособности вооруженных сил. Опыт показывает, что без контроля со стороны общества в военной среде могут возникать нездоровые отношения как между офицерами и солдатами, так и среди солдат, что не может не влиять крайне отрицательно на боевой дух армии. Но дело не только в этом. Без эффективного гражданского контроля нет гарантии того, что военное строительство будет осуществляться таким образом, чтобы соответствовать интересам безопасности страны, а не тех или иных родов войск.

Президент В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации, оглашенном 26 мая 2004 г., подчеркнул: «Прошу иметь в виду Министерство обороны и правительство в целом: объемы затрачиваемых средств, интересы обороноспособности страны, а также важные социальные параметры реформы делают обязательным наличие гражданского контроля за эффективностью идущих в армии преобразований»¹.

Таким образом, проблема гражданского контроля над армией была поставлена на уровне задач общенационального масштаба. До этого она фигурировала в контексте Военной доктрины, принятой в 2000 г., в качестве первого основного принципа обеспечения военной безопасности в следующей формулировке: «сочетание твердого централизованного руководства военной организацией государства с гражданским контролем ее деятельности»².

Как же осуществляется контроль над вооруженными силами в современной России? Насколько он демократичен и эффективен? Какова роль гражданских политиков и специалистов в сфере обороны и безопасности в гражданском контроле над вооруженными силами и другими войсками и военными органами России?

Российские эксперты, занимающиеся этой проблемой, дают, как правило, весьма скептические оценки. Так, генерал-майор в отставке Ю.Я. Киршин пишет: «В настоящее время гражданский контроль (имеется в виду – в России. – Ю.Н.) находится только в началь-

ной стадии развития. Он не закреплён законодательно, имеется лишь проект федерального закона «О гражданском контроле над военной организацией РФ»³. А видный российский специалист по вопросам обороны и безопасности А.Г. Арбатов приходит к следующему выводу: «[...] России, конечно, еще предстоит долгий и болезненный путь формирования настоящего демократического государства. Это, в частности, относится к установлению гражданского контроля (институционального и реального) над военной организацией государства («силовыми» структурами), которая играет главную роль в сфере обороны и безопасности»⁴. Что касается роли гражданских специалистов в области обороны и безопасности, он же характеризует состояние этого вопроса как «глухую круговую оборону военного истеблишмента современной России, опирающегося на высшую государственную власть, левые, националистические и консервативные политические круги и вековые традиции российской отсталости и милитаристской паранойи»⁵.

И все-таки, какие формы гражданского контроля у нас уже существуют? Чтобы ответить на этот вопрос, нам предстоит совершить небольшой исторический экскурс, поскольку современная система контроля возникла не на пустом месте.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

В России всегда, по крайней мере со времен Петра Первого, вооруженные силы занимали приоритетное место в системе обеспечения национальной безопасности. В силу особенностей своего географического, или, точнее, геополитического положения наша страна в большей степени, чем многие другие государства, нуждалась в особенно сильной армии. Подвергаясь нападениям с запада, юга и востока, Россия должна была держать армию, достаточную для отражения этих внешних угроз. Конечно, армия нужна была не только для отражения агрессий, но и для расширения своей территории, что, впрочем, оправдывалось и оборонными интересами. В силу этого неотъемлемой частью нашей национальной психологии стала готовность идти на жертвы – на материальные, и в области прав и свобод – ради укрепления военной организации государства.

В советские времена эта готовность была превращена усилиями тотальной пропаганды в психологию «осажденной крепости», чему в большой степени способствовали и иностранная интервенция во время Гражданской войны, и нападение гитлеровской Германии, и холодная война. Эта психология была одной из основных опор тоталитарного режима.

Тем не менее это не означает, что армия была вне контроля. Напротив, политическое руководство страны жестко ее контролировало, используя еще со времен Гражданской войны как систему партийного контроля (комиссары, а впоследствии политруки и политуправления), так и спецслужбы (ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ). В конце 1930-х гг. такой «контроль» принял крайние формы: в основе физической ликвидации практически всего военного руководства страны лежали страх Сталина перед лицом усиления авторитета этого руководства в стране и стремление сохранить жесткий контроль над армией.

Смещение с высших командных постов маршала Жукова, ставшего национальным героем в результате победы в Великой Отечественной войне, сначала Сталиным, а впоследствии и Хрущевым, после его нового возвышения, – это также свидетельство боязни выпустить армию или, точнее, военное руководство, из-под контроля.

В послевоенные годы вплоть до конца 1980-х гг. политическое руководство отдавало высший приоритет интересам обороны и укреплению вооруженных сил, порой не считаясь с возможностями экономики страны. Сокращение Хрущевым армии на 1,2 млн человек вызвало серьезное недовольство со стороны военного руководства, что помогло Брежневу осуществить смещение Хрущева с высшего политического поста в октябре 1964 г.

Влияние военного руководства обеспечивалось не только менталитетом «осажденной крепости», но и режимом высшей секретности разработки и принятия решений по военно-политическим и военно-техническим вопросам. В силу такого режима по этим вопросам не существовало гражданской экспертизы, независимой от военно-промышленного комплекса. В результате военное руководство и оборонные министерства и ве-

домства решали не только чисто военные и военно-технические вопросы, но и более широкие военно-политические проблемы, такие как оценка военных угроз и, соответственно, военных потребностей страны. В результате возникали перекосы в пользу ведомственных интересов в ущерб интересам государственным.

Конечно, секретность во многих вопросах, связанных с безопасностью государства, – вещь неизбежная и необходимая, но порой она доходила до нелепостей. Так, к подписанному в 1979 г. советско-американскому Договору об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) был приложен Меморандум, в котором были названы количества различных видов стратегических вооружений каждой из сторон. Наши данные, которые составляли государственную и военную тайну, были переданы американцам по специальному решению Политбюро (аналогичные данные о своих стратегических вооружениях американцы передали нам). Договор со всеми приложениями, включая Меморандум, был опубликован в США. В СССР был опубликован текст Договора, а Меморандум оставался секретным. Когда на Генеральной Ассамблее ООН возник вопрос об издании Договора со всеми приложениями в качестве документа ООН, было запрошено на это согласие СССР и США. У США, естественно, никаких возражений не возникло, а Москва разрешила опубликовать лишь текст Договора, без Меморандума. В результате на английском языке были опубликованы все документы, а на русском – только текст Договора. По правилам ООН все английские тексты были переведены на все официальные языки ООН, включая русский. Таким образом, «секретный» (с точки зрения советской бюрократии) Меморандум все-таки появился и на русском языке, но как перевод с английского, а не в качестве оригинала.

К сожалению, это был далеко не единственный случай абсурдности существовавшей тогда секретности. Естественно, что полное отсутствие в открытых советских источниках каких бы то ни было данных, относящихся к военно-политической сфере, делало практически невозможным появление гражданской экспертизы в этой области.

Постепенно, однако, переговоры по ограничению вооружений и осуществление уже заключенных соглашений в этой области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, пробивали завесу абсолютной секретности и вовлекали все больше гражданских экспертов в сферу подготовки решений по военно-политическим вопросам.

В процессе подготовки к переговорам по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), которые начались в ноябре 1969 г. в Хельсинки, Политбюро ЦК КПСС приняло решение об учреждении «Комиссии Политбюро КПСС для наблюдения за переговорами по ограничению стратегических вооружений в Хельсинки». Комиссия функционировала в составе глав пяти ведомств: секретаря ЦК КПСС по вопросам обороны, Министерства обороны, МИДа, КГБ и Военно-промышленной комиссии Президиума Совета министров. Комиссия получила неофициальное, но прочно укоренившееся название «большой пятерки». Ее задачей была подготовка рекомендаций (главным образом, в виде проектов директив для делегаций), подлежащих утверждению на Политбюро.

В 1974 г. «большая пятерка» сформировала группу экспертов (на уровне заместителей министров – глав соответствующих подразделений), представлявших те же самые пять ведомств. Группа стала называться «малой пятеркой». Ее заседания проводились в Генеральном штабе под председательством первого заместителя начальника Генерального штаба. Группа готовила проекты рекомендаций для рассмотрения «большой пятеркой».

В подготовительную работу вовлекались соответствующие подразделения из пяти министерств и ведомств. Сотрудники аппарата ЦК КПСС, Военно-промышленной комиссии и МИДа составляли большую, постепенно расширяющуюся группу гражданских экспертов, участвовавших в подготовке решений по военно-политическим вопросам.

Механизм, первоначально созданный для обеспечения переговоров по ограничению стратегических вооружений, постепенно расширял сферу своей деятельности. В нее попали также переговоры о запрещении химического оружия, об обычных вооружениях в Европе и другие переговоры об ограничении вооружений. Время от времени на рассмотрение выносились и вопросы, прямо не связанные с переговорами об ограничении

вооружений, но требовавшие согласования между пятью указанными министерствами и ведомствами.

В результате уже с начала 1970-х гг. этот институт был в некоторой степени проводником гражданского влияния на военную политику – как в области промышленности и науки, так и в области внешней политики.

Особенно заметное влияние на военную политику гражданские эксперты стали оказывать во второй половине 1980-х гг. после прихода к власти М.С. Горбачева. В этот период межведомственная «пятерка» стала весьма эффективным механизмом. Генерал-лейтенант Н.Н. Детинов, который активно участвовал в работе «пятерки» на протяжении всего ее существования, и ученый-политолог А.Г. Савельев свидетельствуют: «Вклад Большой пятерки оказался очень эффективным в то время, когда было необходимо изменить взгляд на мир и философию мышления, а также традиционные взгляды на проблемы национальной безопасности»⁶.

В результате функционирования межведомственного механизма со смешанным участием военных и гражданских экспертов политическое руководство страны получало рекомендации и проекты решений, которые были тщательно и всесторонне взвешены. Это качество обеспечивалось тем, что их подготовка проходила через несколько уровней межведомственных обсуждений и согласований.

Далеко не всегда процесс взаимодействия гражданских и военных проходил гладко. Острые противоречия возникали, в частности, между министром иностранных дел Э.А. Шеварднадзе и министром обороны Д.Т. Язовым, которые по-разному понимали интересы безопасности Советского Союза. Первый стремился к соглашениям с США, направленным на прекращение гонки вооружений, истощавшей советскую экономику. Второй видел свою первоочередную задачу в сохранении и укреплении боеспособности советских вооруженных сил. Решения, принимавшиеся с учетом противоположных мнений, как правило, соответствовали интересам государства. Однако отступление от практики межведомственного согласования порой приводило к принятию глубоко ошибочных решений по военно-политическим вопросам.

В качестве иллюстрации таких несбалансированных решений можно привести историю создания и ликвидации Красноярской радиолокационной станции (РЛС). В сентябре 1989 г. в послании М.С. Горбачева президенту Дж. Бушу в связи со встречей министров СССР и США в Вайоминге было заявлено о готовности полностью ликвидировать Красноярскую РЛС. Выступая в Верховном Совете СССР 10 октября 1989 г., министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе дал такое объяснение этому решению: «Четыре года мы разбирались с этой станцией. Не сразу руководству страны стала известна вся истина. В конце концов убедились: да, эту станцию построили не там, где это можно было бы сделать»⁷.

В этой истории бездарно все – и само решение о строительстве РЛС в нарушение Договора по ПРО, и согласие на ее ликвидацию, которое иначе как безоговорочной капитуляцией не назовешь, а скандальное объяснение попросту нелепо.

Г.М. Корниенко, который в течение многих лет был заместителем, а потом и первым заместителем министра иностранных дел СССР, свидетельствует о том, что еще в сентябре 1985 г. он лично докладывал Э.А. Шеварднадзе истинную историю с Красноярской РЛС. Истина же заключалась в том, что руководство страны приняло решение о строительстве РЛС под Красноярском (а не в районе Норильска, как это предлагалось в другом варианте, что не нарушало бы Договор по ПРО) по соображениям экономии, проигнорировав мнение Генштаба о том, что это даст США формальные основания обвинять СССР в нарушении Договора по ПРО. «Другими словами, никто не вводил в заблуждение ни старое, ни новое руководство страны. Так что байка насчет четырехлетнего разбирательства в истинной истории Красноярской РЛС остается на совести Шеварднадзе», – заключает Г.М. Корниенко⁸.

Итак, несколько сот миллионов рублей (не нынешних, а тех, доинфляционных!) на строительство плюс несколько десятков миллионов рублей на демонтаж – такова цена этой

не поддающейся рациональному объяснению истории. Можно предположить – в попытке найти хоть какое-то объяснение, что настояли на строительстве РЛС в районе Красноярска те, кто был заинтересован в ассигнованиях на развитие ПРО («нашей советской СОИ») и, соответственно, в срыве Договора по ПРО. Строительство Красноярской РЛС отвечало этим целям. Впрочем, не слишком ли это хитроумное объяснение? Может быть, просто понадеялись на «авось пронесет»? Не пронесло.

Но почему же, согласившись устранить наше нарушение Договора, забыли о своих претензиях в адрес США? Нельзя ли было, прижав американцев с их двумя РЛС, построенными за пределами территории США, найти какое-нибудь компромиссное решение в отношении Красноярской станции, чтобы не нести колоссальных расходов? К сожалению, эта возможность использована не была. Но, по-видимому, неблагоприятное для М.С. Горбачева развитие внутренней обстановки настолько поставило его в зависимость от американской поддержки, что тут уж было не до «мелочей», которые могли ослабить эту поддержку. Так происходил закат великой державы.

Сами переговоры по контролю над вооружениями требовали тесного сотрудничества министерств и ведомств, причастных к сфере национальной безопасности (как за столом переговоров, так и при подготовке позиций). Кроме того, реализация заключавшихся соглашений о контроле над вооружениями требовала определенных национальных и международных мер контроля. В некоторых случаях создавались специальные органы, в которых участвовали гражданские лица наряду с военным персоналом. Так, например, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) предусматривал создание Специальной контрольной комиссии для содействия целям и реализации положений этого Договора. С аналогичными целями была создана Совместная комиссия по контролю над выполнением и инспектированию в рамках Договоров о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Аналогичный орган был предусмотрен для СНВ-2 (этот Договор не вступил в силу).

Государства-участники Конвенции о химическом оружии создали Организацию по запрещению химического оружия для обеспечения достижения целей Конвенции и реализации ее положений, включая те, которые предусматривают контроль над ее выполнением, а также для того, чтобы предоставить форум странам-участникам для консультаций и сотрудничества. Помимо этого Конвенция предусматривала создание национального органа, который осуществлял бы связь с другими государствами-участниками как через международную организацию, так и напрямую. Такой орган был создан.

Важную роль для установления контроля над обычными вооруженными силами сыграло осуществление Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Аналогичный процесс происходил и с выполнением Договора о нераспространении ядерного оружия. Для наблюдения за его осуществлением была создана Межведомственная комиссия, в которую вошли МИД, Минсредмаш⁹, Минобороны, КГБ и некоторые другие ведомства. Международное право договоров предусматривает, что каждый участник международного соглашения обязан привести свое внутреннее законодательство в соответствие с принятыми международными обязательствами. Очень скоро, однако, выяснилось, что в Советском Союзе законодательство в ядерной области практически не существует. Вместо него существовал набор сверхсекретных инструкций, которые хранились в сейфах Минсредмаша.

Для разработки «атомного» законодательства была создана специальная рабочая межведомственная группа. Ее возглавил заместитель министра иностранных дел Г.М. Корниенко. В нее входили сотрудники МИДа, Минсредмаша, некоторых других ведомств, а также несколько юристов из Института государства и права Академии наук СССР.

Главная трудность, с которой столкнулась рабочая группа, была связана с нежеланием руководства Минсредмаша превращать свои сверхсекретные внутриведомственные инструкции в общесоюзное законодательство. Конечно, гораздо удобнее жить, когда издаешь сам для себя правила жизни: ты их делаешь удобными для себя, не очень заботясь о неудобствах для других, и можешь, когда захочешь, их изменить. Если, скажем, тебе удобно просто закапывать ядовитые радиоактивные отходы, без их изоляции от

внешней среды, то пишешь себе подходящую инструкцию и загаживаешь землю и ее недра на сотни лет вперед. А то, что эти ядерные могильники могут помешать провести через их территорию дорогу или построить там что-нибудь, это уж не твоя забота.

В конечном счете законодательство, регламентирующее деятельность в ядерной области, было разработано. В задачу этой статьи не входит оценка того, в какой мере оно оказалось эффективным. Но во всяком случае это законодательство положило конец вредной и опасной монополии одного ведомства, создавшего по сути «государство в государстве». А начало этому процессу положило заключение Договора о нераспространении ядерного оружия.

Таким образом, переговоры по мерам ограничения вооружений и нераспространению способствовали вовлечению в процесс подготовки решений по военно-политическим вопросам и в сами переговоры довольно широкого круга специалистов, в том числе из невоенных областей. Очень важным аспектом взаимодействия военных и гражданских экспертов стало то, что и те и другие приобретали более глубокое и более ясное понимание проблем безопасности: гражданские начинали лучше понимать военные проблемы, а военные получили возможность взглянуть на проблемы безопасности шире, выйдя за рамки чисто военных аспектов.

Переговоры постепенно размывали «закрытость» советского общества, помогая преодолевать иррациональную манию секретить все и вся, не делая различий между тем, что представляет собой действительно секрет, а что можно и нужно предать гласности, чтобы не навредить государству и обществу.

Кроме того, договоры по контролю над вооружениями стимулировали оживленные научные и общественные обсуждения вопросов безопасности, связанных с этими договорами, а также парламентские дебаты, особенно на стадии ратификации каждого из договоров государствами-участниками.

Со временем эти дискуссии стали содействовать смягчению ограничений доступа общественности к информации, касающейся результатов реализации соответствующих договоров, а также военно-технической информации о военно-промышленном потенциале государства.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Складывавшиеся на протяжении столетий национальные традиции, специфический менталитет, несомненно, затрудняют процесс вмешательства общества в дела обороны и безопасности в современной России. В то же время они накладывают определенный отпечаток на те меры, которые осуществляются для развития гражданского контроля.

В современной России внимание широкой общественности к военно-политическим проблемам опирается, во-первых, на большую, по сравнению с советскими временами, доступность открытой информации и, во-вторых, на появление высококвалифицированных специалистов по этим проблемам, которые имеют возможность освещать их в средствах массовой информации.

Начало таким открытым дискуссиям было положено в 1991–1992 гг. в связи с подготовкой к ратификации Договора СНВ-1. В дальнейшем широкому обсуждению был подвергнут проект Договора о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). Многочисленные форумы и публикации в печати внесли свой вклад в подготовку Государственной Думой Российской Федерации взвешенного решения о ратификации Договора с соответствующими оговорками и заявлениями, которые должны были нейтрализовать для России недостатки этого Договора, если бы он вступил в силу.

В связи с Договором СНВ-2 и с подготовкой к переговорам о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений в России во второй половине 1990-х гг. раз-

вернулась широкая дискуссия о возможной структуре и размерах стратегических ядерных сил, а также об их соотношении с силами общего назначения. Трудно сказать, какое влияние оказала эта дискуссия на адаптацию российских вооруженных сил к новым реальностям. Но во всяком случае она способствовала лучшему пониманию обществом потребностей и возможностей страны в области обороны.

Состоялись обсуждения и Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (был подписан в мае 2002 г.) в связи с его ратификацией.

Разумеется, появились и другие, качественно новые формы гражданского контроля над вооруженными силами. Если говорить о степени открытости этих форм, то на первое место надо поставить практику привлечения ученых и представителей общественности к разработке различного рода концептуальных документов – концепции национальной безопасности, военной доктрины, концепции внешней политики и т.д. Документы эти не имеют директивной силы, но, как предполагается, на их основе должны приниматься решения по практическому проведению политики как в области безопасности в целом, так и по ее конкретным аспектам. Они позволяют строить политику с учетом новых геополитических и экономических реальностей, осуществлять ее планирование в долгосрочной перспективе и, что также немаловажно, искать необходимый консенсус в поддержку этой политики. Это последнее обстоятельство требует максимально публичного хода подготовки концептуальных документов.

Основная схема концепции национальной безопасности выглядит примерно следующим образом:

- анализируются существующая ситуация и перспективы ее развития;
- формулируются жизненно важные интересы страны;
- оцениваются угрозы и вызовы безопасности – как существующие, так и могущие возникнуть;
- намечаются основные направления обеспечения жизненно важных интересов и противодействия угрозам и вызовам;
- предлагаются рекомендации относительно конкретных путей и средств обеспечения безопасности.

Подготовка первой Концепции национальной безопасности началась в России еще в 1992 г. и завершилась лишь в декабре 1997 г. Работа началась с того, что Совет безопасности Российской Федерации создал межведомственную группу, в которую вошли эксперты из МИДа, Министерства обороны, включая в первую очередь представителей Генштаба, МВД, разведывательной и контрразведывательной служб. Были также привлечены эксперты из ключевых экономических ведомств. Позднее, когда был подготовлен первый проект, к процессу подключились эксперты из аппарата Верховного Совета (а впоследствии – Государственной Думы). Следующей стадией стало проведение широкой конференции, в которой приняли участие, помимо представителей исполнительной власти и парламента, также специалисты-теоретики из различных научных учреждений и неправительственных организаций. В дальнейшем последовала широкая дискуссия в средствах массовой информации, в ходе которой некоторые организации (например, Совет по внешней и оборонной политике) выдвинули альтернативные проекты концепции. Эта дискуссия позволила аппарату Совета безопасности внести соответствующие коррективы в документ, который был представлен на рассмотрение Совета безопасности и на утверждение президентом.

Конечно, было бы логично, приняв Концепцию национальной безопасности, на ее основе разрабатывать концепцию внешней политики и военную доктрину. Однако из-за длительности разработки Концепции национальной безопасности возникла необходимость принять и Концепцию внешней политики, и Военную доктрину, не дожидаясь завершения работы над Концепцией национальной безопасности. Разумеется, для разработки были использованы те наработки в отношении угроз безопасности, которые были уже

сделаны в ходе подготовки концепции. Кроме того, чтобы подчеркнуть предварительный характер обоих документов, они были названы «Основными положениями»: «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» и «Основные положения военной доктрины Российской Федерации». Первый документ был утвержден в апреле, а второй – в октябре 1993 г.

Оба документа разрабатывались под руководством секретаря Совета безопасности Ю.В. Скокова экспертами аппарата Совета безопасности, МИДа, Министерства обороны и некоторых других ведомств. В работе принимали участие также представители двух комитетов Верховного Совета – по международным делам и внешнеэкономическим связям и по обороне и безопасности. На той стадии открытость еще не стала нормой. Поэтому ни то, ни другой документы не обсуждались на стадии подготовки на открытых форумах. По той же причине они не были полностью опубликованы. Вместо этого содержание «Основных положений концепции внешней политики» было подробно изложено в статье заместителя начальника управления аппарата Совета безопасности В. Чернова, которая была опубликована в «Независимой Газете» 29 апреля 1993 г., а «Основные положения военной доктрины» появились в печати в виде изложения (купюры, которые были сделаны в документе, относились к чисто техническим положениям). Вообще, надо сказать, и тот и другой документы, будучи первоначальными попытками в области концептуализации сферы безопасности, носили на себе заметные следы «первых блинов». Главный недостаток обоих документов – недостаток конкретных рекомендаций. Впрочем, надо учитывать, что чересчур общие формулировки этих документов явились в значительной степени результатом стремления найти компромисс в интересах общественного консенсуса.

В ходе работы над «Основными положениями военной доктрины» выявилось два наиболее острых момента – условия для применения ядерного оружия и возможность использования вооруженных сил во внутренних конфликтах.

Напомним, что в 1982 г. Советский Союз заявил об отказе применять ядерное оружие первым. Такое же заявление было сделано Китаем. Три другие ядерные державы – США, Великобритания и Франция – исходили и продолжают исходить из возможности применить ядерное оружие не только в ответ на ядерное нападение. При разработке первой российской военной доктрины («Основных положений») учитывались и позиция этих трех западных держав, и существенное сокращение обычных вооруженных сил как в результате распада Советского Союза, так и по причине резкого сужения экономических возможностей России. С учетом этих обстоятельств и в целях укрепления позиций сдерживания документ не отрицал возможность применения ядерного оружия не только в ответ на ядерное нападение. При этом также отмечалось, что «факторами, повышающими опасность перерастания войны с применением обычных средств поражения в ядерную, могут стать преднамеренные действия агрессора, направленные на уничтожение или нарушение функционирования стратегических ядерных сил, системы предупреждения о ракетном нападении, объектов ядерной энергетики, атомной и химической промышленности»¹⁰.

В связи с вопросом о возможности использования вооруженных сил во внутренних конфликтах нужно учитывать, что завершающая стадия разработки военной доктрины совпала с периодом острейшей конфронтации президента и парламента, завершившейся преступным применением вооруженной силы против парламента. Причем доктрина утверждалась всего лишь через месяц после разгрома парламента. К тому же в Чечне, где хотя еще и не начата была полномасштабная война, уже созрел острейший конфликт дудаевского режима с Москвой. Понятно поэтому особая острота указанного вопроса. В конечном счете в доктрину были включены положения, допускавшие и регламентировавшие использование «отдельных формирований Вооруженных Сил» во внутренних конфликтах. В документе говорилось: «Целью применения войск и сил, привлекаемых для локализации и пресечения таких конфликтов, является скорейшая нормализация обстановки, восстановление законности и правопорядка, обеспечение общественной безопасности, оказание необходимой помощи населению и создание условий для урегулирования конфликтов политическими средствами. [...] Для содействия органам вну-

тренних дел и внутренним войскам Министерства внутренних дел Российской Федерации в локализации и блокировании района конфликта, пресечении вооруженных столкновений и разъединении противоборствующих сторон, а также в защите стратегически важных объектов, в порядке, установленном действующим законодательством, могут привлекаться отдельные формирования Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации»¹¹.

Тем временем продолжалась работа над Концепцией национальной безопасности, причем, как было показано выше, процесс этот проходил открыто, с привлечением общественности. Документ был утвержден 17 декабря 1997 г. и полностью опубликован в печати. В скором времени развитие международной обстановки и изменения внутри России потребовали внесения корректив в Концепцию национальной безопасности. Новая концепция была принята 10 января 2000 г. На ее основе были разработаны Концепция внешней политики (принята 28 июня 2000 г.) и новая Военная доктрина (21 апреля 2000 г.). Они развивали «Основные положения концепции внешней политики» и «Основные положения военной доктрины» и конкретизировали положения новой Концепции национальной безопасности применительно, соответственно, к внешнеполитической и военной сферам. Их принятию предшествовали публичные дискуссии на основе предварительных проектов, опубликованных в печати.

Если в Концепции национальной безопасности проблема безопасности рассматривается в комплексе, то в Военной доктрине, естественно, детально разрабатывается раздел о военных средствах обеспечения безопасности, что включает в себя и стратегию, и структуру вооруженных сил, и военно-технические возможности.

Новая Военная доктрина, по сравнению с «Основными положениями» 1993 г., еще более определенно сформулировала положения о возможности применения ядерного оружия: «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»¹².

Еще дальше новая доктрина пошла в вопросе об использовании вооруженных сил во внутренних конфликтах. Разумеется, учитывался чеченский опыт. Теперь уже речь не идет о вспомогательном «привлечении отдельных формирований», а прямо говорится, что цель применения вооруженных сил во внутренних конфликтах – «разгром и ликвидация незаконных вооруженных формирований, создание условий для полномасштабного урегулирования конфликта на основе Конституции Российской Федерации и федерального законодательства». Причем «для решения задач во внутреннем конфликте могут создаваться объединенные (разноведомственные) группировки войск (сил) и органы управления ими»¹³.

Интересным моментом доктрины 2000 г. было то, что там, как отмечалось в начале этой статьи, появилось положение о гражданском контроле.

В октябре 2003 г. появились публичные признаки того, что в Военную доктрину Российской Федерации будут внесены изменения. 2 октября 2003 г. в Министерстве обороны состоялось совещание с участием президента В.В. Путина и руководителей силовых ведомств, на котором министр обороны С.Б. Иванов зачитал подготовленный в его министерстве доклад «Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации». Особое внимание средств массовой информации (как российских, так и зарубежных) привлекли в нем следующие моменты:

1. Было заявлено, что Россия пересмотрит планы военного строительства, если НАТО сохранится как военный альянс с наступательной военной доктриной¹⁴.
2. Упоминалась возможность превентивного применения силы Россией, «если этого будут требовать интересы России или ее союзнические обязательства». Такими угрозами С.Б. Иванов считает «вмешательство во внутренние дела РФ со стороны иностранных государств или организаций, поддерживаемых иностранными государствами», а также «нестабильность в приграничных странах, порожденную слабостью их цент-

ральных правительств»¹⁵. Впоследствии, находясь в США, С.Б. Иванов следующим образом пояснил это положение: «Никаких превентивных ядерных ударов там (в доктрине) нет. Там есть другое: Россия оставляет за собой право превентивно использовать военную силу, в том числе и в странах СНГ». И добавил про права миллионов соотечественников, проживающих в странах СНГ, о которых Россия помнит, и о низких ценах на энергоресурсы, по которым они поставляются в страны Содружества¹⁶.

3. Было подчеркнуто, что в отражении угроз ставка в первую очередь делается на силы постоянной готовности. Как заявил С.Б. Иванов, «силами постоянной готовности без проведения дополнительных мобилизационных мероприятий Россия должна успешно решать задачи одновременно в двух вооруженных конфликтах любого типа, а также осуществлять миротворческие операции как самостоятельно, так и в составе многонациональных контингентов»¹⁷.
4. Отметив, что международные операции по применению военной силы все чаще происходят «вне традиционных военно-политических организаций» коалициями, сформированными на временной основе, документ сообщает, что Россия, хотя и выступает за «строгое соблюдение международного права», также может вступать в них. И далее: «Россия поддерживает усилия по борьбе с международным терроризмом в рамках антитеррористической коалиции, являющейся элементом глобальной стабильности и средством установления более справедливого нового мирового порядка».

После оглашения документа С.Б. Иванов в интервью газете «Известия» сообщил, что документ готовился внутри Министерства обороны, а на более поздней стадии к работе были подключены администрация президента и руководство МИДа. Подчеркнув, что документ – это видение Министерства обороны», он сказал: «Спорьте, опровергайте, мы готовы к дискуссиям с гражданским обществом»¹⁸.

По всей видимости, документу «Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации», приобретшему известность как «доктрина Иванова», еще только предстоит превратиться в официальную военную доктрину. Оглашение же его, очевидно, действительно преследует цель вызвать реакцию как внутри страны, так и за рубежом. Не следует забывать и о том, когда документ был оглашен – незадолго до выборов в Думу и в преддверии президентских выборов в России. Однако, каковы бы ни были предвыборные или иные тактические мотивы, практика заблаговременного обнародования доктринальных идей, несомненно, способствует не только более полной информированности гражданского общества об основных направлениях будущего военного планирования, но и расширению возможностей этого общества влиять в какой-то мере на это планирование.

РОЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Как видно из предыдущего раздела, ведущую роль в подготовке концептуальных документов в России играет Совет безопасности, а его аппарат координирует эту подготовку. Этим, однако, не ограничивается его роль в осуществлении гражданского контроля в сфере безопасности.

При этом нужно иметь в виду, что Председателем Совета безопасности является Президент РФ, а его секретарем – бывший министр иностранных дел И.Д. Иванов. Иными словами, его руководство и на высшем, и на исполнительном уровнях осуществляется гражданскими лицами. Кроме того, в состав Совета наряду с руководителями силовых ведомств входит ряд гражданских руководителей (председатель правительства, министр иностранных дел¹⁹, спикеры обеих палат парламента, руководитель администрации президента, президент Академии наук РФ, семь полномочных представителей президента в федеральных округах). В аппарат Совета безопасности также входят и гражданские эксперты, и военные.

В число основных задач Совета безопасности входит решение важнейших вопросов, относящихся к сфере безопасности: определение жизненно важных интересов личности, общества и государства и выявление внутренних и внешних угроз объектам безопасно-

сти; разработка основных направлений стратегии обеспечения безопасности Российской Федерации и организация подготовки федеральных программ ее обеспечения; подготовка рекомендаций Президенту Российской Федерации для принятия решений по вопросам внутренней и внешней политики в области обеспечения безопасности, а также ряд других задач²⁰.

Легко заметить, что традиции, сложившиеся в советские времена в области принятия решений по вопросам безопасности, наложили свой отпечаток на систему принятия решений по этим вопросам в современной России и, в частности, на Совет безопасности РФ. Как прежде, так и сейчас руководители министерств и ведомств, относящихся к сфере безопасности, хотя и входят в состав правительства, подчиняются не его председателю, а напрямую президенту. Председатель правительства, секретарь СБ, министр иностранных дел, министр обороны и директор Федеральной службы безопасности, как постоянные члены СБ, обладают равными правами при принятии решений. Вспомним, что голоса руководителей МИДа, Минобороны и КГБ²¹ были решающими в Политбюро при принятии решений по важнейшим военно-политическим вопросам, по крайней мере с той поры, как они стали входить в его состав.

В какой мере и насколько эффективно Совет безопасности способствует осуществлению гражданского контроля над сектором безопасности, судить трудно, ввиду того, что публикуемые официальные сообщения о деятельности Совета весьма лаконичны и чисто формальны. Тем не менее состав и самого Совета, и его аппарата дает возможность для такого контроля.

За последнее время аппарат Совета безопасности провел интернет-конференцию и несколько «круглых столов» по стратегии национальной безопасности с привлечением российских ученых и представителей общественности.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ И РОЛЬ СМИ

Действенным средством контроля над вооруженными силами является военный бюджет, рассматриваемый и утверждаемый в демократических странах парламентами. Однако эффективность парламентского контроля зависит по крайней мере от двух факторов: во-первых, от того, насколько полна информация, предоставляемая министерством обороны по военному бюджету, и, во-вторых, от наличия в парламенте гражданских депутатов, обладающих необходимыми экспертными знаниями по военным вопросам и не являющихся лоббистами министерства обороны.

Проведший для «Независимого Военного Обозрения» специальное исследование В. Иванов считает, что «непрозрачность военного бюджета существенно затрудняет контроль со стороны ГД и СФ»²². Он отмечает, что больше половины статей закрыты и цифры в них приходится просто принимать на веру. К тому же у Минобороны нет стабильной политики в определении секретности статей бюджета. «По словам некоторых депутатов, – пишет он, – одна статья в прошлом году может быть открытой, а в текущем ее закрывают, и наоборот»²³.

Другим обстоятельством, затрудняющим гражданский контроль вооруженных сил со стороны российского парламента, является то, что, как правило, и в Думе, и в Совете Федерации роль экспертов по военным вопросам выполняют бывшие военные, которые чаще всего выступают как лоббисты Министерства обороны и Вооруженных сил.

Главное препятствие для формирования гражданской экспертизы по военным вопросам – это дефицит информации. Правда, в Москве на базе академических институтов существует несколько центров, специализирующихся на военно-политической тематике. Наиболее известные среди них Институт США и Канады, а также центры, существующие на базе ИМЭМО, МФТИ. Заметную роль играют ПИР-Центр и Совет по внешней и оборонной политике. Аккумулируемая, анализируемая и распространяемая ими информация вносит полезный вклад в становление независимой гражданской экспертизы по военным вопросам.

Значительно более эффективную роль в гражданском контроле над вооруженными силами могли бы играть российские СМИ, если бы у них был более широкий доступ к информационным источникам. В 1990-е гг. на страницах некоторых органов российской печати появлялись острые материалы, вскрывавшие случаи коррупции в военном руководстве, дедовщины и другие позорные явления в российской армии. В ряде случаев материалы затрагивали непосредственно тогдашнего министра обороны П.С. Грачева. Общественное мнение было потрясено убийством журналиста «Московского комсомольца» Дм. Холодова, автора нескольких острокритических материалов (судебный процесс над организаторами и исполнителями убийства продолжается до сих пор).

Из российских СМИ, продолжающих освещать положение в российских вооруженных силах, следует отметить в первую очередь «Независимое Военное Обозрение».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попробуем подытожить: как же в реальной жизни обстоит дело с выполнением поставленной российским руководством задачи об установлении гражданского контроля над военной организацией российского государства?

К сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на некоторые положительные сдвиги, которые произошли по сравнению с советским периодом до конца 1980-х гг., эффективного гражданского контроля в России не существует. Более того, те его зачатки, которые существовали некоторое время назад, имеют тенденцию к свертыванию.

Государственная Дума если и осуществляет контроль за военным бюджетом, то по-прежнему в самом общем виде, к тому же при очевидном снижении роли оппозиции. Растет закрытость источников информации, усиливаются замкнутость и келейность при принятии решений по военно-политическим вопросам. Конечно, наивно было бы ожидать, чтобы заседания Совета безопасности и совещания президента с руководителями «силовых» ведомств транслировались по телевидению. Военно-политические дела в высшей степени деликатны и часто связаны с секретной и сверхсекретной информацией. Но привлекаются ли к подготовке решений по этим вопросам гражданские специалисты, способные высказывать независимые суждения, диктуемые не их принадлежностью к тому или иному ведомству, а их экспертными знаниями и здравым смыслом? Не слышно об этом. А если какие-то «круглые столы» и «интернет-конференции» по стратегии национальной безопасности и проводятся, то, видимо, не так, чтобы они помогали избежать ошибочных решений по конкретным вопросам национальной безопасности.

Из-за отсутствия информации трудно анализировать внутренние причины несоответствия между официально поставленной задачей осуществления гражданского контроля над военной организацией государства и существующей практикой. Но, думается, не последнюю роль в торможении демократических процессов в России в настоящее время играет причина внешняя – политика западных стран. Этот фактор на Западе или недооценивается, или им просто-напросто пренебрегают. Провозглашая принципы демократии и свободы, эта политика на самом деле толкает Россию в прямо противоположном направлении, что позволяет серьезно усомниться в подлинных мотивах Запада.

По сути дела в настоящее время происходит возврат к конфронтации, прежде всего с США. Интересы России, с одной стороны, и США вместе с некоторыми западноевропейскими странами – с другой, сталкиваются прежде всего в странах СНГ (борьба за влияние), а также на мировых рынках – в области ядерной энергетики, космических услуг, продажи оружия. Это столкновение интересов сопровождается с западной стороны антироссийской кампанией и на официальном уровне, и в СМИ, в ходе которой против России выдвигаются обвинения и в нарушении свобод и прав человека, и в антидемократических мерах в ходе проведения политических и экономических реформ, и в нарушениях режима нераспространения ядерного оружия в процессе сотрудничества с другими странами в области ядерной энергетики. Особое место в этой кампании занимает политика Москвы в Чечне. Использование Западом «двойных стандартов» особенно бросается в глаза при сопоставлении западной реакции на эту политику и на политику

США в отношении Ирака. Трудно отделаться от впечатления, что эта кампания в значительной степени основывается на сожалении о том, что в России укрепляется власть и наводится порядок.

К этому следует добавить (а может быть, с этого следовало бы и начать), что в начале ХХI века США определенно встали на путь одностороннего силового решения мировых проблем. Не найдя в Ираке оружия массового уничтожения, что было первоначальным предлогом для оккупации страны, США стали объяснять свои действия интересами установления там демократического режима. Хорошо известны результаты этих действий.

Не только крайние националисты, но и более прозападно настроенные люди в России, экстраполировав иракский, а также предыдущий югославский опыт, как и воинственные американские заявления в отношении Ирана и Сирии, на Россию – в сочетании с антироссийской кампанией, ведущейся на Западе, стали приходить к убеждению о необходимости сохранения и поддержания эффективных сил сдерживания. По сути дела, начался возврат к менталитету «осажденной крепости». А этот менталитет, как известно, готов примириться с издержками в области прав и свобод.

Помимо этого общего эффекта внешнего фактора, нельзя обойти молчанием и вполне конкретный результат. Отказавшись от договорного контроля над вооружениями, США лишили Россию этого весьма эффективного канала демократического воздействия на военную организацию. Причем, как представляется, в России этот отказ был встречен без сожаления. Об этом свидетельствует, в частности, та легкость, с которой Дума ратифицировала Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов. В самом деле, этот Договор только называется договором, а по сути дела является весьма общим заявлением о намерениях и не связывает руки ни одной из сторон. Не предусматривает он и международного контроля. И в самом деле, как осуществлять контроль за выполнением договора, который не предусматривает, что должно сокращаться (боезаряды или средства доставки), как они должны сокращаться (уничтожаться, демонтироваться или просто сниматься с боевого дежурства) и как, по каким правилам подсчитывать те боезаряды, которые могут остаться в результате осуществления договора (как показал опыт подготовки обоих договоров по СНВ, эти правила обязательно должны быть оговорены во избежание последующих недоразумений). Договор не мешает сторонам восстановить свои стратегические ядерные арсеналы в случае выхода из Договора.

Но не будем все наши беды валить на Запад.

Известно, что второй президентский срок в странах, где президент не может баллотироваться на третий срок, как правило, бывает связан с наибольшим количеством ошибок, нередко носящих драматический для страны и фатальный для самих президентов характер. Если взять историю США, имеющих наибольший опыт в этом отношении, то достаточно вспомнить хотя бы вторые сроки правления Никсона и Клинтона. Причины этого явления, которые заслуживают специальных исследований, видимо, носят и политический, и психологический характер. Не хотелось бы, чтобы это явление стало правилом и у нас в России.

В этих условиях особенно важно взвешенно и осторожно принимать решения, которые, укрепляя государственную власть, расшатанную в предыдущие полтора десятка лет, не переступали бы грань между ее укреплением и возвратом к полному «зажиму». А для этого необходима сильная конструктивная оппозиция и независимая (от власти предрешающих) экспертиза. От соблюдения этих условий выиграют и экономическое развитие, и национальная безопасность страны.

Примечания

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2004/05/64879.shtml>

² Приложение к Указу Президента Российской Федерации № 706 от 21 апреля 2000 г.

- ³ Киршин Ю. Забытые сферы военного реформирования. *Независимое Военное Обозрение*. 2004, 23 апреля.
- ⁴ Арбатов А. Гражданские эксперты в сфере обороны и безопасности России. ВСБ. Гражданский контроль национальной политики безопасности: опыт стран СНГ. М., 2004. С. 231.
- ⁵ Там же. С. 229.
- ⁶ Savel'iev A. and Detinov N. The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union. Praeger, Westport, Connecticut, London, 1995. P. 115.
- ⁷ Цит. по: Корниенко Г. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., «Олма-Пресс», 2001. С. 381.
- ⁸ Там же. С. 382.
- ⁹ Министерство среднего машиностроения было создано в 1953 г. в качестве преемника Первого главного управления при Совнаркоме СССР для осуществления «атомного проекта». Министерство ведало развитием не только ядерного оружия, но и вопросами мирного использования ядерной энергии.
- ¹⁰ Приложение к Указу Президента Российской Федерации №1833 от 2 ноября 1993 г.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Приложение к Указу Президента Российской Федерации №706 от 21 апреля 2000 г.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ http://nvo.ng.ru/wars/2003-10-10/1_orientir.html
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ <http://www.izvestia.ru/army/article39655>
- ¹⁷ http://nvo.ng.ru/wars/2003-10-10/1_orientir.html
- ¹⁸ <http://www.izvestia.ru/army/article39655>
- ¹⁹ Председатель правительства и министр иностранных дел входят в число пяти постоянных членов СБ, обладающих равными правами при принятии решений (другие члены СБ обладают совещательным голосом). Другими постоянными членами являются секретарь СБ, министр обороны и директор Федеральной службы безопасности.
- ²⁰ Закон РФ от 22.12.92 №4235-1 с изменениями по Указу Президента РФ №2288 от 24.12.93.
- ²¹ Функции ФСБ, в значительно расширенном варианте, выполнял КГБ.
- ²² Иванов В. Как формируют оборонные ассигнования в Москве и Вашингтоне. *Независимое Военное Обозрение*. 2004, 23 апреля.
- ²³ Там же.

Рост угрозы терроризма с применением оружия массового уничтожения и его компонентов в начале XXI века остро поставил перед государствами с развитыми ядерным, химическим и биологическим комплексами вопрос о пересмотре подходов к контролю над перемещением соответствующих материалов и технологий через пограничные рубежи. Для России эта угроза усугубляется незавершенностью процесса оборудования необходимыми техническими средствами таможенных постов, появившихся в результате распада СССР. В то же время благодаря опыту, накопленному за 1990-е гг. и начало 2000-х гг. в рамках реализации программ международного сотрудничества в этой области, возникшие задачи имеют неплохие шансы на оперативное и эффективное решение. Важная роль в этой связи принадлежит совместной программе Федеральной таможенной службы (ФТС) России и Министерства энергетики США (далее: МЭ США) «Вторая линия защиты» (далее: программа ВЛЗ), нацеленной на усиление контроля над перемещением ядерных и радиоактивных материалов через российские пограничные рубежи.

В рамках настоящей работы механизмы противодействия угрозе незаконной транспортировки чувствительных материалов рассматриваются на примере реализации программы «Вторая линия защиты» на Астраханской таможне.

ПРОГРАММА «ВТОРАЯ ЛИНИЯ ЗАЩИТЫ»: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Программа «Вторая линия защиты» была разработана в 1998 г.². Основанием для этого послужили глубокие перемены в международной обстановке, вызванные распадом Советского Союза, активизацией международного терроризма, недостаточный контроль над перемещением ядерных и радиоактивных материалов и создавшие необходимость разработки и реализации совместными усилиями системы антикризисных мер в целях противодействия угрозе ядерного терроризма.

Генеральная цель программы ВЛЗ состоит в осуществлении комплекса долгосрочных мероприятий, направленных на сокращение риска распространения ядерных материалов и предотвращение ядерного терроризма. К другим целям следует отнести:

- укрепление потенциала соответствующих ведомств в России (и других странах, участвующих в программе) в области обнаружения и предотвращения незаконного оборота ядерных и радиоактивных материалов;
- уменьшение риска незаконного перемещения ядерных и радиоактивных материалов через границы России и других государств, включая стратегически важные и транзитные пункты пропуска.

Программа «Вторая линия защиты» предусматривает выполнение следующих задач:

- оснащение стратегических пунктов транзита и пересечения границ, включая аэропорты и морские порты на территории Российской Федерации, а также других

стран, техническими средствами радиационного контроля и соответствующими средствами коммуникации;

- создание инфраструктуры для эффективной организации контроля над ядерными и радиоактивными материалами;
- техническое обслуживание средств радиационного контроля;
- разработка необходимой нормативно-правовой базы;
- разработка и реализация совместных обучающих программ.

Программа реализуется в рамках сотрудничества Министерства энергетики США с ФТС России и таможенными службами других стран в целях поддержки усилий федеральных ведомств США, зарубежных стран и международных организаций в борьбе с контрабандой ядерных и радиоактивных материалов и ядерным терроризмом³.

ХРОНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ПРОГРАММЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

За время реализации программа претерпела некоторые структурные изменения в связи с преобразованиями, произошедшими в МЭ США. Первые годы управление осуществлялось *Отделом по ядерному нераспространению и национальной безопасности* этого министерства, а конкретно – *Международной программой контроля над экспортом ядерных материалов* (МПКЭЯМ). 1 марта 2000 г. в системе МЭ США была создана полуавтономная *Национальная администрация по ядерной безопасности*, которая занимается вопросами ядерной безопасности и нераспространения. С 2001 г. программа ВЛЗ включена в программу Администрации *Физическая защита, учет и контроль ядерных материалов* (ФЗУКЯМ). Практической реализацией программы ВЛЗ стал заниматься *Отдел международного сотрудничества по вопросам защиты ядерных материалов и чрезвычайных ситуаций* (NA-25).

Программа ВЛЗ претерпела организационные изменения после публикации результатов расследования, проведенного Главным счетным управлением конгресса США в мае 2002 г., которое выявило отсутствие координации усилий по предотвращению ядерной контрабанды между отделами внутри МЭ США, а также программами Министерства обороны и Госдепартамента США. Отчет также привлек внимание к проблеме недостаточного финансирования содержания и технического обслуживания оборудования США, поставляемого в рамках различных программ⁴. В результате организационных изменений программа ВЛЗ:

- включила в свой состав *Отдел специальных технологий*, работавший до этого с Госдепартаментом по обеспечению и установке оборудования радиационного контроля;
- взяла на себя ответственность за техническое обслуживание и замену оборудования радиационного контроля, установленного в рамках программ *Бюро по нераспространению* Госдепартамента США в различных странах;
- начала оказывать консультационные услуги новой программе *Инициатива по безопасности контейнеров* Бюро таможенно-пограничной службы Министерства национальной безопасности США;
- в 2003 г. программа ВЛЗ была дополнена проектом *Мегалорты*, который предусматривает установку в крупнейших морских портах мира радиационных детекторов. Таким образом, в настоящее время ВЛЗ включает *Основную программу* и проект *Мегалорты*.

К работе в рамках программы ВЛЗ привлечены значительные научные силы, входящие в структуру МЭ США:

- Национальная лаборатория Лоренса Ливермора;

- Лос-Аламосская национальная лаборатория;
- Окриджская национальная лаборатория;
- Сандийская национальная лаборатория.

За период с 1998 по 2003 г. в рамках программы ВЛЗ⁵:

- произведена установка 130 систем контроля ДРМ на 15 из 20 стратегических пунктов пропуска;
- по специальной учебной программе организовано обучение обнаружению ядерных материалов сотрудников пограничных служб;
- подготовлены программные материалы для обучения 30 тыс. сотрудников ФТС России, работающих непосредственно на таможенных постах;
- разработана учебная программа по ТК ДРМ, включающая необходимые материалы и видеодемонстрационные средства;
- национальными лабораториями США произведена оценка оборудования, используемого в программе ВЛЗ, включая уникальную систему контроля железнодорожного транспорта, созданную в России.

Программа ВЛЗ рассчитана на 14 лет и предусматривает установку следующего количества оборудования по обнаружению ядерных и радиоактивных материалов⁶:

Таблица 1

Количественные планы программы «Вторая линия защиты»

Год	2003 (по факту)	2004 (по факту)	2005 (план)	2006	2007	2008	2009	2010	2012 (год окончания программы)
Количество объектов программы ВЛЗ с установленным оборудованием	39	66 (план: 74)	98	115	139	182	226	278	330
Количество портов с установленным оборудованием (Проект «Мегапорты»)	–	2 (план: 3)	5	10	11	14	19	24	24

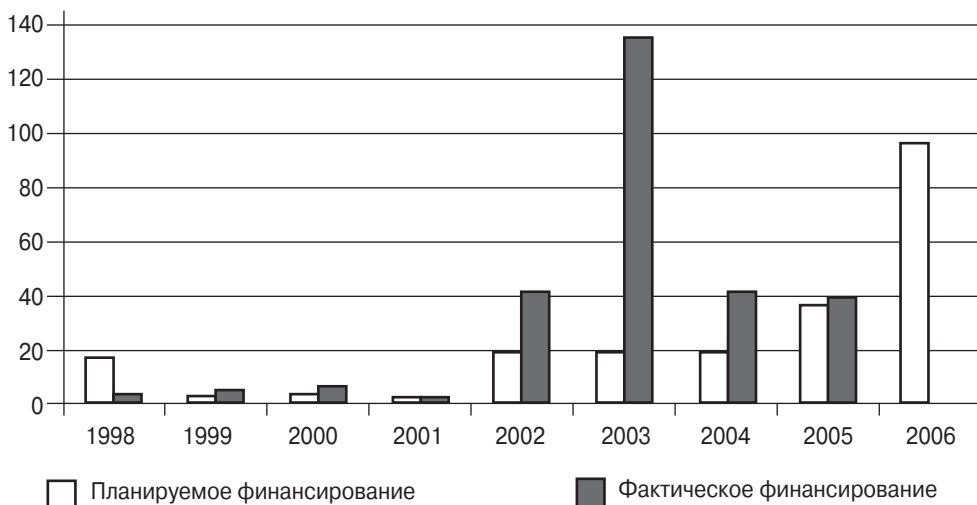
ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ

В год создания программы (1998 г.) на ее реализацию было выделено около 3 млн долл. США, а 2001 г. – всего 1,925 млн долл. Заметный сдвиг в финансировании произошел в 2002 г., когда в бюджетном запросе МЭ США указало на необходимость расширения программы на территории России и, как следствие, запросило увеличение средств на ее реализацию. Планируемые мероприятия включали: модификацию существующих в России детекторов для контроля груза, закупку специальных автомобильных средств, оборудованных устройствами проведения контроля ДРМ для отдаленных таможенных участков, где отсутствует инфраструктура, проведение обучающих семинаров при со-

трудничестве с Государственным таможенным комитетом РФ (далее: ГТК) в четырех региональных таможенных академиях.

Пика финансирования программа достигла в 2003 г., однако главным образом это было вызвано началом реализации проекта *Мегапорты*, структурно включенного в программу ВЛЗ. После этого наблюдалось постоянное сокращение объемов выделяемых средств. Определенный оптимизм внушает значительное увеличение средств на программу в бюджетном запросе на 2006 г. (см. схему 1).

Схема 1. Финансирование программы «Вторая линия защиты» Министерством энергетики США, млн долл.⁷

По состоянию на 2003 г. программа «Вторая линия защиты» помимо России реализовывалась в 18 странах, в том числе в Казахстане, Узбекистане, Украине, Испании, Нидерландах, Греции⁸, Шри-Ланке и Бельгии. В феврале 2004 г. к программе подключилась Литва.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ВЛЗ В РОССИИ

Начало реализации программы ВЛЗ в России было положено подписанием 18 июня 1998 г. Протокола о сотрудничестве между Министерством энергетики США и Государственным таможенным комитетом РФ. Протокол предусматривает взаимодействие ведомств по уменьшению угрозы незаконного перемещения ядерных и радиоактивных материалов, а также материалов и технологий двойного назначения⁹. В рамках этого соглашения предусматривается финансирование МЭ США покупки и установки разработанного и произведенного в России оборудования по обнаружению и контролю делящихся материалов (ДРМ) на ключевых объектах, таких, как морские порты, аэропорты и таможенные пункты пропуска на границе. В качестве приоритетных объектов программы были выбраны международный аэропорт Шереметьево и зона действия Астраханской таможни Южного территориального управления (ЮТУ) ГТК РФ.

Уже в сентябре 1998 г. было установлено оборудование в Шереметьево-1, где по этому поводу состоялась торжественная церемония, на которой присутствовали руководитель МЭ США Б. Ричардсон и председатель Государственного таможенного комитета РФ В.Г. Драганов.

В результате тендера, в котором участвовало более 20 компаний, поставщиком технических средств по контролю ДРМ был выбран научно-производственный центр «Аспект», основанный в 1991 г. на базе Объединенного института ядерных исследований в г. Дуб-

на. Таможенные посты и пункты пропуска в России оснащаются продукцией Центра – стационарными системами обнаружения делящихся и радиоактивных материалов «Янтарь»¹⁰. Эта система успешно прошла испытания в рамках Программы выявления нелегального обращения радиоактивных материалов (ИТРАП), проведенных австрийским Исследовательским центром в Сейберсдорфе в сотрудничестве с МАГАТЭ, Международной таможенной организацией и Интерполом. Система была испытана в Лос-Аламосе и получила сертификат качества этого Центра¹¹. По состоянию на начало 2005 г. всего было произведено около 3000 таких систем. НПЦ «Аспект» осуществляет гарантийное и послегарантийное обслуживание всех приборов – как самостоятельно, так и через свои региональные представительства¹². Кроме России, оборудование НПЦ «Аспект» поставлено в страны СНГ, Австрию, Китай, Албанию, Болгарию, Македонию, Словакию, Хорватию, Египет, Иорданию, Монголию.

Если вначале реализация программа ВЛЗ предусматривала в основном техническое оснащение контролирующим оборудованием таможенных пунктов и постов, то в последующие годы было принято решение на основе имеющегося в США и России опыта разработать и использовать программные материалы для обучения сотрудников таможенных служб РФ.

Как уже говорилось, основным документом, на базе которого осуществляется реализация программы, является Протокол о сотрудничестве между Министерством энергетики США и ГТК РФ. Ответственными подразделениями за реализацию программы в системе МЭ США и ФТС РФ являются соответственно Национальная администрация по ядерной безопасности МЭ и Главное управление информационных технологий ФТС¹³.

Как видно из схемы 2, в реализации программы задействовано большое количество участников, между которыми не всегда существуют прямые контакты. Следует отметить бюрократическую структуру обеих сторон. Пунктирные линии на схеме обозначают, что теоретически предполагается взаимодействие структур по координации действий в организации контроля ДРМ, но на практике такое взаимодействие, к сожалению, не всегда присутствует.

Начало реализации программы ВЗЛ в Российской Федерации позволило:

- укрепить службы и подразделения ТК ДРМ;
- осуществлять техническое оснащение таможенных пунктов пропуска, постов, зон таможенного контроля (ЗТК) и складов временного хранения (СВХ) техническими средствами обнаружения ДРМ. Если в 2001 г. оснащение таможенных органов стационарными системами «Янтарь» составляло в среднем только 39,5% от потребности, то в 2003 г. эта величина превысила 70% и продолжает расти. Это дало основания в 2004 г. заместителю руководителя ФТС России Ю.Ф. Азарову официально заявить, что практически все крупные пропускные таможенные пункты в Российской Федерации оснащены такими системами¹⁴. Аналогичный рост наблюдается и в области переносных средств. На конец 2003 г. в эксплуатации находилось более 600 единиц стационарных систем радиационного контроля (ССРК) «Янтарь» и около 4400 переносных приборов радиационного контроля;
- создать нормативную базу ТК ДРМ;
- организовать сквозную систему информирования по таможенному контролю делящихся радиоактивных материалов.

Анализ результатов задержания грузов с повышенной радиационной активностью показал, в частности, что такими товарами в основном являются¹⁵:

- стройматериалы (изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов);
- руды и концентраты (руды, шлак и зола);
- потребительские товары (часы всех видов и их запчасти);
- химические вещества;
- металлолом (черные металлы, никель и изделия из него, алюминий и изделия из него);

- радионуклидные источники и приборы, содержащие источники ионизирующих излучений;
- урановое сырье (руды, шлаки и зола, радиоактивные химические элементы и изотопы, включая делящиеся и воспроизводящие химические элементы и изотопы и их соединения).

Подробнее см. Схему 3.

Схема 2. Структурная схема взаимодействия различных органов управления по программе «Вторая линия защиты»

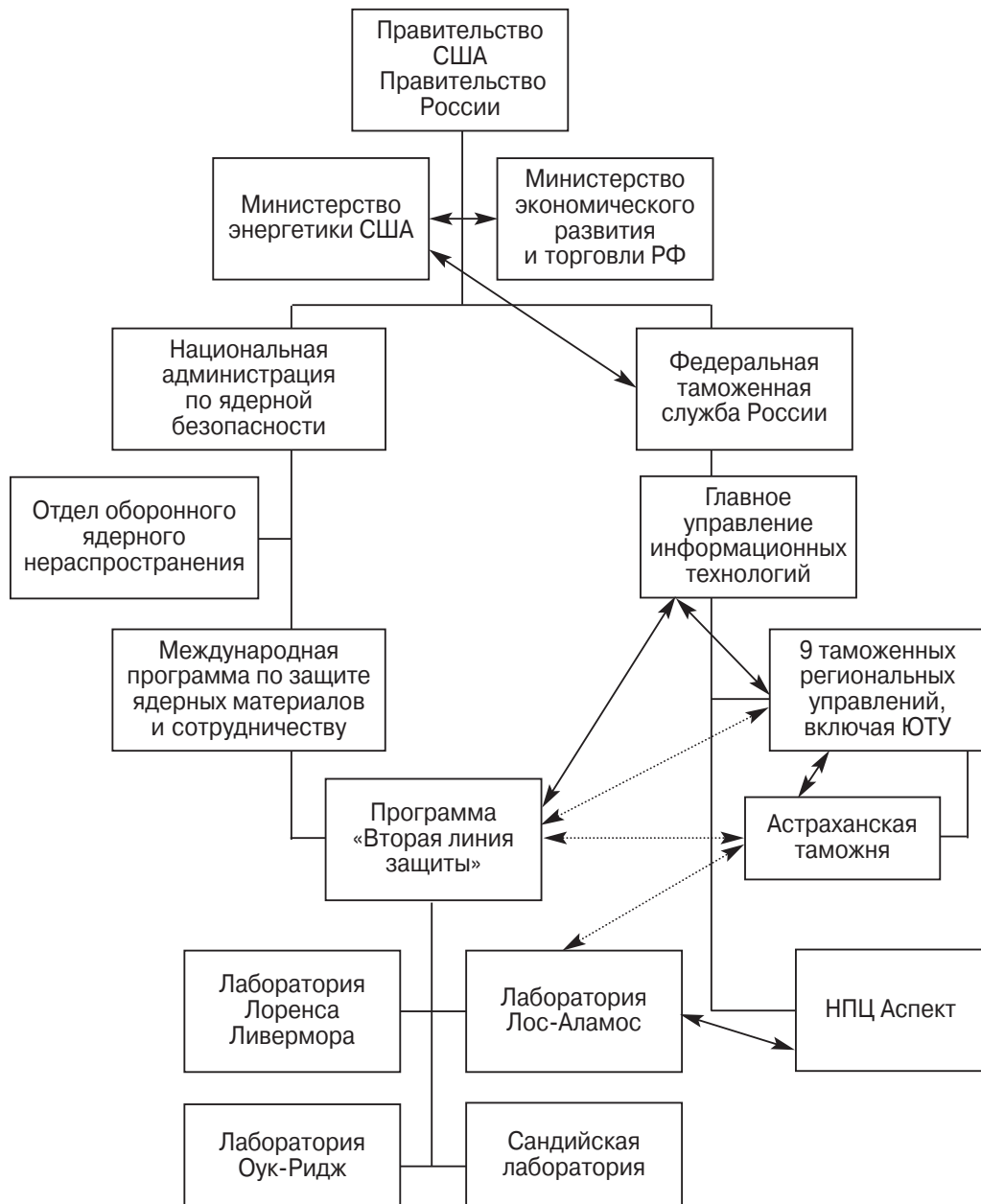
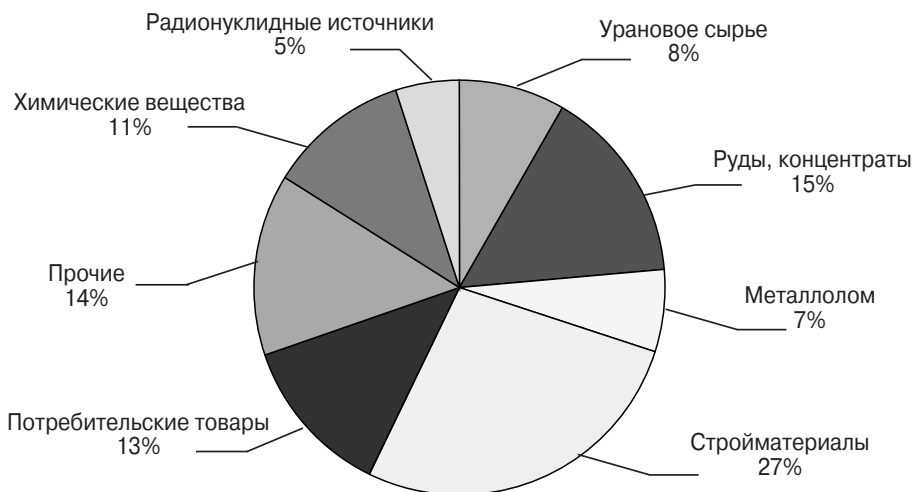

Схема 3. Товары с повышенным уровнем ионизирующего излучения, перемещавшиеся через таможенную границу РФ с 2000 по 2003 г. (процентное количество выявленных случаев)

Следует отметить, что более 80% фактов перемещения через таможенную границу Российской Федерации товаров и транспортных средств с повышенным ионизирующим излучением и загрязнением радиоактивными веществами выявляется при ввозе в Российскую Федерацию и при их транзите через ее территорию.

Основными средствами первичного обнаружения являются стационарные таможенные системы радиационного контроля делящихся и радиоактивных материалов «Янтарь» и поисковые дозиметры. С применением указанных технических средств выявлено свыше 90% от общего количества фактов незаконных перемещений, упомянутых в прессе, случаев нарушений законодательства Российской Федерации и нормативных актов.

Схема 4. Зависимость количества обнаружений незаконных перемещений ДРМ от оснащенности таможенных органов техническими средствами

Из схемы 4 видно, что с 1998 г. – начала реализации программы ВЛЗ, с оснащением таможенных постов и пунктов стационарными системами радиационного контроля заметно возросло количество случаев обнаружения незаконного перемещения ДРМ. Кроме того, из схемы 4 следует, что коэффициент обнаружений, приходящихся на одну систему «Янтарь», гораздо выше коэффициента обнаружений, приходящихся на переносной прибор.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ

Астраханская таможня была выделена приоритетным пунктом реализации программы «Вторая линия защиты» в России сразу после подписания протокола о сотрудничестве между ГТК РФ и Министерством энергетики США¹⁶.

Вспоминая тот период, начальник отделения таможенного контроля над делящимися и радиоактивными материалами Астраханской таможни М.В. Браиловский отмечает: «В 1998 г. к нам приехали три сотрудника из Лос-Аламосской и Ливерморской лабораторий США. Рассматривалась целесообразность реализации программы ВЛЗ в зоне деятельности Астраханской таможни. Мы посетили Астраханский порт и Морской рыбный порт, которые являются зонами таможенного контроля. Делегация проявила интерес к динамике грузопотока через эти порты, наименованию и характеру перемещаемых товаров, а также к маршрутам их перемещения, особенно в иранском направлении. Ни для кого не секрет, что в Иране, в том числе и с участием России, строится атомная электростанция, а потенциально перемещение каких-то ядерных материалов могло происходить через пункты нашей таможни. Возможно, это один из показателей для определения зоны реализации программы «Вторая линия защиты»¹⁷.

Очевидно, что при выборе зоны действия Астраханской таможни для реализации части программы «Вторая линия защиты» также учитывался целый ряд других факторов.

Благодаря географическому положению Астраханская область является ключевым звеном систем международных комплексных коммуникаций (коридоров) «Север–Юг» и «Запад–Восток», которые предполагают создание транспортных путей, соединяющих Индию и страны Персидского залива с портами Западной Европы через Каспийское море и далее по российским внутренним водным путям. Регион находится на пересечении водных (морских и речных), железнодорожных, автомобильных и воздушных путей Азии и Европы. На территории области имеются значительные портовые мощности, расположен практически незамерзающий международный порт «Оля», в котором наблюдается устойчивое увеличение грузооборота, – завершение обустройства железнодорожных подъездов к порту позволит в перспективе увеличить ежегодный грузопоток с 3 до 8 млн т¹⁸. По прогнозам, к 2010 г. общий грузооборот коридора «Север–Юг» может достигнуть 20 млн т грузов, большая часть которых будет проходить через Астраханский транспортный узел¹⁹.

Помимо этого, после распада Советского Союза Астраханская область приобрела статус южного форпоста России, имеющего 575 км сухопутной границы с Казахстаном и 150 км морской границы с Азербайджаном, Туркменистаном, Казахстаном и Ираном. Таким образом, зона Астраханской таможни чувствительна не только иранским, но и казахским направлением, так как Казахстан граничит с другими беспокойными и политически нестабильными центрально-азиатскими республиками. Одним из недавних фактов незаконного оборота ядерных материалов на этом направлении является задержание сотрудниками Оренбургской таможни в январе 2005 г. 37 кг урана-238 при попытке вывоза из России в Казахстан. Контейнер с ураном обнаружила система «Янтарь» при проведении радиационного контроля автомобиля, прибывшего на пограничный переход²⁰.

К тому же астраханский регион является соседом менее стабильных южно- и северокавказских регионов.

СОЗДАНИЕ СЛУЖБЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД ДЕЛЯЩИМИСЯ РАДИОАКТИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ

В мае 1995 г. в системе ГТК РФ была создана Служба таможенного контроля надделяющимися радиоактивными материалами (ТК ДРМ). В том же году в региональных таможенных началась организация соответствующих подразделений, которые пришлось создавать практически с нуля, решая организационные, технические вопросы и занимаясь разработкой технологических схем. Вот как о периоде становления ТК ДРМ рассказывает начальник отделения таможенного контроля надделяющимися и радиоактивными материалами Астраханской таможни М.В. Браиловский²¹: «Буквально через три месяца после того как я приступил к выполнению обязанностей ведущего инспектора таможенного контроля ДРМ, летом 1995 г. мы задержали партию силиката циркония. Задержание трех контейнеров произошло на территории зоны таможенного контроля в Астрахани. Инспекторы обнаружили на внешней поверхности контейнеров радиоактивное излучение, превышающее естественный радиационный фон в 8–10 раз. При проверке товаросопроводительных документов выяснилось, что товар следовал транзитом из Южной Африки в Иран. При этом прошел ряд европейских государств, но наличие товара с повышенным ионизирующим излучением было обнаружено только в Астраханской таможне. Далее мы действовали в соответствии с нормативными документами ГТК РФ и соответствующей технологической схемой. После вскрытия контейнеров были проведены внешняя идентификация товара и дополнительный радиационный контроль. При его проведении на поверхности мешков обнаружены локальные участки с превышением радиоактивного излучения над естественным фоном до 15 раз. Была составлена дозиметрическая картограмма, созвана межведомственная комиссия, в которую вошли представители Государственного санитарно-эпидемиологического надзора (ГСЭН), Госатомнадзора, МЧС, УВД и ФСБ.

В лаборатории радиационного контроля Центра ГСЭН в Астраханской области провели радиационное обследование взятых проб порошка, по результатам которой уголовное дело прекращено. Товар был выпущен с соблюдением мер радиационной безопасности при транспортировке. На груз была нанесена соответствующая маркировка. Этот случай задержания товара с повышенным ионизирующим излучением инициировал процесс преобразований, связанных с формированием подразделения ТК ДРМ, налаживанием деловых контактов с компетентными органами и особенно с отделом радиационной гигиены ГСЭН в Астраханской области»²².

После разработки и утверждения структуры подразделений ТК ДРМ началось их укомплектование квалифицированными кадрами. Основным требованием к его руководителю было наличие высшего технического образования в области физико-химических наук и профессиональный стаж по специальности не менее 5 лет. Должностные лица подразделения должны были обязательно пройти специальную подготовку в филиале Российской таможенной академии (РТА) в Санкт-Петербурге. Таможенный персонал, не входящий в состав подразделений ТК ДРМ, но по должностным обязанностям проводящий радиационный контроль, проходил обучение по специальным программам в филиале РТА в г. Ростов-на-Дону, где процесс обучения обеспечивался должностными лицами ТК ДРМ ЮТУ. Для всех специалистов было предусмотрено регулярное, не реже одного раза в 3 года, повышение квалификации²³. Помимо этого в Астраханской таможне была создана система постоянного тренинга персонала.

Следует отметить, что при поступлении оборудования по программе ВЛЗ на таможни потребовалось обучение работе на этих системах, и сначала приходилось многое осваивать самостоятельно. При пробных испытаниях, до прибытия представителей из США, специалисты НПЦ «Аспект» в соответствии с требованиями ФТС РФ провели обучение таможенного персонала эксплуатации этих систем. Время, затраченное на обучение, не превысило двух часов и, конечно, не могло дать практических навыков работы. Не все таможенники, которым приходится эксплуатировать ССРК «Янтарь», прошли это обучение. Поэтому дальнейшая работа в этом направлении стала одной из главных задач отделения ТК ДРМ.

Параллельно с формированием и обучением кадрового потенциала создавалась и совершенствовалась нормативно-правовая база службы таможенного контроля ДРМ.

Этот процесс организовывал, вел и ведет Государственный таможенный комитет России (сегодня – ФТС РФ)²⁴. Первый этап становления службы ТК ДРМ требовал активной работы ее должностных лиц в Центре и творческой деятельности руководителей подразделений в таможнях, т.е. «практиков» – исполнителей задач ТК ДРМ на местах. Начальник отделения разрабатывал технологические схемы, инструкции, где четко расписаны действия персонала, начиная от дежурного смены и до начальника таможенного поста: кого информировать, что и как делать, чтобы система работала эффективно. В частности, были выработаны алгоритмы решения каждой конкретной задачи, возникающей при эксплуатации технических средств. Эти документы используются и в настоящее время на таможенных постах и пунктах пропуска, хотя они, безусловно, находятся в процессе постоянного совершенствования.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ В ЗОНЕ ДЕЙСТВИЯ АСТРАХАНСКОЙ ТАМОЖНИ

Реализация программы ВЛЗ в Астраханской таможне началась с технического оснащения таможенных пунктов пропуска – Астраханского порта и Морского рыбного порта. Первоначально были составлены акты обследования этих объектов и определены места установки систем «Янтарь», намечены пути решения инженерно-технических вопросов (проектирование, строительные работы и т.д.). В этой работе в основном принимали участие представители НПЦ «Аспект», ГТК РФ и ЮТУ ГТК РФ. Проекты установки оборудования согласовывались с соответствующими должностными лицами и рассматривались участниками программы ВЛЗ. Финансирование технического оснащения и всех видов работ осуществлялось МЭ США. В августе 1998 г. в Астраханской таможне проходили приемо-сдаточные испытания по вводу в эксплуатацию системы «Янтарь»: в Астраханском порту – система «Янтарь-1А» (автомобильная), «Янтарь-2П» (пешеходная); в Астраханском морском рыбном порту «Янтарь-1А». На этих испытаниях присутствовали представители Лос-Аламоссской и Ливерморской лабораторий, ГТК РФ, ЮТУ, НПЦ «Аспект» и Астраханской таможни.

Эффект работы «Янтаря» проявился уже на следующий день после его приемки. В Морском рыбном порту сработала система «Янтарь-1А» на груз минеральной ваты. По результатам дополнительного радиационного контроля с помощью переносных технических средств обнаружено, что сам груз является источником ионизирующего излучения. Измеренное значение мощности эквивалентной дозы гамма-излучения превышало фоновое значение в 1,5 раза.

Первый опыт использования этих систем выявил и проблемы эксплуатации. Так, ССРК «Янтарь», установленные в Астраханской таможне в 1998 г., не имели комплекса видеоконтроля. Управление системой осуществлялось с дистанционного пульта, размещенного в рабочем помещении таможенного поста. При срабатывании «Янтаря» на объект с повышенным ионизирующим излучением на этот пульт подавался звуковой сигнал, а на стойках «Янтаря» дополнительно включалась световая сигнализация. Таможенник с помощью операционных кнопок дистанционного пульта читал на его мониторе параметры тревоги. Далее согласно требованиям технологической схемы он проводил дополнительный радиационный контроль с помощью переносных технических средств для поиска и локализации радиоактивного источника в объекте таможенного контроля, соблюдая меры радиационной безопасности. По результатам этого контроля должностные лица отделения ТК ДРМ осуществляли углубленное обследование и оценивали радиационную обстановку.

Первые модели ССРК «Янтарь», установленные в Астраханской таможне, не всегда стабильно работали в сложной метеорологической обстановке. На работу систем оказывали влияние такие внешние факторы, как температура воздуха (+40 °С и выше, -15 °С и ниже) и обильные осадки, характерные для региона. Были случаи, когда из-за отключений электропитания на таможенных объектах и мощных «скачков» напряжения в сети выходили из строя предохранители сетевых модулей системы «Янтарь», что приводило к

сбою в их работе. Специалистам приходилось устранять эти неисправности, проводить предварительную диагностику и по другим техническим проблемам.

Возникли вопросы и с эксплуатацией оборудования видеоконтроля, разработчиком которого являлось НПЦ «Альфа-прибор» г. Тулы. Основным недостатком этого оборудования были сбои в работе программного обеспечения. Его комплектация представляла набор отдельных блоков, которые занимали значительную часть рабочего места. Подобная проблема возникала и с эксплуатацией автоматизированного комплекса видеоконтроля «Янтарь-сервер», разработчиком которого являлся НПЦ «Аспект Северо-Запад» (г. Санкт-Петербург). Наблюдались случаи ложных срабатываний на источники электромагнитных излучений вблизи стоек ССРК «Янтарь» (мобильные телефоны, автомобильное зажигание и т.п.).

Однажды начальнику отделения таможенного контроля над делящимися и радиоактивными материалами Астраханской таможни позвонили в воскресенье в девять часов вечера из аэропорта и попросили приехать, так как задержали радиоактивный контейнер. В аэропорту были испуганная представительница Ирана и переводчик. Контейнер из пенопласта был с... колбасой! Таможенники, задержав груз, поступили правильно, потому что сработала система «Янтарь», но причиной этого, как выяснилось после ее проверки на ложное срабатывание и при повторном проведении объекта таможенного контроля через зону контроля системы, было не наличие повышенного радиационного фона, а работа мобильного телефона²⁵.

Работа по программе ВЛЗ в Астраханской таможне продолжалась и в дальнейшем. Представителей Лос-Аламосской и Ливерморской лабораторий в последующие визиты интересовали вопросы технической эксплуатации, количество случаев выявления товаров и транспортных средств с повышенным ионизирующим излучением с помощью системы «Янтарь», статистика ложных срабатываний, т.е. чисто технические проблемы. Вместе с тем во время пуско-наладочных и испытательных работ параллельно рассматривались вопросы инспектирования работы «Янтарей», которые были ранее установлены в Астраханской области.

Информация о проблемах, возникающих при эксплуатации указанных систем, накапливалась, обобщалась и с предложениями, конкретными рекомендациями по устранению недостатков в установленном порядке направлялась в ЮТУ ГТК РФ, НПЦ «Аспект», ГТК России. В результате руководством службы ТК ДРМ были уточнены требования к разработчикам и производителям. Анализ полной информации о работе «Янтарей» позволил их значительно усовершенствовать²⁶.

В дальнейшем в рамках технического совершенствования были установлены комплексы оборудования видеоконтроля, отвечающие современным требованиям по документированию видеоизображения выявленных объектов с повышенным ионизирующим излучением. В декабре 2002 г. по программе ВЛЗ на трех таможенных постах Астраханской таможни были введены в эксплуатацию шесть систем «Янтарь» с комплексами оборудования видеоконтроля. Разработчиком этих комплексов является НПЦ «Аспект». При разработке были учтены недостатки первых комплексов видеоконтроля – в новом оборудовании значительно улучшены эксплуатационные функции.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ В АСТРАХАНСКОМ РЕГИОНЕ

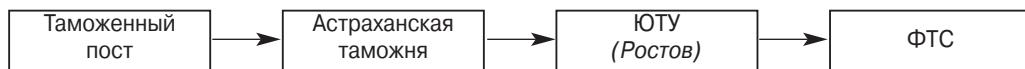
На примере Астраханской таможни к положительным результатам реализации программы «Вторая линия защиты» и ранее принятых российской стороной мер следует отнести:

- *Создание и укрепление подразделения таможенного контроля ДРМ.* Организационные и непосредственно контрольные мероприятия выполняются на 8 таможенных постах, 8 пунктах пропуска, 13 складах временного хранения, а также в зонах таможенного контроля. Расстояние до самого дальнего подконтрольного пункта – 430 км, что говорит само за себя. Силами специалистов подразделения на этих участках проводятся некоторые виды технического обслуживания стационарных и

переносных приборов радиационного контроля; представителями организации изготовителя²⁷ организуется ремонт, гарантийное и послегарантийное обслуживание технических средств; проводится систематическое обучение должностных лиц таможни технологии ведения ТК ДРМ и грамотной эксплуатации контрольного оборудования.

- *Активная разработка и использование нормативной базы ТК ДРМ.* Наряду с вышеприведенными примерами хотелось бы отметить, что сегодня, в соответствии с нормативными документами, разработанными и утвержденными ГТК России (ФТС РФ), при каждом срабатывании стационарной системы «Янтарь» составляется отчет²⁸. В свою очередь по каждому выявленному факту незаконного перемещения ДРМ через таможенную границу РФ подготавливается и представляется по таможенным инстанциям отдельный документ²⁹.
- *Налаживание межведомственной координации работ с надзорными и правоохранительными органами Астраханской области.* Обеспечено взаимодействие со службами Государственного санитарно-эпидемиологического надзора, Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору России, ФСБ РФ и т.д.
- *Создание информационной базы и сети передачи информации (на бумажных и электронных носителях) – ниже см. схему 5 передачи информации в рамках программы:*

Схема 5. Передача информации в рамках программы ФТС России

В соответствии с нормативной базой таможенный пост должен в течение двух часов доставить информацию по задержанию груза, а в определенных случаях – немедленно. В первую очередь информируется региональное таможенное управление, которое в соответствии с приказом ГТК России № 477 обязано немедленно предоставить информацию далее по инстанции. Таможенный персонал на посту имеет право в случае срабатывания систем «Янтарь» позвонить в Службу информационной поддержки ФТС РФ, где ведется круглосуточное дежурство. Эта служба необходима также потому, что в Москве ее сотрудники напрямую контактируют с компетентными ведомствами и органами.

Порой возникают ситуации, когда сотрудники таможенного поста должны получить оперативную консультацию, включая также консультации чисто по внешней идентификации груза, неблагоприятного в радиационном отношении. За такими консультациями периодически они обращаются в дежурную службу ФТС РФ³⁰.

- *Техническое оснащение пунктов пропуска средствами радиационного контроля ДРМ.* С помощью таких технических средств первично выявляется свыше 90% случаев обнаружения источников ионизирующего излучения. Данные по Астраханской таможне показывают аналогичную картину.

Практика деятельности таможенных органов по проведению радиационного контроля показывает, что из всех фактов незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации товаров и транспортных средств с повышенным уровнем ионизирующего излучения более 20% выявлено на складах временного хранения (СВХ). В связи с этим ФТС России принята концепция оснащения СВХ техническими средствами обнаружения ДРМ.

В Астраханской области четыре такие установки уже работают на складах временного хранения и в зонах таможенного контроля. В основном владельцами складов временного хранения являются участники внешнеэкономической деятельности. Разрешение на

включение в Реестр владельцев СВХ дает таможенный орган, одним из требований которого является оснащенность склада техническими средствами радиационного контроля. Решение вопросов по такому оснащению складов временного хранения и зон таможенного контроля, организации контроля ДРМ и обеспечению радиационной безопасности – также задачи отделения ТК ДРМ.

По состоянию на 1 января 2005 г. количество средств радиационного контроля в зоне действия Астраханской таможни составляет: ССПК «Янтарь» – 24 комплекта, переносных технических средств – 81 единиц, на ЗТК и СВХ – 22 единиц, досмотровой рентгеновской техники – 8 комплектов.

Безусловно, с установкой стационарных систем «Янтарь» таможенный контроль ДРМ стал более эффективным и оперативным, а благодаря установленному оборудованию за годы реализации программы ВЛЗ в зоне действия Астраханской таможни предотвращено несколько попыток ввоза и вывоза транспортных средств и товаров с повышенным ионизирующим излучением.

- *Налаживание контактов между Российской Федерацией и США* в вопросах организации и осуществления контроля над оборотом ДРМ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно на примере Астраханской таможни, сотрудничество по программе ВЛЗ дает положительные результаты, позволяя последовательно решать задачи оснащения стратегических пунктов пропуска техническими средствами радиационного контроля, разработки и совершенствования необходимой нормативно-правовой базы и инфраструктуры для эффективной организации контроля ДРМ, а также в перспективе осуществлять совместные обучающие программы.

Взаимодействие астраханских таможенников с представителями Министерства энергетики США, в частности специалистами из национальных лабораторий США, способствует повышению общего потенциала таможни по предотвращению незаконного распространения ядерных и радиоактивных материалов.

Процесс реализации программы ВЛЗ в России явился мощным толчком к выработке современных механизмов развития таможенного радиационного контроля в Российской Федерации.

Несмотря на положительные в целом результаты реализации программы ВЛЗ, следует остановиться на некоторых недостатках, которые могут сказаться на ее эффективности в дальнейшем.

Сюда следует отнести отсутствие возможности постоянного обмена информацией по случаям правонарушений с ДРМ в системе ФТС РФ, недоступность такой базы данных для всех сторон, участвующих в программе. Существуют сложности в обеспечении прямых контактов между специалистами нижнего звена по ТК ДРМ России и США и, возможно, третьих стран.

В части технической эксплуатации средств контроля есть свои проблемы. В частности, в системе ФТС РФ установлен регламент по устранению неисправностей. Простейшие неисправности могут быть устранены силами таможни на месте. Систематически представители отделения таможенного контроля надделяющимися и радиоактивными материалами Астраханской таможни выезжают на объекты и проверяют работу этих систем, проводят техническое обслуживание в соответствии с рекомендациями ФТС РФ, а также проверяют действия персонала, который их непосредственно эксплуатирует. В случае выхода из строя технических средств составляются соответствующие акты о технической неисправности, которые отправляются в Южное территориальное управление ФТС и в г. Пятигорск региональным представителям НПЦ «Аспект». Этими специалистами проводится ремонт неисправных технических средств радиационного контроля, а также техническое обслуживание систем «Янтарь» (2 раза в год)³¹.

Когда подходила к завершению подготовка данной статьи, стало известно о переменах в ТК ДРМ. Согласно приказу ФТС РФ № 49 от 24 января 2005 г. и письму ФТС РФ №01-06/11921 от 22 декабря 2004 г., в таможенных проводятся организационно-штатные мероприятия, в результате которых осуществляется реорганизация подразделений ТК ДРМ путем включения их в другие, более крупные, например в отделы таможенных процедур и таможенного контроля.

Думается, такое решение принято без учета выполнения таможенными как специфических задач по вопросам таможенного контроля ДРМ, так и задач государственного значения по обеспечению радиационной безопасности товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу РФ, так как по сути эта служба является единственной в Российской Федерации, которая обеспечивает углубленный контроль именно на границах страны.

Помимо этого нельзя исключать продолжение сотрудничества между региональными отделениями ФТС России и Министерством энергетики США. В этой связи снижение уровня российского представительства, которое происходит при такой реорганизации подразделений ТК ДРМ, может не самым лучшим образом сказаться на таком сотрудничестве.

Осознавая крайнюю важность организации эффективного контроля ДРМ и учитывая значение в этой работе технических средств, Россия в последние годы значительно продвинулась в этом вопросе и, в принципе, сама может его решить. Вместе с тем при ограниченности финансовых средств и остающейся значительной потребности в системах контроля, их совершенствовании и модернизации процесс может затянуться.

Поэтому в условиях возрастающей угрозы международного терроризма финансовое содействие в целях ускоренного решения данной проблемы представляется целесообразным. Именно таможенный контроль ДРМ можно рассматривать в качестве важного элемента противодействия терроризму, так как действующие технологии предусматривают постоянный радиационный контроль всех грузов и транспортных средств, следующих через таможенные посты и пункты пропуска РФ³².

Исходя из материалов данной работы, можно, кроме того, рекомендовать обеспечение следующих составляющих для реализации программы ВЛЗ на территории России в будущем:

- наличие хорошо отлаженной системы обмена информацией (в широком смысле слова) между всеми участниками, реализующими программу;
- наличие практики анализа проблем и принятия решений по результатам такого анализа. Система мониторинга и оценки должна стать составной частью программы, призванной повышать эффективность и качество ее реализации. При помощи таких инструментов будет определяться достигнутый в реализации программы прогресс, результативность принятых мер, оцениваться эффективность использования ресурсов. Такая система обеспечит исполнителей программы ВЛЗ показателями превентивного характера, которые будут предупреждать о возможных негативных последствиях и определять меры по корректировке как текущей политики, так и в стратегическом плане;
- повышение внимания к человеческому фактору, а также обязательная разработка системы углубленной подготовки персонала и закрепления специалистов. Необходимы подготовка и повышение квалификации руководящего состава и специалистов службы таможенного контроля ДРМ, их обучение параллельно с совершенствованием оборудования и «изобретением» новых способов «обхода» таможенников. Для устойчивого развития эффективной системы таможенного контроля ДРМ необходима организация соответствующего обучения для сотрудников служб таможни, в том числе при сотрудничестве с МЭ США.

В результате Российская Федерация может и должна:

- выйти на качественно новый уровень проведения таможенного радиационного контроля, обеспечивающий его устойчивое развитие в долгосрочной перспективе;

- добиться совершенствования нормативно-правовой базы и внедрения новых и усовершенствованных методик контроля ДРМ;
- укрепить организационную структуру и выработать позитивное отношение к службе радиационного контроля;
- продолжить разработку новой учебно-методической литературы и программ для подготовки и переподготовки таможенного персонала;
- совершенствовать процесс повышения квалификации сотрудников службы радиационного контроля на местах на основе обмена опытом между странами, укрепления связей с научно-технологическими предприятиями³³, а также проводить усовершенствование программного обеспечения и внедрение единой информационно-управляющей системы.

Безусловно, дальнейшая реализация программы ВЛЗ в России отвечает интересам Российской Федерации и США, государственным органам, их представляющим, т.е. МЭ США и ФТС РФ. Важность этого была отмечена в Плане мер ФТС России по реализации задач, поставленных в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2004 год³⁴.

Для достижения этих результатов требуется стабильное обеспечение финансовых и материальных средств для технического оснащения, включая модернизацию контрольно-оборудования, комплектацию его системами видеонаблюдения.

Это можно выполнить в рамках продолжения программы «Вторая линия защиты» и расширения сотрудничества всех ее участников, позволяя на системной основе усилить концентрацию ресурсов таможенных органов Российской Федерации, направленных на проведение новых качественных преобразований.

Приложение. ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ В ЗОНЕ ДЕЙСТВИЯ АСТРАХАНСКОЙ ТАМОЖНИ³⁵

2004 г. Астраханскую таможенную посетил делегация США, в состав которой вошли сотрудники Министерства национальной безопасности США Д. Уинтджен и Д. Фарис, отвечающие за организацию обмена опытом иностранных специалистов в сфере контроля над нераспространением радиоактивных веществ и борьбы с контрабандой наркотиков. Задачей делегации было ознакомление с организацией таможенного и пограничного контроля в основных морских и воздушных портах Астрахани.

2002 г. Специалисты из Министерства энергетики США приняли участие в тестировании систем радиационного контроля «Янтарь», установленных на таможенных постах «Астраханский порт», «Караузек» и порт «Оля».

2000 г. С 8 по 10 октября в Астрахани с целью проведения приемочных испытаний аппаратуры радиационного контроля, установленной на таможенном пункте в порту «Оля» в рамках реализации программы «Вторая линия защиты», находилась делегация Министерства энергетики и национальных лабораторий США. В ночь с 8 на 9 октября новое оборудование дало первый «улов» – фургон, следующий из Ленинградской области в Иран с грузом калия углекислого технического, радиационный фон которого в 5–6 раз превышал допустимый уровень.

1998–1999 гг. Начало реализации программы на территории Астраханской таможни. В октябре первое оборудование (системы «Янтарь») по программе ВЛЗ было установлено в Астраханском морском порту. В Астраханском порту были установлены две системы контроля над железнодорожными грузами, система автомобильного и пешеходного контроля, в Астраханском морском рыбном порту – системы железнодорожного и автомобильного контроля. Американские специалисты, побывавшие в восьми регионах России в рамках программы ВЛЗ, решили в первоочередном порядке оснастить системами

радиационного контроля международный порт «Оля». В июле проводились приемочные работы по эксплуатации нового оборудования на двух участках таможенного поста «Стрелецкое», на которых присутствовали специалисты из НПЦ «Аспект».

Примечания

¹ В основу данной статьи положено интервью начальника отделения таможенного контроля наделяющимися и радиоактивными материалами Астраханской таможни М.В. Браиловского автору, а также материалы российских СМИ (печатных и электронных, общегосударственных и местных) в период с 1995 г. по январь 2005 г., а также анализ законодательных и нормативных актов, регламентирующих ядерную и радиационную безопасность при перемещении товаров.

Автор статьи выражает благодарность М.В. Браиловскому и заместителю начальника Астраханской таможни Н.В. Акилову за помощь и неоценимое содействие в подготовке данного исследования.

М.В. Браиловский является капитаном 2-го ранга запаса. Окончил Каспийское высшее военно-морское училище по специальности «военный инженер-химик». Преподавал на военно-морской кафедре в АГТУ (Астраханском государственном техническом университете), затем занял пост инспектора в Астраханской таможне. Когда в системе ГТК стала создаваться служба таможенного контроля ДРМ, ему предложили должность ведущего инспектора этой службы. В 1995 г. было создано отделение таможенного контроля ДРМ, начальником которого М.В. Браиловский является по настоящее время. Имея солидный преподавательский стаж (13 лет), опыт методической работы, лично принимал участие в разработке обучающих программ, систематически проводит обучение таможенного персонала ведению таможенного радиационного контроля и грамотной эксплуатации технических средств.

² «Первой линией защиты» принято называть программу МЭ США – Физическая защита, учет и контроль ядерных материалов (ФЗУИК).

³ Информация о программе представлена на официальном сайте МЭ США. <http://www.nnsa.doe.gov/na-20/sid.shtml>

⁴ GAO, Nuclear Nonproliferation: U.S. Assistance Efforts to Help Other Countries Combat Nuclear Smuggling Need Strengthened Coordination and Planning. May 2002. <http://www.gao.gov/new.items/d02426.pdf>

⁵ Roston Michael, Smigielski David. Accomplishments of Selected Threat Reduction and Nonproliferation Programs in Russia. 2003, June 10. <http://www.ransac.org/Publications/Reports%20and%20Publications/Reports/index.asp>

⁶ Department of Energy FY 2006 Congressional Budget Request. http://www.mbe.doe.gov/budget/06budget/Content/Volumes/Vol_1_NNSA.pdf

⁷ Использованы официальные данные бюджета Министерства энергетики США, отчеты Главного бюджетно-контрольного управления США, а также данные базы данных фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы».

⁸ Программа ВЛЗ активно сотрудничала с представителями государственных органов Греции по обеспечению безопасности и пресечению контрабанды ядерных и радиоактивных материалов при подготовке Олимпийских игр 2004 г.

⁹ На основании Приказа ГТК РФ от 7 мая 1997 г. № 242 «О введении в действие временного разрешения Госатомнадзора России, руководства по таможенному контролю делящихся и радиоактивных материалов и дополнительных функциях регионального информационно-технического таможенного управления» Государственному таможенному комитету Российской Федерации, нижестоящим таможенным органам и организациям системы ГТК России Временным разрешением Федерального надзора России по ядерной и радиационной безопасности (Госатомнадзор России) от 14 февраля 1997 г. № 07/226-07-01 предоставлено право на обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами. Все ядерные материалы, радиоактивные изотопы, радиоактивные вещества и изделия на их основе при вывозе из Российской Федерации или ввозе в Российскую Федерацию подлежат таможенному контролю и таможенному оформлению в соот-

ветствии с законодательством Российской Федерации и с порядком, определенным ГТК России, если иное не установлено актами законодательства Российской Федерации.

¹⁰ В соответствии с Законом РФ «Об обеспечении единства измерений» и Письмом ГТК России от 16.07.2002 N 20-107/28272 «Об отнесении ССРК «Янтарь» к разряду индикаторов» стационарная таможенная система радиационного контроля «Янтарь» утверждена как тип средства измерений (СИ) и внесена в Государственный реестр средств измерений. В соответствии с технологией таможенного контроля системы «Янтарь» различных модификаций используются как индикатор для проведения радиационного контроля товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации. http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi?table_code=14&action=show&id=1844

¹¹ Информация о компании и системах «Янтарь» с сайта НПЦ «Аспект». <http://aspect.dubna.ru/new/index.php>

¹² Астраханскую таможенную обслуживает ООО «СК-Цитрополимер», региональное представительство НПЦ «Аспект», г. Пятигорск.

¹³ Главное управление информационных технологий ФТС РФ выполняет функции рабочего органа по реализации программы сотрудничества ФТС России и Министерства энергетики США «Вторая линия защиты». Информация об основных задачах и функциях данного управления располагается на официальном сайте ФТС России <http://www.customs.ru/ru/gtk/structures/?id286=93&i286=13>

¹⁴ Правовое обеспечение деятельности таможенных органов: проблемы и дальнейшие перспективы. Интервью с Ю.Ф. Азаровым. Центр информационных технологий компании «Гарант». 2004, 4 ноября. <http://www.garant.ru/cooperation/gov/interview/04112004.htm>

¹⁵ С подробными пояснениями к ТН ВЭД можно ознакомиться на сайте Таможенного компьютерного сервиса: <http://www.tks.ru/bases/tnvtree.shtml>

¹⁶ Preventing Nuclear Proliferation. Report by Lawrence Livermore National Laboratory. http://www.llnl.gov/str/pdfs/09_00.1.pdf

¹⁷ Интервью автора с М.В. Браиловским.

¹⁸ Лиговский А. Михаил Фрадков благословил новую железнодорожную ветку. *Горожанин* (г. Астрахань). 2004, 30 июля.

¹⁹ Там же.

²⁰ На Оренбургской таможне конфисковали урановую гирю. *НТВ*. <http://www.ntv.ru/news/index.jsp?nid=59371>

²¹ Интервью автора с М.В. Браиловским.

²² То же.

²³ Методическое руководство по технологии таможенного контроля делящихся, радиоактивных материалов и товаров с повышенным уровнем ионизирующего излучения, в ред. Приказа ГТК РФ от 01 ноября 2002 г. № 1169. <http://www.vch.ru/prikazi/p9/51570.html>

²⁴ По словам М.В. Браиловского, «существенную методическую помощь оказывает Федеральная таможенная служба. Благодаря усилиям руководства службы ТК ДРМ ФТС РФ изданы учебные справочные пособия, которые вполне являются «настойной книгой» для таможенников в решении многих вопросов радиационного контроля и обеспечения радиационной безопасности».

²⁵ Интервью автора с М.В. Браиловским.

²⁶ То же.

²⁷ ООО «СК-Цитрополимер» и т.д.

²⁸ В отчете указываются: дата и время события, место (пункт, пост), места ИИИ в объекте изучения и оценка степени радиационной опасности, максимальный уровень мощности эквивалентной дозы (МЭД), результаты первичной идентификации, принятые меры, оформленные документы, сведения о объекте и выявленном источнике и решение по грузу (транспортному средству).

²⁹ Документ содержит следующую информацию: дата обнаружения, пункт пропуска (таможенный пункт, склад временного хранения и т.д.), способ обнаружения, наименование товара, его количество, код ТН ВЭД, отправитель и получатель товара, транспортное средство, заявленный режим, подробности обнаружения, МЭД на поверхности, принятые меры, результаты углубленного ради-

ационного исследования, результаты экспертизы (кем проведена, № заключения, обнаруженные ДРМ), тип обнаруженного вещества, содержание постановления о НТП, примечания.

³⁰ Интервью автора с М.В. Браиловским.

³¹ То же.

³² Азаров Юрий Федорович – статс-секретарь, заместитель председателя ГТК Российской Федерации «*Роль таможенных органов в обеспечении безопасности международных перевозок*», выступление на II Международной научно-практической конференции «Терроризм и безопасность на транспорте», 2003 г.

³³ С началом реализации программы ВЛЗ Астраханская таможня начала развивать связи как с НПЦ «Аспект», так и с ООО «СК-Цитрополимер».

³⁴ План мер ГТК России по реализации задач, поставленных в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2004 г.

³⁵ При составлении хронологии использовались сообщения информационных агентств *Волга-Информ* и *Regnum*. <http://www.regnum.ru/news/413130.html>

В годы горбачевской «перестройки» состоялась дискуссия о деидеологизации внешней политики в Советском Союзе. Это была реакция на чрезмерную зашоренность дипломатии «холодной войны». Появилось осознание того, что глобальная конфронтация «социализм против капитализма», переведенная на язык идеологии, препятствует нахождению взаимоприемлемых решений по острым международным проблемам.

По существу, речь шла о прагматическом подходе во внешней политике. Тогда для большинства советских граждан это выглядело необычным – сказывалась привычка, основанная на школьном и университетском образовании, во всякой внешнеполитической ситуации искать столкновение противоположных классовых интересов. Концепция непримиримого классового конфликта, в сущности, и была теоретическим фундаментом идеологизированной дипломатии. Казалось, что сам термин – деидеологизация внешней политики – включает в себе внутреннее противоречие.

Между тем имелся в виду, конечно, не отказ вообще от идеологии в политике. Без определенного набора идей и принципов ни политики, ни дипломатической деятельности не существует. Дипломатия не может быть безмозглой. Предлагалось перестроить внешнюю политику таким образом, чтобы изъять из нее детонатор идеологического противостояния, возникший на базе бескомпромиссной борьбы мировоззрений – марксистско-ленинского, который ассоциировался с Советским Союзом, и антикоммунистического, свойственного ведущим буржуазным странам.

Попытки внутри советской системы ценностей провести грань между практической дипломатией и участием в международном коммунистическом движении предпринимались и ранее, до перестройки. Они, например, находили выражение в признании относительной самостоятельности мидовского, т.е. дипломатического, и цековского ареалов во внешней политике СССР. Конечно, в действительной жизни этот барьер то и дело обнаруживал пробоины – волны идеологического возбуждения норовили поглотить его.

АРЕНА ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

И все же наличествовала сфера дипломатии, в рамках которой задолго до перестроечных откровений и вопреки гулявшим сквознякам и ветрам холодной войны прагматизм и деидеологизация осуществлялись на практике – без особого шума и рекламы, а в силу обстоятельств и оттого что иначе – нельзя. Своего рода испытательным полигоном деидеологизированной дипломатии были переговоры между СССР и США по ядерным вооружениям.

Советско-американские переговоры по ограничению и сокращению стратегических вооружений (ОСВ), начавшиеся в Хельсинки на уровне делегаций в ноябре 1969 г. и про-

должавшиеся с интервалами вплоть до роспуска СССР в декабре 1991 г., имели своим результатом ряд выдающихся договоренностей, направленных на упрочение мировой стабильности и прекращение бесконтрольного накопления ядерного оружия.

Конечно, переговоры между делегациями были только частью более широкого форума – проблемы ограничения стратегических вооружений подробно рассматривались на встречах высших руководителей СССР и США, а также в ходе контактов между министрами иностранных дел. основополагающие решения принимались именно на политическом уровне.

При всем том диалог – существеннейший элемент переговорного процесса. Без делегационной работы «ад референдум», т.е. для доклада руководству, текст проектов документов, подготовленных для подписания, так называемый *fine print* – конкретный язык юридических формул, был бы невозможен.

Этим обуславливается большое значение правильной организации стиля работы – от того, насколько рационально поставлено обсуждение, зависит общее продвижение на переговорах.

В истории международных отношений новейшего времени советско-американские переговоры по ОССВ занимают особое место – на них обсуждались военные средства, которые, олицетворяя «биполярную» систему международных отношений, составляли сердцевину безопасности двух супердержав. Никогда прежде ядерные вооружения не были непосредственным предметом переговоров между СССР и США. Разумеется, при заключении Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963 г.), а затем Договора о нераспространении ядерного оружия (1968 г.) речь также шла о ядерных арсеналах, но все же в ином ракурсе – прямых ограничений, а тем более сокращений этих арсеналов не устанавливалось.

На гребне холодной войны, пережив великую тревогу ракетно-ядерного кризиса вокруг Кубы, демиурги советской и американской политики пришли к выводу, что настало время для диалога. В противном случае логика ядерной конфронтации в условиях постоянной напряженности между двумя сверхдержавами в силу заложенной в ней неумолимой инерции была способна свергнуть мир в катастрофу.

Хотя с самого начала мало кто верил в успех нового дипломатического начинания – уровень взаимного доверия между Москвой и Вашингтоном был как никогда низок, благодаря переговорам по ОССВ удалось нащупать пути выхода из становившегося все более взрывоопасным тупика ядерного противостояния, и в конечном счете был преодолен затянувшийся кризис всей мировой политики (каковым, собственно, и была холодная война).

Даже Г. Кан, видный теоретик из Гудзоновского института, который сделал карьеру на исследовании последствий ядерной войны различной степени интенсивности, в 1972 г. приветствовал перспективу ослабления гонки вооружений: «К счастью, в 1960-х гг. гонка вооружений не развивалась столь быстрыми темпами, как на то рассчитывали в предыдущем десятилетии. Немногие люди станут отрицать, что это явилось благоприятным фактором на мировой арене, и мы можем надеяться (но не обязательно ожидать) еще большего замедления гонки в течение следующих двадцати лет. Все стремятся к тому, чтобы состоялся крупный прорыв в области контроля над вооружениями – возможно, посредством переговоров по ОСВ. Хотя мы и признаем, что добиться этого будет исключительно трудно, но, хотелось бы надеяться, не невозможно»¹.

Переговоры по ОССВ представляют собой образчик эффективного применения деидеологизированной дипломатии, оказавшейся востребованной, более того – необходимой при рассмотрении вопросов, касающихся ядерных вооружений. Современным работникам на дипломатическом поприще небесполезно помнить и учитывать опыт этих переговоров.

ВОПРЕКИ БОМБАРДИРОВКАМ

Относительная независимость переговорного процесса по ОССВ от идеологических стычек ощутимо проявила себя весной 1972 г.

Пока – начиная с ноября 1969 г. – шли переговоры делегаций СССР и США по ограничению стратегических вооружений, во Вьетнаме продолжались ожесточенные бои. Желая спасти готовую упасть под напором коммунистического Севера сайгонскую косточку «домино», Вашингтон развернул в Индокитае полумиллионный воинский контингент. Советский Союз оказывал Ханюю активное содействие – поставками снаряжения, участием специалистов.

В начале мая 1972 г., в то самое время, когда работа над проектами Договора по ПРО и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений близилась к завершению, в США было объявлено о намерении усилить военный нажим на Северный Вьетнам – вплоть до минирования подходов ко всем его портам, продолжения и интенсификации ракетно-бомбовых ударов с воздуха и моря. А ведь на рейдах Ханюю и Хайфона стояли и советские суда.

Руководитель делегации СССР В.С. Семенов, которому я – младший дипломат в делегации – подбирал актуальные сообщения печати, был встревожен. Газетные новости говорили о том, что военная кампания во Вьетнаме поднимается на новую ступень эскалации. Сводки с изложением американского плана по усилению силового прессинга на Ханюю не сулили ничего хорошего – над договоренностями по ОСВ-1 сгущались тучи. Возникло опасение, что намеченный на май визит президента Никсона в Москву для подписания указанных документов поставлен под вопрос.

Именно тогда в советской делегации в Хельсинки некоторые работники пришли к грустному выводу – переговоры по ОССВ родились под несчастливой звездой. Проведено столько встреч, обойдено так много подводных рифов, и вдруг по независимым от нас, но отнюдь немаловажным причинам подписание подготовленных документов может быть сорвано.

Надо сказать, похожие ситуации возникали и в дальнейшем. Сейчас, с учетом накопленного житейского опыта, можно говорить: то, что представлялось знаменем несправедливой судьбы, было, по-видимому, выражением глубинной связи проблем ограничения ядерных арсеналов с фундаментальными мировыми политическими процессами.

Но делегационные переживания не шли ни в какое сравнение с проблемами, которые решались в Москве.

Советскому руководству пришлось искать ответ на дилемму: как повести дело – встать в политико-идеологическую позу и отказать Никсону в приезде в Москву или, смирив эмоции, постараться не упустить исторический шанс и вместе с США начать движение по пути реального ограничения ядерных арсеналов.

Еще не старым и энергичным Л.И. Брежневым был сделан выбор в пользу подписания советско-американских договоренностей – несмотря на бомбежки в Юго-Восточной Азии. Точный политический расчет, осознание коренного политического интереса страны да и других государств – возобладали. Хотя советскому лидеру рекомендовали разное.

В воспоминаниях посла СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрынина, принимавшего на своем посту деятельное участие в переговорном процессе, приводится красочное описание тех незаурядных дней: «[...] В Москве, в Политбюро, в это время активно обсуждался вопрос: идти ли нам на встречу с Никсоном в условиях, когда он бомбит союзника СССР. Мнения разделились. Сомнения были немалые.

Военное руководство во главе с Гречко вместе с Подгорным были против встречи. Сомневался главный идеолог Сулов. Косыгин с Громыко выступили за встречу. Брежнев колебался [...]

При всем том в Кремле, свидетельствует Добрынин, отдавали отчет в том, что «отказ в приеме Никсона, несомненно, на продолжительное время осложнил бы наши отноше-

ния с американской администрацией, отодвинув на неопределенный срок встречу на высшем уровне, поставив тем самым под угрозу достижение договоренностей по ПРО и ОСВ; усилилась бы вероятность нового витка гонки вооружений, тем более что при этом отклонялась бы и готовность Никсона принять в концептуальном плане принцип мирного сосуществования. Отказ от встречи не помог бы и вьетнамскому народу; скорее наоборот, усилился бы военный нажим на ДРВ, включая бомбардировки».

Добрынин продолжает: «Для «страховки» советские руководители все же решили срочно вынести непростой вопрос о визите Никсона на закрытое обсуждение Пленума ЦК КПСС. Пленум, одоббив указанное решение и укрепив курс на мирное сосуществование, открывал дорогу для развития отношений с США, невзирая на догмы об «интернациональной солидарности». Идеологические соображения, пожалуй, впервые в таком важном деле уступили здравому смыслу, хотя и в дальнейшем они давали о себе знать»².

Логично предположить, что, помимо разоруженческих соображений, сыграл свою роль и китайский фактор, как он вырисовывался в ту пору, т.е. в период осложнения наших отношений с Пекином. Недаром советская сторона в ходе переговоров в Москве обратила внимание Никсона на тот факт, что тогдашнее «китайское руководство в международных делах стремится сеять раздор и играть на противоречиях между другими странами, в том числе СССР и США»³.

В этих условиях в рамках внешнеполитического «треугольника» Москва–Вашингтон–Пекин встреча с Никсоном была более чем уместной с точки зрения государственного интереса Советского Союза.

Знаменательно, что ближайший советник президента Никсона – Генри Киссинджер, рассуждая со своего, американского угла, усматривает во всем этом позитивную роль начавшегося в ту пору заигрывания США с Китаем: «Как только Америка встала на путь сближения с Китаем, наилучшим выбором для Советского Союза стало, в свою очередь, ослабление напряженности с Соединенными Штатами [...] Хотя многие эксперты по Советскому Союзу предупреждали Никсона, что улучшение отношений с Китаем отрицательно повлияет на советско-американские отношения, случилось как раз прямо противоположное. До моей секретной поездки в Китай (в июле 1971 г. – *Прим. авт.*) Москва в течение года замораживала организацию встречи на высшем уровне между Брежневым и Никсоном [...] И вдруг, не прошло и месяца с моего визита в Пекин, Кремль резко переменил свою позицию и пригласил Никсона в Москву»⁴.

История мировой дипломатии, как видим, складывается из неодинаковых оценок...

В Москву для окончательной подготовки документов к подписанию отбыла руководящая часть советской делегации. Средний и младший состав остался в Финляндии, и мы, находясь в хельсинкской гостинице, вглядывались в кадры телевизионного репортажа из Кремля. 24 мая 1972 г. Брежнев и Никсон своими подписями скрепили Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение, которые надолго стали отправными рубежами в работе над дальнейшими соглашениями по сокращению ядерных арсеналов.

Видный американский исследователь, профессор Дж. Гэддис писал об итогах московского саммита: «То, что решение о блокаде Хайфона не произвело такого же воздействия, каковое имели инцидент с самолетом У-2 на парижский саммит 1960 г. или вторжение в Чехословакию на намечавшийся визит президента Джонсона в Москву в 1968 г., позволяет предположить, что у русских сформировалась ставка на улучшение советско-американских отношений даже большая, чем у Вашингтона»⁵.

От себя отметим – с обеих сторон в конечном итоге было проявлено благоразумие.

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ?

Политические уроки московского саммита, состоявшегося в мае 1972 г., были прочно усвоены участниками переговоров по ОССВ. С тех пор, ввиду чувствительности самого предмета переговоров – ядерные вооружения и средства доставки в их широком assor-

тименте, а также ключевого значения подготавливаемых договоренностей для международного климата, делегации руководствовались неписанным правилом – не допускать вовлечения в дискуссию по вопросам, не относящимся к повестке дня. То есть в ходе обмена мнениями держаться рамок мандата переговоров, не траться на постороннюю проблематику – независимо от ее злободневности.

С течением времени щепетильность в плане поддержания чистоты переговорного процесса, его незамутненности другими темами превратилась в обычай, в настоятельное требование хорошего тона, в стиль переговорного общения. Такая практика была направлена на то, чтобы на переговорах не провоцировать идеологических прений.

Это, кстати, находило выражение и в характере официальных заявлений, которыми обменивались главы делегаций на проводившихся дважды в неделю пленарных заседаниях. Пожалуй, ни в одном из них не найти пассажей, навязанных идеологизированной риторикой холодной войны. Газетные завитушки не допускались. В цене была строгая доказательность каждого тезиса. Аргументация, отражающая подходы сторон, тщательно процеживалась на внутренних совещаниях делегаций и касалась исключительно переговорной канвы. А она обеспечивала обильную пищу для ума – от путей реализации в подготавливаемых совместных документах принципа равенства и одинаковой безопасности до таких конкретных аспектов, как, скажем, выработка критериев для уточнения различия между пусковой установкой МБР, оснащенной РГЧ индивидуального наведения, и пусковой установкой моноблочной МБР, выяснение объема исходных данных, предназначенных для обмена между сторонами, или определение вида и количества инспекций для проверки выполнения принимаемых обязательств и т.п.

На переговорах доминировала обстановка подчеркнутой придирчивости к формулировкам и к логике заявлений на пленарных заседаниях. Тексты этих заявлений после произнесения передавались друг другу для включения в протокол, который, однако, велся самостоятельно каждой из сторон.

Через эту школу прикладной дипломатии в той или иной мере прошли десятки работников. Одни быстро осваивались, входили в ритм работы, другие – нет. И безболезненно отсеивались, переходили на другие, не менее престижные участки дипломатии.

Конечно, это не означало, что участники переговоров не интересовались ничем иным кроме разоруженческой «кухни». Хотя профессиональная однобокость, подпитываемая потоком постоянно возникающих новых вопросов, требующих анализа, присутствовала. На досуге, по-приятельски собираясь за столиком опрятного женевского кафе, чтобы выпить бокал молодого «божоле» или «канетт» (кружку) местного пива, сотрудники совдеlegationи клятвенно уговаривались не касаться служебных вопросов. Иногда получалось, но чаще все возвращалось на круги своя. Как разговор между мужчинами, по наблюдению авторитетных психологов, неминуемо выливается в обмен мнениями по поводу милых дам, так и беседа дипломатов выводила их – с соблюдением правил иносказания – на перемирование переговорных «косточек». Недаром проницательный Козьма Прутков подметил, что специалист подобен флюсу...

В неформальной обстановке проходили протокольные контакты с американскими партнерами. Деловой разговор перемежался экскурсами в изящную литературу – от Достоевского до Пастернака и Фолкнера, в современное изобразительное искусство, благо в Женеве и ее окрестностях были нередки вернисажи, в вечно живую кинематографию, классическую музыку и даже в область туристических маршрутов и разного рода кулинарных рецептов. После насыщенных официальных встреч это была необходимая интеллектуальная разрядка – гуманитарный детант.

Думается, полностью очищать ядерную проблематику от политики – дело неблагодарное и даже вредное. Первый руководитель делегации СССР на переговорах – заместитель министра иностранных дел В.С. Семенов тактично, но твердо противостоял попыткам «технократов» от разоружения отвлечься от политического существа обсуждаемых вопросов и сосредоточиться на голой юриспруденции. На переговорах Семенов широко прибегал к политической аргументации – но строго и точно в рамках повестки дня. Без соответствующего политического настроения ядерные завалы разгрести невозможно.

Но одно дело – политика, другое – идеологические склоки. Ревнивое, почти аскетическое ограждение переговоров по ОССВ от полемики по идеологическим мотивам не имело ничего общего с попыткой выстроить оторванную от жизни дипломатическую «башню из слоновой кости». От катаклизмов в политике на переговорах не спрячешься. Можно, однако, оградить процесс переговоров, и без того изобиловавший трудными заковычками, от идеологических наслоений, которые могли бы создать дополнительные препоны на пути к согласию.

Словом, требования хорошего переговорного тона предписывали деидеологизацию.

ОТХОД ОТ НОРМЫ

Правда, случались попытки проигнорировать запрет на идеологизированные дискуссии.

Согласно заведенному распорядку, после заседания делегаций устраивалась так называемая «послепленарка». Руководители удалялись в отдельную комнату побеседовать друг с другом с участием переводчиков, а остальные члены и советники делегаций размещались «по интересам» небольшими группами в холле. Рассадка заранее согласовывалась через исполнительных секретарей и была довольно постоянной. Особняком беседовали сами исполнительные секретари, политические советники, главные военные представители. Выделялось место и для руководителей рабочей группы, в которой, по поручению глав, шлифовались формулировки по вопросам, уже получившим принципиальное «добро» на более высоком уровне. Беседы в холле заканчивались вместе с завершением встреч глав делегаций.

С учетом того, что длительное время пленарные заседания проводились два раза в неделю (по вторникам и пятницам) плюс дважды в неделю заседала рабочая группа, послепленарные обмены делали процесс согласования переговорных подходов, по существу, перманентным. Взаимодействие советской и американской делегаций представляло собой своеобразное совместное предприятие, в чреве которого проходили обработку выдвигавшиеся обеими сторонами позиции. На выходе появлялись согласованные юридические формулы для включения в совместные проекты подготавливаемых документов.

Во второй половине 1970-х гг. автору этих строк довелось принимать участие в послепленарных беседах руководителей рабочей группы. Советскую часть группы возглавлял тогда член делегации, советник МИД В.В. Смолин (впоследствии посол СССР в Колумбии) – вдумчивый и дотошный дипломат, большой патриот и знаток переговорного дела. На одной из бесед с американской стороны присутствовал молодой эксперт, впервые появившийся на переговорах. Неожиданно, воспользовавшись возникшей паузой, он повел речь об аресте Н. Щаранского – советского гражданина, арестованного в Москве по обвинению в шпионаже в пользу США, и о политических осложнениях вокруг этой истории.

Споры по вопросам подобного рода в ходе рутинных дипломатических обменов были обычной, хотя и малоприятной практикой. Следует также иметь в виду, что на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившей параллельно женевским переговорам по ОССВ, проблемы прав человека составляли одну из главных «корзин», вокруг которых концентрировались обсуждения и выработывались решения. В этой «корзине» казус Щаранского дебатировался весьма оживленно, в том числе с участием американского представителя – посла М. Кампельмана, который несколько лет спустя (в 1985 г.) возглавил делегацию США на советско-американских переговорах в Женеве по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ), явившихся непосредственным продолжением прерванных на некоторое время в конце 1983 г. переговоров по ОССВ.

В ракетно-ядерной сфере ситуация была иной. Подчеркнуто строгим и даже наставительным тоном В.В. Смолин на правах старожилы – он к тому времени был участником всех раундов переговоров – разъяснил новому коллеге из делегации США неуместность поставленного вопроса: данная проблема лежит за пределами мандата. Образовавшаяся

принял конспективный обзор советского подхода. Была подчеркнута необходимость увязки между решением вопросов ядерных вооружений (причем не только стратегических) с проблемами космоса. В сущности, мои замечания воспроизводили «пакетное» предложение советской стороны, выдвинутое в Рейкьявике и предусматривавшее резкие сокращения, вплоть до полного уничтожения, стратегических наступательных вооружений, ликвидацию ракет средней дальности в Европе, а также укрепление режима Договора по ПРО. При этом я опирался на выступления М.С. Горбачева от 12, 14 и 22 октября 1986 г., в которых он подводил итог советско-американских переговоров в исландской столице и особо указывал на неправомерность попыток изъять из советского «пакета» вопрос о ликвидации ракет средней дальности в Европе⁶.

В дальнейшем – примерно через полгода – эта конкретная увязка, вызывавшая возражения американской стороны, была снята. Но на тот период она была неотъемлемой частью нашей позиции.

Для полноты картины следует отметить, что в течение нескольких недель после Рейкьявика советская делегация в Женеве, в соответствии с поручением, не прерывала регулярных заседаний с американскими коллегами. При этом, однако, дополнительных инструкций или разъяснений из Москвы не поступало. На языке практической дипломатии это называется «держат делегацию на голодном пайке». Основным и, фактически, единственным ориентиром для нас были упомянутые публичные заявления президента СССР. Некоторое время делегация в Женеве работала как бы на автопилоте.

Так складывалась реальная ситуация в Женеве, когда мы принимали группу гостей из Москвы. На предстоящей беседе для меня было важно показать, что при всех разногласиях по вопросам СОИ, которые обнажились в Рейкьявике, этот советско-американский саммит послужил политическим импульсом в пользу активизации женевского переговорного процесса.

Было еще одно подспудное практическое соображение. Хотелось иметь уверенность, чтобы и возможные соображения со стороны столичных посланцев не расходились с курсом, которому следовала делегация. Я, разумеется, не сомневался в квалификации высоких представителей Москвы. Но одно дело непосредственно работать на переговорах и другое – наблюдать за эволюцией переговорной позиции со стороны. Тут возможен люфт, если учесть немалую сложность обсуждаемых проблем. Его-то и хотелось избежать, особенно в условиях развернувшейся острой полемики по поводу итогов рейкьявикского противостояния. Таков был подтекст вводного резюме, который, как я надеялся, послужит камертоном для московских коллег.

После моего вступительного слова Е.М. Примаков высказался в том смысле, что оно охватывает круг вопросов, которые и он сам собирался затронуть по ходу беседы.

У нашего визави – посла Кампельмана была собственная домашняя заготовка. Он заговорил о прорыве в правозащитной сфере – возвращении из горьковской ссылки академика А.Д. Сахарова.

В памяти сразу возник эпизод почти десятилетней давности, когда с американской стороны поднимался вопрос о злключениях Щаранского. Идентичная ситуация – разница лишь в том, что разговор на правозащитную, т.е. идеологизированную, тему теперь инициировал не младший американский дипломат, а руководитель делегации США. На этот раз я уже сам на правах ветерана переговорного процесса в короткой реплике отметил, что по взаимному согласию аспекты, подпадающие под рубрику прав человека, на переговоры по ОССВ не выносятся. В интересах незагромождения переговоров посторонними вопросами не стоит ломать устоявшуюся практику.

После этого беседа продолжилась в русле женевской повестки. Американцы изложили свои взгляды, ответили на вопросы. Разошлись участники встречи с миром, лишней раз подтвердив подходы сторон.

В дальнейшем много чего было на переговорах в Женеве. В советскую делегацию был назначен новый (вместо В.П. Карпова) руководитель – первый заместитель министра иностранных дел Ю.М. Воронцов. Автор этих строк был определен его заместителем.

С приходом Воронцова, который пробыл в Женеве всего несколько недель в течение 1987 г., был коренным образом преобразован формат работы делегаций – сократилось количество пленарных заседаний, выросло число рабочих встреч, нацеленных на поиск практических решений по остающимся вопросам.

Однако после апреля 1987 г., когда в Женеве развернулась интенсивная работа над текстом проекта Договора по РСМД, Воронцова – по-видимому, из-за его высокого положения в иерархии советского МИДа – из Москвы отпускали редко и ненадолго. Обязанности конкретного руководства делегации легли на плечи его заместителя. В этом качестве мне приходилось много встречаться с М. Кампельманом за столом переговоров, да и в неофициальном порядке.

Моя память о женевских днях сохранила ровные и корректные – несмотря на случившиеся разногласия по проблемам ПРО – отношения, установившиеся с послом Кампельманом. Правда, с середины 1987 г., когда переговоры по вопросам РСМД вступили в решающую фазу, его наезды в Женеву также стали эпизодическими. Он к тому времени был произведен в советники Госдепартамента США – высокий дипломатический пост. С американской стороны главную ответственность за подготовку текста проекта Договора несли посол М. Глитман и его команда в Женеве.

Правозащитная тема в наших разговорах с американским дипломатом в течение всего времени вплоть до конца 1987 г., когда Договор по РСМД был подписан в Вашингтоне, не возникала. Было много неотложных вопросов, особенно по ракетам средней дальности, а также по Договору по ПРО и стратегическим наступательным вооружениям. И все они требовали практического решения.

И вдруг через пять лет после декабрьской (1986 г.) встречи в Женеве с группой официальных лиц из Москвы посол Кампельман заговорил о горьких обидах на мое тогдашнее замечание относительно неуместности привнесения в переговоры правозащитной проблематики. В своих мемуарах, опубликованных в 1991 г., он назвал эту мою в общем-то дежурную сентенцию «атакой» на его заявление о Сахарове, в рамках которой будто бы прозвучали инвективы о «вмешательстве во внутренние дела СССР»⁷.

В действительности в Женеве подобная лексика не использовалась – не было нужды. Это явно «из другой оперы», из других переговоров. Эпизод с «делом Щаранского» вспомнился тогда не по поводу вмешательства во внутренние дела, а по единственной причине – хотелось предотвратить деградацию диалога по ядерной проблематике в перепалку на посторонние темы. Не зря же усилиями обеих сторон с самого начала были выработаны правила «хорошего тона» на переговорах.

Для меня единственным поручением были вопросы ЯКВ, и американским представителям было, по сути, предложено держаться именно этого берега. Они не возразили. Прагматический подход первенствовал над идеологизированным.

В Указе от 17 декабря 1986 г., подписанном Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко, в соответствии с которым прекращалось поднадзорное сидение Сахарова в закрытом для иностранцев Горьком, о гуманитарном аспекте речи не шло. Там констатировалось, что отменяемая мера пресечения была применена к академику «в целях предупреждения его враждебной деятельности и преступных контактов с гражданами капиталистических государств, возможного в этой связи нанесения ущерба Советскому государству»⁸. Я исходил из того, что у гостей из Москвы на тот период вряд ли была в запасе иная, менее конфронтационная аргументация.

Удивительно, что такой искушенный и умный дипломат, как посол Кампельман, даже пять лет спустя не различил в моей ремарке стремления избежать идеологизированного спора по проблеме, лежавшей за пределами женевских переговоров.

В своих мемуарах Кампельман по ходу дела критикует и мое изложение советских инициатив в Рейкьявике, усмотрев в нем «предсмертные стоны захандрившего режима». Как говорят, бумага все стерпит. В 1986 г. мой визави «предсмертных стонов» не расслышал – иначе сказал бы, не утаил. А вот в 1991 г., когда до роспуска СССР осталось всего ничего, – другое дело. Можно, оказывается, «с высоты истории» в книге воспоминаний

дать исполненную нострадамусовскими предчувствиями оценку имевшей место пятью годами ранее беседе, на ход дела никак не повлиявшей. Никто, мол, в хитросплетении дат разбираться не станет.

Почему все-таки Кампельман заставил ждать целое пятилетие – вплоть до конца 1991 г. – своей столь острой реакции на мои слова в беседе в конце 1986 г.? Может быть, он отвечал – по совокупности – и на как-либо дошедший до него рассказ об эпизоде с «делом Щаранского», переданный мною С. Тэлботту в 1989 г.

Получается, что во время беседы в 1986 г. Кампельман промолчал, а в 1991 г. решил излить накопившиеся фрустрации по поводу несостоявшейся перепалки по правозащитным аспектам. При этом впечатления и оценки в связи с развалом СССР опрокидываются на события давно минувших дней, когда о крушении великой страны никто не помышлял. Посол Кампельман как бы возобновляет переговоры, которые давно закончились, и излагает то, чего не довелось сказать на них ранее.

Надеюсь, приведенный здесь комментарий позволит М. Кампельману-мемуаристу яснее понять мои намерения председателя на дипломатической встрече в Женеве в конце 1986 г.

В двух приведенных здесь эпизодах из истории советско-американских переговоров по ядерным вопросам фигурировали имена Н. Щаранского, который после освобождения из мест заключения стал, как известно, видным общественным и государственным деятелем в Израиле, и академика А.Д. Сахарова, который в рекомендациях не нуждается. Вызывает удовлетворение, что в их личных судьбах произошел – не без содействия правозащитного движения – позитивный поворот.

Это, однако, не отменяет того, что вопросы ограничения ядерных вооружений и вопросы обеспечения прав человека представляют собой разные ипостаси, которые лучше не смешивать, не рискуя внести сумятицу в оба эти направления дипломатической работы.

ПЕРЕКЛИЧКА ВРЕМЕН

В свое время правозащитная тема с немалым скрипом входила в международную повестку дня. Довольно долго она была серьезным раздражителем в советско-американских отношениях. По сей день решение вопросов защиты прав человека подчас испытывает на себе негативное воздействие двойных, а то и тройных стандартов. Это, однако, не должно расхолаживать. Вопросы прав человека находятся в фокусе многих авторитетных межгосударственных организаций и неправительственных форумов.

Но ясно и то, что подключение, как правило, эмоционально насыщенной правозащитной проблематики к дискуссиям по вопросам ограничения ядерных вооружений стало бы деструктивным шагом в ущерб и гуманитарной сфере, и процессу разоружения.

Опыт показывает, что проблему ограничения и сокращения стратегических вооружений, от решения которой напрямую зависят снижение военной опасности и упрочение стабильности в мире, на переговорах нельзя перемежать посторонними вопросами. Именно такая линия, которую, как это видно из предыдущего изложения, приходится блюсти и ограждать от соблазнов идеологизации дипломатического диалога, в немалой степени способствовала тому, что Советскому Союзу и Соединенным Штатам за годы упорной, исполненной драматизма совместной работы удалось пробиться к договоренностям, которые на заре переговоров по ОССВ показали бы слишком смелой фантазией.

В послепереговорный период, во время ратификации заключенных договоренностей жизнь берет свое – их придирчивые критики нередко прибегают к увязыванию ядерной тематики с другими темами. Но это уже иной формат рассуждений: переговоры завершены – начинается межпартийная, парламентская перепалка.

Как правило, выдвигаемые при этом увязки отражают неудовлетворенность определенных кругов самим содержанием той или иной договоренности. Так случилось с советско-американским Договором ОСВ-2, подписанным летом 1979 г. на саммите в Вене.

Его ратификация в Конгрессе США была застопорена сначала под предлогом озабоченности по поводу развертывания на Кубе «советской военной бригады», а затем – по поводу ввода советских войск в Афганистан. В результате Договор ОСВ-2 остался нератифицированным.

Но это происходило за бровкой делегационного поля. Под сенью, так сказать, той самой «несчастливой звезды».

Весной 2003 г. при рассмотрении в Государственной Думе России вопроса о ратификации теперь уже российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) ряд парламентариев воспротивились этому шагу, ссылаясь на военные действия США и Великобритании против режима С. Хусейна. Ситуация, напоминающая то, что происходило в мае 1972 г., когда советское руководство в условиях наращивания американских военных усилий во Вьетнаме решало вопрос о приезде в Москву президента Никсона для подписания первых договоренностей об ограничении стратегических вооружений.

Но все и на сей раз обошлось благополучно, чему помогло то обстоятельство, что в результате демократических преобразований в России на международной арене теперь не действует механизм идеологического противостояния по формуле «социализм против капитализма». Договор СНП, представляющий собой очередную высоту, взятую на пути уменьшения ядерной угрозы, в середине 2003 г. вступил в силу.

Знаменательная и позитивная преемственность переговорных традиций в условиях меняющегося мира. Судя по всему, прагматический, деидеологизированный подход во внешней политике обрел все необходимые качества основополагающего, устойчивого принципа.

Примечания

¹ Kahn Herman, Bruce-Briggs B. Things to Come: Thinking about the Seventies and Eighties. N.Y., Macmillan Company, 1972. P. 17.

² Добрынин Анатолий. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., Издательство «Автор», 1997. С. 233–234.

³ Там же. С. 238.

⁴ Киссинджер Генри. Дипломатия. М., Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. С. 664.

⁵ Gaddis John Lewis. Russia, the Soviet Union and the United States: An Interpretative History. N.Y., John Wiley and Sons, Inc., 1978. P. 267.

⁶ Советско-американская встреча на высшем уровне. Рейкьявик, 11–12 октября 1986 года. М., Издательство политической литературы, 1986. С. 61, 63.

⁷ Kampelman M. Entering New Worlds: the Memoirs of a Private Man in Public Life. New York, Harper Collins Publishers, 1996. P. 329.

⁸ Сахаров Андрей. Воспоминания. В двух томах. М., Права человека, 1996. Том 2. С. 695.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: ИНФОРМАЦИЯ

еженедельный электронный бюллетень по проблемам международной безопасности

Представляем вашему вниманию младшего брата журнала – электронный бюллетень *Ядерный Контроль: Информация*. Бюллетень существует уже несколько лет и за это время успел стать признанным информационным ресурсом в российском и международном сообществе экспертов не только в области нераспространения, но и безопасности в целом. *Ядерный Контроль: Информация* является важным дополнением к *Ядерному Контролю*, позволяя оперативно отображать важные события в России и за рубежом.

Бюллетень *Ядерный Контроль: Информация* является не только «зеркалом» мира нераспространения и безопасности, но также и новостной «трибуной» ПИР-Центра. Хотя основой бюллетеня являются материалы российских СМИ, в бюллетене часто публикуется эксклюзивная информация, авторами которой являются и читатели *Ядерного Контроля*.

Несмотря на кажущуюся «узость» охвата информации, вытекающей из названия, бюллетень в реальности представляет широкий спектр тем: **Ракетное и ядерное досье**, различные аспекты, связанные с **Химическим и биологическим оружием** и **Обычными вооружениями**, на его электронных страницах свое **Мнение** по поводу основных международных событий высказывают ведущие российские политики и эксперты. В бюллетене присутствует и справочная страничка – в разделе **Документы** приводятся ссылки на основные документы по вопросам нераспространения.

В качестве примера богатого информационного «меню» бюллетеня упомянем только традиционные для него сюжеты: различные аспекты программы Глобального партнерства, проблемы терроризма с использованием оружия массового уничтожения, новости из области экспортного контроля, мирной ядерной энергетики, военно-технического сотрудничества России с зарубежными странами. Кроме них в рубриках бюллетеня можно найти материалы, посвященные Вооруженным силам России и дискуссиям об их реформировании и путях развития, столкновение точек зрения по актуальным дилеммам безопасности России (расширение НАТО на Восток, реформы ООН, ОБСЕ и других международных организаций).

Уникальным разделом Бюллетеня является **Календарь** – фактически ежедневная хронология основных событий в России и за рубежом в области нераспространения и безопасности, которая является результатом ежедневного мониторинга ведущих российских и зарубежных СМИ сотрудниками ПИР-Центра.

Бюллетень выходит еженедельно по четвергам. Вы можете бесплатно подписаться на электронный бюллетень на сайте ПИР-Центра по адресу <http://www.pircenter.org/russian/subscription/e-subs.htm>

ЗАПАХ СТРАХА, ЗАПАХ ПЫЛИ...

Åsne Seierstad. *The Bookseller of Kabul*. Translated from Norwegian by Ingrid Christophersen. Back Bay Books, N.Y.-Boston, 2004. 288 pp.

Åsne Seierstad. *A Hundred & One Days. A Baghdad Journal*. Translated from Norwegian by Ingrid Christophersen. Basic Books, N.Y., 2005. 321 pp.

Рецензия – Владимир Орлов

«... Ему казалось, что вычитанные им из газет сообщения... складываются у него в стройную систему, следуя которой, логический и трезвый ум (его ум в данном случае) без труда может объяснить и предвидеть множество мировых событий. Названия стран и имена главных представителей обращались у него вроде как в ярлыки на более или менее полных, но, по существу, одинаковых сосудах, содержание которых он переливал так и этак. Франция чего-то боялась и потому никогда бы не *допустила*. Англия того-то *добивалась*... Словом – мир, создаваемый им, получался каким-то собранием ограниченных, безъёморных, безликих, отвлеченных драчунов, и чем больше он находил в их взаимных действиях ума, хитрости, предусмотрительности, тем становился этот мир глупее, пошлее и проще»¹.

Это мир читаемых нами ежедневных газет, слышимых радиосводок, просматриваемых теленовостей. В мире Осне Сейерстад – иначе. Там нет глубокомысленного политического анализа *истоков и следствий*. Там, казалось бы, не видно столкновений *геополитических интересов*. Даже герои и антигерои нашего времени (Ахмад Шах Масуд... Саддам... Карзай... Буш... Бликс...) – не более чем второстепенные персонажи, никаких *эксклюзивных интервью*, их лица лишь изредка мелькнут в массовке. А между тем Сейерстад пишет о двух центральных событиях последней политической пятилетки: о разгроме режима талибан в Афганистане и об американском вторжении в Ирак. Она – единственная в мире женщина-журналист, которая вела репортажи и о падении Кабула осенью 2001 г., и о бомбежках Багдада весной 2003 г. В Кабул она шла вместе с силами Северного альянса (где-то в Узбекистане потеряв весь свой багаж). Багдад накануне американского вторжения она не покинула, так и появлялась перед телеаудиторией нескольких европейских стран с балкона отеля *Палестина* – под звук разрывающихся бомб.

Как она сама признается, войны странным образом притягивают ее. До Афганистана и Ирака были Чечня, Босния, Косово.... Но в ее книгах так же нелепо было бы искать *батальные сцены*, как и *портреты лидеров*. То, что по-настоящему интересует ее – голоса, лица, мысли простых, *маленьких* людей, которых *накрыла* война; и – что будет с этими людьми. А чтобы понять, как эти люди живут, что думают, Осне предпринимает, казалось бы, невозможное: блондинка из норвежского Лиллехаммера оказывается в одежде афганской женщины, глядит на мир сквозь узкую прорезь для глаз или бродит по закоулкам шиитских кварталов иракской столицы накануне первых бомбежек. И все время впитывает разговоры, уличные пересуды, уличные запахи, запахи, носящиеся в воздухе: запахи базара, запахи войны, запахи нищеты, запахи крови. Она, словно губка, поглощает все это, чтобы потом выплеснуть в своих книгах-репортажах. И это получаются горькие, едкие духи.

Похоже, эти *запахи улицы* всегда интересовали Осне куда больше, чем мир политических персонажей. Еще стажирясь в Москве, она, конечно, баловалась, любопытства ради, расспросами угощавшего ее черной икрой Жириновского или пыталась не зевать

под монологи Зюганова; но уже и тогда ей казалось, что лучше можно понять Россию не из этих отвлеченных монологов, а из окна поезда, идущего от Казахстана до Урала; и ехала она не в *Oriental express'e*, но в плацкартном вагоне. А когда писала о французском ядерном оружии, она предпочла проплыть до атолла Муруроа вместе с протестовавшими против ядерных испытаний и уже там столкнуться с французской полицией, а не изучать тома научных и политических изысканий.

Но на смену пейзажам Французской Полинезии для нее уже давно пришли иные...

Кабульский Книготорговец принес Осне мировую славу. Книга стала бестселлером и была переведена на двадцать шесть языков. «Восхитительный, проникновенный портрет обыденной жизни в стране, которую Вашингтон, как он утверждает, освободил, но которую он так и не начал понимать. Сейерстад пишет об отдельных людях, но ее послание читателям куда шире», – пишет, например, *Washington Post Book World*. Ему вторит *New York Times Book Review*: «Самое сокровенное описание афганского быта, которое когда-либо выходило из-под пера западного журналиста. Сейерстад – зоркий и зачастую лиричный наблюдатель».

Действительно, это очень лиричная книга. То, что на поверхности смотрится как репортаж из семьи обыкновенного, довольно состоятельного владельца книжной лавки в афганской столице (что само по себе неслыханная журналистская удача: книготорговец приглашает Осне пожить в его доме, и она может раствориться среди его многочисленной семьи, дав волю репортерскому вуайеризму), на самом деле наполнено щемящими образами Афганистана: его высоких и худых жителей, его неприветливых гор и знакомых только *местными* перевалов, странных для иноплеменного взгляда ритуалов. И кругом эта пыль – и на улицах, и в доме, и даже в бане, вода не смывает ее, эта вечная афганская пыль будто скрипит у читателя на зубах, будто забивает его легкие, и мы с болью ощущаем запах этой неистребимой пыли... Не оттого ли по прочтении книги, в противовес историческому сюжету – талибан пал, Кабул освобожден, новый президент избран, школы открываются... – это ощущение безысходности, порочного круга... И пересилить это ощущение не помогает даже эпиграф, предпосланный книге, – нацарапанное на пущу на стене кабульской чайханы «Все пройдет!».

Отсутствие в книге авторского «я» делает ее куда больше чем журналистским репортажем. Конечно, это не совсем так: мы смотрим на каждый день в доме и в лавке кабульского книготорговца глазами Осне; мы слышим разговоры его двух жен, переживания сестры, заботы соседей – ушами Осне. Но само «я» – за пределами повествования, будто Осне надела «шапку-невидимку», и это мы вдруг оказались в построенном советскими строителями в шестидесятых годах в дар афганскому народу квартале, называемом просто *микрорайон*, и это при нас ведутся разговоры, которые обычно тут никому постороннему не доверят. Конечно, Осне – не равнодушный зритель. Вот, кажется, сейчас она сорвется, выскажет все, что в ней накопилось, своему гостеприимному, но жестокому с близкими книготорговцу. Но она сдерживается, и повествование продолжается. Вот был талибан: стражи Министерства по насаждению добродетели и искоренению греха приходили в дома, открывали книги и закрашивали в них изображения человеческих лиц; запрещали любые портреты; запрещали даже детские мягкие игрушки с изображениями животных и, проводя обыски в домах, распарывали эти игрушки на глазах у детей; запрещали воздушных змеев; запрещали музыку и танцы на свадьбах... Но вот талибан повержен, кажется, мало кто проливает по нему слезы, особенно в Кабуле... Но что приходит на смену? Система образования давно разрушена, еще со времен советского присутствия; и мало кто стремится вновь восстанавливать ее для женщин. Местные порядки и устои тоже остались неизменными.

Хотя самые проникновенные страницы книги связаны с взглядом на Афганистан изнутри дома, самые тревожные страницы – когда Осне в своей «шапке-невидимке» с попутчиками, чьи голоса мы только слышим в книге, пробираются в сторону Хоста. Кругом идет охота на Усаму бен Ладена. Американцы – повсюду. Казалось бы, в Афганистан пришел мир. Но в этом путешествии из Кабула в Хост перед нами реальный мир, а не *сиэнэновский*. Это мир полевых командиров, таких, как Паша Хан², которые вроде бы работают на американцев, но на самом деле просто передают американцам информацию о собст-

венных местных врагах; американцы исправно наносят по тем удары; и уже потом выясняется, что никакого отношения ни к талибану, ни к Аль-Каиде уничтоженные цели не имели, это были крестьяне... свадебные церемонии... люди, просто по каким-то причинам не угодившие Паше Хану. Таков же и его лютейший противник, полевой командир Камаль Хан. Осне вводит нас в сюрреалистический мир этих полевых командиров и подвластных им отрядов. Для них не существует никакой другой власти кроме их собственной. Всю свою жизнь они провели воюя и другой, мирной жизни не знают. В их мире суровое почитание Корана сочетается с повсеместным гомосексуализмом: полевого командира сопровождают двое мальчиков с крупными желтыми цветами, вплетенными в волосы, – Осне они напоминают скорее девочек из Полинезии... И зловеще-загадочная Тора-Бора на мгновение превращается в безмятежно-солнечный Бора-Бора, но лишь на мгновение... Кстати, о солнце: для меня один из самых сильных эпизодов книги – незамысловатый рассказ о девушке, заболевшей из-за нехватки витамина Е, ей просто нужно почаще бывать на солнце. Действие происходит в Кабуле – одном из самых солнечных мест на нашей планете; но девушка надежно укрыта от солнца – накидкой, домом, вековыми традициями.

Так что солнца в этой книге, как и в Афганистане, по-настоящему мало. Зато много наркотиков. И все больше...

Усилия американцев по демократизации Афганистана вызывают у Осне только горькую усмешку. Она вспоминает местную поговорку: «Афганцем нельзя завладеть, его можно только взять напрокат».

Багдадский Дневник только-только находит свою дорогу к англоязычному читателю. Станет ли он таким же бестселлером, как и *Кабульский Книготорговец*? Две книги не похожи друг на друга. В *Багдадском Дневнике* с «шапкой-невидимкой» покончено. Как и положено дневникам, авторское «я» вынесено на первый план.

Сначала ключевым словом становится «терпение»: когда Осне попадает в Багдад в январе 2003 г. и борется с иракской бюрократией, чтобы ее журналистская виза была продлена, чтобы ей предоставили хоть какую-то свободу передвижения по городу. Но в основном ее попытки тщетны. В результате то, что делает ее книги таким захватывающим и сокровенным чтением – голоса и мысли маленьких людей, заглушено голосами чиновников-вымогателей из саддамовского министерства информации; российский читатель вряд ли найдет в этих портретах взяточников средней руки что-то оригинальное.

Осне, находясь в Багдаде, томится в гостинице, как в застенке: опекуны из министерства отлучают ее от улицы. Да и в тех редких случаях, когда ей удается поговорить с простыми людьми, она слышит в ответ в основном отретпетированные, гладкие фразы, за которыми ей так тяжело разглядеть, что думают эти люди о неизбежном – о готовящемся американском вторжении.

Осне пытается набраться терпения – «качества, наиболее необходимого, когда путешествуешь среди арабов», как прочитала она в старой книге. Иногда она не выдерживает и пытается сама смоделировать невозможные ситуации, например: *какими бы глазами смотрело на нее Министерство информации Великобритании, если бы Ирак готовился к войне против Великобритании, а она была бы иракской журналисткой, интервьюирующей готовящихся к жестокой войне лондонцев... Вот иракские журналисты заселяются в лучшие лондонские отели, выбирают себе номера с наилучшими видами на предстоящие боевые действия, привносят свои привычки. Они привезли с собой противогазы и пуленепробиваемые жилеты, у них в достатке запасов продовольствия и воды, а по вечерам они собираются в самых дорогих местных ресторанах, заинтересованные только одним: когда же, наконец, их президент даст приказ прикончить Лондон, а затем возьмет под контроль промышленность и порты Великобритании, установит на длительный период свое господство, чтобы постепенно подобрать кандидатов в дружественное ему местное правительство?*

Но вот уже Колин Пауэлл произнес свою обличительную речь в Совете Безопасности, вот уже война становится неизбежностью, и вопрос только в сроке... и на смену терпению приходит страх. Осне признается: ей страшно. Ей страшно ждать бомбежек на

седьмом этаже отеля *Палестина* напротив президентского дворца; ей страшно представить, что будет с Ираком потом. И страх царит кругом, пусть внешне и заглушаемый обычными багдадскими уличными шумами. Страх – в детях, которые находятся в ожидании войны. Осне встречается с ними вместе с норвежским психологом. Подростки не признаются вслух в своих страхах: «Мы будем защищаться». Но маленькие дети еще не могут фальшивить: «*Боюсь, что на меня упадут бомбы... что убьют папу и маму и я останусь одна... но, может быть, когда Буш увидит по телевидению мертвых детей, которых он убил, он остановится?*»

Дети, как и взрослые, готовятся к войне. Все умеют защищаться от химической атаки. И очень боятся, что американцы «*взорвут очень большую бомбу, от которой мы все умрем*». Осне не заостряет внимание на абсурдности ситуации, абсурд и так очевиден: американцы готовятся к войне с Ираком под предлогом того, что у Ирака есть химическое и ядерное оружие; у Ирака его нет, и детский страх – американское химическое и ядерное оружие, которое будет обращено против их страны.

В последние недели перед американским вторжением Осне становится немного легче общаться с людьми. Она слышит глухое недовольство шиитов и курдов против Саддама – вот-вот оно прорвется. Она сама не испытывает ни малейшей симпатии или сочувствия к Саддаму и его сыновьям, скорее брезгливость. Но она, как чуткий слушатель толпы, все чаще выхватывает и такие фразы, как, например, слова женщины по имени Мунтаха: «Мы съедем американцев, как если бы они были кроликами. Мы будем защищать себя кольями и камнями. Мы лучше сами выпьем свою нефть, чем отдадим ее американцам». Что это – эхо саддамовской пропаганды или предтеча *отечественной войны*? Осне все еще не уверена, но на ее пути встречается иракский священник-халдей, носящий в книге имя Альберт. Его пророчество все чаще и чаще, в разгар бомбежек, будет повторять сама Осне: «... а потом – гражданская война: курды... шииты... сунниты... террористы-самоубийцы».

Никаких террористов-самоубийц в Ираке в момент приезда туда Осне не было в помине. Они появляются накануне войны, как будто ниоткуда, а на самом деле – из Йемена, других арабских стран; их отбор ведется в той же гостинице, где живет Осне; в день взятия американцами Багдада они исчезнут, будто растворятся.

Не уверен, что *Багдадский Дневник* Осне станет, вслед за ее предыдущей книгой, бестселлером в сегодняшней, избравшей Буша Америке. Осне не входила в Багдад с победоносными американскими колоннами. Она была в Багдаде, когда на мирных жителей падали американские ракеты. И она смотрела в глаза родителям, чьи дети, за несколько минут до того игравшие на улице, вот уже лежат на асфальте, разорванные на куски: «За что?» – спрашивает ее отец, чей десятилетний сын лежит перед ним, в зеленых брючках, в майке, но майка разорвана – рана во всю грудь, от американского снаряда. «*Я не могу ответить ему, – пишет Осне, – потому что США думают, будто у Саддама Хусейна есть ОМУ. Слова застревают у меня в горле. Он умоляет об ответе – а мне нечего ответить*».

Осне делает фотографии убитых детей. У нее много таких фотографий. Но она знает, что ни одно из европейских или американских изданий, с которыми она сотрудничает – а таких изданий около десятка, и они все именитые, не опубликует фотографию лица маленькой девочки, убитой американской ракетой в Багдаде. Осне это лицо напоминает чистое лицо Мадонны. Но: «*Лицо убиенного ребенка – слишком сильный образ для международной прессы*».

«А ведь что такое по сути война, – пишет дальше Осне. – Ведь это когда люди умирают».

Если в Кабуле Осне обращалась к Толстому и его *Анне Карениной*, то в Багдаде наверняка не раз вспоминала Достоевского – стоят ли все эти битвы слезинки ребенка?

На глазах у Осне умирает все больше людей. Потом американцы входят в Багдад... потом – ликование одних, апатия – других, страх – третьих, гнев – четвертых...

У самой Осне на смену страху приходит, похоже, апатия. Ей хочется поскорее уехать отсюда. Ей не удается заглушить голоса улицы: «Буш разрушает мою страну»... «Он обе-

щал, что открывает двери для свободы, но вместо этого открыл двери для хаоса...». А вот и голос оккупанта, двадцатилетнего паренька из Массачусетса: *«Не знаю, правильная ли это война. Я вот там, в пустыне, думал о том, что мы делаем. Я против терроризма, но какая связь между Ираком и терроризмом? Я думаю, что это все из-за нефти. Ты видела? Хаос! И единственное министерство, которое нам поручено охранять, – Министерство нефти. Остальные пусть будут разграблены».*

Битва за людские сердца... Ее тоже нужно суметь выиграть, пишет Осне. Она знает, что американцы безнадежно проиграли эту битву. Но за сто и один день в Багдаде она не успела услышать, что же в этих иракских сердцах... Она пыталась заглянуть в историю, глубоко-глубоко, в историю предков иракцев, в Месопотамию, к шумерам, которые первыми разделили круг на 360 градусов, день – на 24 часа, час – на 60 минут и минуту – на 60 секунд; в Вавилон, с его *висячими садами*, о котором Геродот писал за четыре столетия до Рождества Христова, что его роскошь превосходит любой другой город в знаемом мире... Осне проходит через Ворота Иштар, ворота с вытянутой по-змеиному головой быка... Того Священного Быка, который был низвергнут уже много веков назад. Но тут Осне останавливается. Она пишет о людях сегодняшних – и людях простых; она сторонится исторических параллелей. Она не пишет про *отвлеченных драчунов*, будь то Навуходоносор или Захария, Буш или Саддам. Бродя по разрушенному, разграбленному, пошло отреставрированному и ожидающему новой разрухи Вавилону, она только и роняет: *... но это было много, много войн тому назад.*

Примечания

¹ Набоков Владимир. Собрание сочинений русского периода в 5 томах. Том 4. 1935–1937. Приглашение на казнь. Дар. Рассказы. Эссе. М., Издательство «Симпозиум», 2000.

² См. Seierstad Åsne. The Bookseller of Kabul. Translated from Norwegian by Ingrid Christophersen. Back Bay Books, N.Y.-Boston, 2004. P. 253–266.

ПИР-Центр политических исследований в России
выпустил в свет

DVD-ДИСК

«ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО СТРАН «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ» ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ И МАТЕРИАЛОВ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ».

*По материалам одноименной Конференции, проведенной
23–24 апреля 2004 г.*

Конференция «Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», **организованная ПИР-Центром и Советом по устойчивому партнерству для России (СУПР)**, собрала для обсуждения актуальных вопросов Глобального партнерства более **260 крупнейших специалистов из 21 страны мира**. В ходе двух дней участники обсудили основные аспекты программы, включая *химическое разоружение, утилизацию атомных подводных лодок, физическую защиту, учет и контроль ядерных материалов, биологическую безопасность, обучение и переподготовку специалистов-оружейников*.

Участники конференции не только обсуждали существующие проблемы, но и активно выработывали пути их решения: всего **было сделано более 60 докладов**. Среди докладчиков были *Чрезвычайные и Полномочные Послы, руководители крупнейших транснациональных компаний и предприятий, высокопоставленные правительственные эксперты, авторитетные генералы и крупнейшие российские и зарубежные ученые*, не понаслышке знающие проблематику Глобального партнерства.

В этой связи материалы конференции и плоды звучавших на ней дискуссий представляют несомненный интерес для всех, кто интересуется вопросами международного содействия России в области нераспространения и разоружения. Прекрасно осознавая этот факт, ПИР-Центр при поддержке Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США) и фонда «Инициатива по снижению ядерной угрозы» выпустил DVD-диск по материалам Международной конференции «Глобальное Партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения».

Диск содержит исчерпывающую информацию об этом представительном международном форуме, включая:

- Программу конференции;
- Видеоматериалы конференции;
- Аудиозаписи докладов;
- Тексты выступлений;
- Презентации докладов;
- Информацию о спонсорах конференции;
- Информацию об организаторах конференции.

За более подробной информацией по вопросам приобретения диска следует обращаться в компанию *Триалог* – официальному партнеру ПИР-Центра – по телефону (095) 764-9896, факсу (095) 234-9558 или электронной почте info@trialogue.ru

MATTHEW BUNN AND ANTHONY WEIR. SECURING THE BOMB 2005: THE NEW GLOBAL IMPERATIVES. Washington, D.C.: Project on Managing the Atom, Harvard University and Nuclear Threat Initiative, May 2005. 121 pp.

Четвертый по счету ежегодный доклад по проблемам ядерной безопасности, подготовленный исследователями из Гарвардского университета, содержит обновленные данные по характеру угроз в этой области, новую информацию о мерах по предотвращению распространения ядерного оружия и материалов, а также предлагает детальный набор рекомендаций для наиболее быстрого и эффективного решения существующих проблем ядерной безопасности.

Первые разделы доклада посвящены текущему состоянию угрозы ядерного терроризма и мерам по ее предотвращению, принятым на международном уровне за прошедший год. Среди этих новых мер, в частности, анализируются резолюция СБ ООН 1540, новая программа Министерства энергетики США по вывозу топлива исследовательских реакторов со всего мира, а также договоренности между США и Россией в области ядерной безопасности, достигнутые в ходе саммита в Братиславе в феврале 2005 г. В третьей главе содержится детальная оценка, с использованием ряда количественных показателей, того прогресса в деле обеспечения ядерной безопасности, который был достигнут в ходе реализации финансируемых США программ, а также анализируются перспективы дальнейшего сотрудничества. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на недостаточную скорость продвижения вперед по ряду направлений, реальный прогресс все же был достигнут и существуют предпосылки для его дальнейшего ускорения. Четвертая глава доклада посвящена анализу текущего и будущего бюджета США в области обеспечения безопасности ядерных материалов. Наконец, в последней, пятой главе доклада содержится набор рекомендаций по дальнейшему улучшению ситуации. Примечательно, что авторы предлагают перейти в американо-российском сотрудничестве от отношений «донор–реципиент» к настоящему партнерству. Авторы, в частности, предлагают, чтобы Россия вкладывала больше своих собственных ресурсов в программы по ядерной безопасности и участвовала во всех стадиях их разработки, реализации и оценки. Справедливо замечание авторов о том, что глобальные усилия в этой области сильно выиграют от большей вовлеченности России, так как она обладает лучшими отношениями с рядом критически важных стран, позволяющими ей договариваться с ними по вопросам ядерной безопасности, чего не могут сделать США.

GEORGE PERKOVICH, JESSICA T. MATHEWS, JOSEPH CIRINCIONE, ROSE GOTTEMOELLER, JON B. WOLFSTAL. UNIVERSAL COMPLIANCE: A STRATEGY FOR NUCLEAR SECURITY. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, March 2005.

Данная публикация представляет собой финальную версию доклада с одноименным названием, вышедшего в июне 2004 г. Прошлогодний доклад являлся одним из этапов 18-месячного процесса по выработке глобальной всеобъемлющей стратегии по борьбе с распространением оружия массового уничтожения и соответствующих материалов.

Прошлогодний проект доклада был представлен на Международной конференции по нераспространению Фонда Карнеги, состоявшейся в июне 2004 г. Было распространено более 9000 экземпляров доклада, и его авторы предложили читателям высказать свои замечания по тексту с целью выработки окончательного варианта. В ходе подготовки финального текста авторы доклада провели ряд встреч с представителями правительственных структур, НПО и общественных объединений практически по всему миру – в Китае, ближневосточных странах, Индии, Пакистане, в Европе, России, Японии, Южной Корее. Также были проведены консультации с представителями международных организаций – МАГАТЭ и КР. Помимо этого, авторы доклада провели ряд обсуждений с американскими официальными лицами и представителями атомной промышленности. Значительные изменения в тексте доклада по сравнению с его прошлогодней версией свидетельствуют о том, что в ходе консультаций была проделана значительная работа. По мнению авторов, финальная версия доклада представляет собой гораздо более глубокое понимание жизненных интересов, которые находятся в основе политики многих стран в области нераспространения. Авторы доклада уверены, что доклад уникален по своей глубине и содержащимся в нем нюансам благодаря методологии, использовавшейся при его подготовке. Действительно, получившийся продукт представляет собой один из немногих имеющихся на текущий момент полноохватных документов, содержащих как глубокий анализ, так и набор практических рекомендаций в отношении современного режима нераспространения ОМУ.

KENNETH M. POLLACK. THE PERSIAN PUZZLE: THE CONFLICT BETWEEN IRAN AND AMERICA. Random House, 2004. 576 pp.

Работа К. Поллака, бывшего аналитика ЦРУ и сотрудника Совета национальной безопасности США, представляет не только чисто научный интерес. Она посвящена весьма актуальной и злободневной теме – противостоянию США и Ирана, которое с разной степенью интенсивности продолжается уже на протяжении четверти столетия после исламской революции в Иране.

При анализе этой темы автор не ограничивается временными рамками последних двадцати пяти лет. Стремясь проанализировать истинные мотивы иранской политики и показать «всю картину», автор заглядывает в глубины истории Ирана, начиная от Древней Персии. В работе детально анализируются ирано-американские отношения до 1979 г. и предпосылки исламской революции в Иране. Значительная часть работы посвящена современному этапу ирано-американских отношений. В работе рассматриваются такие вопросы, как взаимодействие между США и Ираном во время ирано-иракской войны, противоречия между США и Ираном по вопросам Афганистана и Ирака, а также тайное противодействие Ирана интересам США в регионе Персидского залива, кульминацией которого явились террористические атаки в Саудовской Аравии в 1996 г. Особый интерес представляет анализ ядерных амбиций Ирана. Хотя такой анализ и не является основной целью работы, он все же достаточно полно представлен в ней.

Анализируя мотивы и стратегии как на иранской стороне, так и на стороне США, К. Поллак показывает, как политика этих стран завела их двухсторонние отношения в тупик, и демонстрирует имеющиеся у США варианты дальнейших действий в отношении Ирана. Хочется надеяться, что упомянутый в названии книги конфликт между США и Ираном не перерастет из своей нынешней латентной фазы в открытое военное противостояние. Отрадно, что автор книги демонстрирует достаточно здравого смысла и реализма, чтобы отметить возможность военного вторжения США в Иран, только если последний не проведет крупномасштабные атаки по типу 9/11 на американской территории.

Несмотря на то, что автор книги сам никогда в Иране не был и не владеет фарси, его работа является одним из самых полных и актуальных исследований современной иранской проблематики. Одна из главных ценностей книги заключается в том, что она позволяет по-новому взглянуть на восприятие Ирана со стороны лиц, ответственных за выработку политики США в отношении этой страны, и понять некоторые глубинные мотивы этой политики, что представляется крайне важным, учитывая, что в любых будущих усилиях по разрешению иранской проблемы США так или иначе будут играть ключевую роль.

E D I T O R I A L

- 7 **Time to Rethink the “War on Terrorism”** – Despite individual successes, the “war on terror” cannot be seen as a successful strategy. Influenced by the tragic terrorist act in New York and in solidarity with the American people, the global community gave Washington *carte blanche*, believing in its strength and ability to make considered and objective decisions in the interests of all who suffer from the development and consequences of terrorism. This was true of Russia too, one of the first to decide to support the United States by taking the geopolitical risk of agreeing to the positioning of U.S. military bases in Central Asia.

Four years have passed, and it has become clear that the primitive understanding of sources and, most importantly, methods to fight the terrorist plague is not providing the necessary results. There is no doubt that the military component plays an important role, but in the end, the neutralization of this cruel and extremely dangerous phenomenon can only be done through a combination of ideological, socio-economic, and military methods. This is the only path that will lead to a decisive improvement in international security. After the well-known events of this July, London understood this very well. One of Tony Blair’s first meetings after the terrorist attacks was a meeting with members of an Islamic group active in the United Kingdom. The decision to extradite Abu Qatada, the popular cleric and vehement propagandist of Islamic extremism, home to Jordan was an eloquent confirmation of the ideological aspect of the problem. Further, the U.K. ambassador to Russia recently announced that London is ready to send Akhmed Zakayev to Moscow if provided with proof of his involvement in terrorism.

In Washington, too, they finally are beginning to understand. It is no coincidence that the slogan “war on terror,” so sweet to hawks’ ears, is quietly disappearing from the lexicon of U.S. political actors. Even leaders in the Pentagon, who are drawn to military methods, have begun to admit that “there is a battle of ideas that will continue for a long time.” Currently, the focus of anti-terrorism is changing to fighting “violent extremism,” and is currently aimed first and foremost at Islamic extremists (although it is not limited to Islam).

Expenditures on the fight against terror and improving security are increasing throughout the globe. In 2006, Russia will spend a total of 10 billion rubles (2.2 billion in 2005) on these tasks. But even this in no way diminishes the need of undertake social policies and ideological work that would—together with efforts in the military sphere—help us to narrow the basis of support for terrorists on the part of certain parts of the Muslim community, first and foremost in the Northern Caucasus. The whole world needs to find effective ways to cut the ties between intransigent fighters and their ideologists, with whom negotiation is not possible, and the local population.

Russia will soon take up the presidency of the G8. Given recent positive developments in rethinking ways to fight terrorism, Russia, which has suffered so deeply from terrorism itself, could propose a renewed program (agreed to by others) to overcome terrorism.

I N T E R V I E W

- 11 **Konstantin Kosachev: “Russia Should Not Limit Itself to Building Relations Only with Contemporary Centers of Power”** – What are the priorities of Russia’s foreign policy, how Russia’s policy in the Former Soviet Union should be formed, which factors shape the US-Russian agenda? Konstantin Kosachev, the Chairman of the Committee on Foreign Affairs of the Russian State Duma answers these and some other questions of the journal’s editor-in-chief Vladimir Orlov.
- 21 **Viktor Murogov: “Russia Is “Doomed” To Develop Nuclear Power Industry”** – Former Deputy Director General of the IAEA Viktor Murogov in his interview to the journal’s correspondent Nadezhda Logutova discusses future prospects for development of the nuclear power industry in the world as a stabilizing factor of energy-related, social and political progress, and the role of Russian technologies in this process. According to the well-known Russian expert, today Russia faces an urgent need to develop and implement technological innovations, which would ensure long-term and large-scale development of the country’s nuclear power industry.

A N A L Y S I S

- 31 **The Right To Withdraw From The Nuclear Non-Proliferation Treaty: The Views of Two NPT Negotiators – George Bunn, Roland Timerbaev** – Why a provision limiting the right to withdraw from the NPT has been included in the text of the Treaty? What powers does the withdrawal clause vest in the NPT member states and in the UN Security Council in order to solve the problem of opting out of the Treaty by DPRK or Iran, or any other member state? These and other questions are considered in the joint work by two “co-authors” of the Treaty, Ambassador Roland Timerbaev, Chairman of the PIR Center Executive Board and George Bunn, Consulting Professor, Stanford University.
- 45 **On the Issue of Nuclear Weapons’ Role in Ensuring Russia’s Security in the XXI Century – Aleksandr Saveliev** – Current lack of large-scale and credible threats to Russia’s security does not liberate the country’s leadership from its responsibility “to remember about war”, including the development and improvement of operational plans for nuclear forces, which may be used in case if such threats will arise. Considering options of the country’s leadership in a crisis situation, linked to a possibility of the nuclear weapons use, which is envisaged in officially approved regulations, strategies, and doctrines, Aleksandr Saveliev, Head of Strategic Studies Department, Center of International Security, IMEMO, Russian Academy of Sciences, and professor of the World Politics Department at the Moscow State University, proposes a number of different measures, aimed at prevention of escalation of such a crisis into a more serious conflict.
- 57 **The Prospects of US Nuclear Policy After the George W. Bush Administration – Nikolay Sokov** – The evolution of US nuclear policy continues drawing close attention all across the globe. According to the opinion of the author, a Senior Research Associate of the Center for Nonproliferation Studies at Monterey Institute of International Studies, in fact, the practical steps taken in the recent years are very modest (at least compared to budgetary requests), and even they meet stiff resistance in the US Congress and opposition of political and expert elites. Therefore, one can say that the world community reacts not to real steps, but rather to its own expectations related to the future direction of the US policy.
- 69 **Proliferation Security Initiative: Looking from Russia – Marat Berdyev, Maria Prokhorova** – Based on detailed analysis of various aspects of the PSI – the US

President's initiative in interception and searching shipments, suspected in transporting materials that can be used for WMD production, the Diplomatic Academy trainee and expert of the Institute for US and Canadian Studies assess conformity of the initiative with the international law. The authors consider the reasons of Russia's accession to the initiative and possible consequences of this action for Russia.

- 79 **Information Security and Globalization – Aleksandr Fedorov** – The transition to the “information society” leads not only to economic growth, creation of global industries and strengthening the countermeasures against “new challenges”, but also to enhancement of opportunities for using the methods of economic and military information confrontation, and information warfare means in economic and political spheres. Aleksandr Fedorov, an expert of the Russian Foreign Intelligence Service, analyses the issues related to ensuring global security through the perspective of solving the problem of international information security.

V I E W P O I N T

- 87 **The Threat of Bioterrorism: Role of Mass Media – Aleksandr Rabodzey** – Information on bioterrorism is based on a small number of facts and it is significantly polarized due to the interests of various groups. As a consequence, many materials on the threat of bioterrorism reflect a pre-conceived point of view and distort facts for the reasons mentioned above. According to Aleksandr Rabodzey, an expert of the Center for Security Studies at the Massachusetts Institute of Technology, the threat of bioterrorism, nurtured by distorted information, is becoming ever more realistic due to agitation created around it and due to its predicted consequences for the society.

C O M M E N T A R Y

- 95 **The NPT Review Conference: in Search of Consensus – William Potter** – The NPT Review Conference, which took place in May 2005 in New York has ended in failure, being unable to adopt a final document. However, even despite the pessimistic forecasts of the results of the Conference, which had been made on the eve of its opening, the author of this article, director of the US-based Center for Nonproliferation Studies was surprised by the extent of tensions inside many major political groups and by the energy displayed by one of the member states in blocking almost any attempt to reach consensus both on procedural and on substantive issues.
- 105 **Results of the NPT Review Conference and Pakistan's Nuclear Policy – Masood Khan** – Pakistan is not a member of the NPT and it has not been represented at the NPT Review Conference. However the failure of the Conference requires the expert community to go back to the genesis and raison d'être of Pakistan's nuclear program, Islamabad's official vision of contemporary South Asia, its security architecture and of the future of the international non-proliferation regime. A commentary on Pakistan's nuclear policy by Ambassador Masood Khan, Permanent Representative of Pakistan to the United Nations at Geneva gives a lot of food for thought in this regard.

S U R V E Y

- 113 **Civilian Control over the Armed Forces in Russia: History and Future Prospects – Yuri Nazarkin** – Presence of civilian control over military activities of a state is not only a necessary component of a democratic state, but also an essential precondition for increasing its efficiency and combat effectiveness of its military. A well-known Russian diplomat, former arms control negotiator, Ambassador Yuri Nazarkin reflects on the existing principles of control over the armed forces in contemporary Russia.
- 127 **“Second Line of Defense” Results of International Cooperation in the Zone of Operations of Astrakhan Customs – Katya Shadrina** – An important role in

strengthening controls over shipments of nuclear and radioactive materials through Russian borders is played by an international program entitled "Second Line of Defense". Katya Shadrina, an expert of the Geneva Centre for Security Policy, examines the mechanisms, which are aimed at countering the threat of illicit trans-border trafficking in sensitive materials with specific reference to implementation of the program at Astrakhan Customs.

H I S T O R I C A L P A G E S

- 145 **Deideologized Diplomacy: an Experience of US-Soviet Strategic Arms Limitation and Arms Reduction Talks – Aleksey Obukhov** – During the Cold War there was a sphere of diplomacy, which practiced deideologization and pragmatism long before the revelations of *Perestroika*. They were done without much fuss and publicity, both due to conditions that existed at that time and also because there was no other alternative way. One of the participants of those events, Ambassador Aleksey Obukhov, former arms control negotiator and a deputy foreign minister of Russia, remembers nuclear arms negotiations between the USSR and the United States, which were kind of a testing ground for deideologized diplomacy.

L I B R A R Y

- 157 **The Smell of Fear, the Smell of Dust – Vladimir Orlov** – A review of Åsne Seierstad's books dedicated to the two central events of the last five years in world politics: defeat of the Taliban regime in Afghanistan and American invasion of Iraq. The books by this author do not offer a profound political analysis of origins and consequences; a clash of geopolitical interests is not visible there either. *A Baghdad Journal* and *The Bookseller of Kabul* by the Norwegian journalist consider *democratization* of Afghanistan and Iraq through voices, faces, and thoughts of ordinary people, the "little guys", *overwhelmed* by war.
- 163 **New Books – Daniil Kobayakov** – A summary of the most interesting new books received by the PIR Center library.

S U M M A R Y

A B O U T T H E A U T H O R S

P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

S U B S C R I P T I O N I N F O R M A T I O N

G L O B A L P A R T N E R S H I P B U L L E T I N

after
p. 112

The PIR Center and *Yaderny Kontrol* have just published a new issue of the bulletin, dedicated to the course of the Global Partnership program in Russia. This issue includes an exclusive report from the G8 Summit at Gleneagles, visited by the editor of the bulletin, PIR Center Research Associate Aleksandr Bulychev, and provides the latest data on financing of the program, as well as recent news about implementation of the program. On the eve of Russia's presidency in the G8, the readers are offered a special section, dedicated to this event.

Банн Джордж – профессор-консультант Стэнфордского университета (Калифорния, США). Ветеран Второй мировой войны, служил в ВМФ США на Тихом океане. Получив после войны юридическое образование, работал в правительственных учреждениях, занимающихся вопросами атомной энергии. Участвовал в разработке Закона об образовании Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР). Работал в АКВР руководителем юридического отдела, был членом и главой делегации США в Женевском комитете по разоружению. Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В течение ряда лет был на преподавательской работе, автор многочисленных публикаций. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: gbunn1@stanford.edu

Бердыев Марат Владимирович – слушатель Дипломатической Академии МИД России. Родился в 1973 г. в Ашхабаде, Туркменская ССР. В 1995 г. окончил Туркменский государственный университет, в 2005 г. – Женевский центр политики безопасности. Сфера научных интересов – военно-политическая проблематика, нераспространение, разоружение. Адрес электронной почты: maratberdyev@yahoo.com

Кобяков Даниил Олегович – независимый эксперт. В 2003-2004 гг. – научный сотрудник ПИР-Центра, координатор проектов «Глобальное партнерство» и «Серые зоны распространения». Родился в 1978 г. В 1999 г. с отличием окончил факультет международных отношений СПбГУ, в 2002 г. – магистратуру Монтерейского института международных исследований. В январе–сентябре 2002 г. проходил стажировку в секретариате Конференции по разоружению в Женеве. В июне 2003 г. с отличием окончил магистратуру МГИМО. Область научных интересов включает вопросы международной безопасности, в том числе нераспространения ОМУ, разоружения и международных переговоров. Соредатор справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» (2005), соавтор доклада «The G8 Global Partnership on Weapons of Mass Destruction: What Next? (2005)». Адрес электронной почты: dankobyakov@yahoo.com

Косачев Константин Иосифович – председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Родился в 1962 г. В 1984 г. с отличием окончил Московский Государственный институт международных отношений МИД СССР по специальности «международные отношения». В 1991 г. – факультет повышения квалификации Дипломатической академии МИД СССР. За время трудовой деятельности в МИД СССР, затем России (1984–1998 гг.) прошел путь от дежурного референта посольства до заместителя директора департамента. В 1998–1999 гг. являлся помощником, затем заместителем руководителя Секретариата Председателя Правительства Российской Федерации, отвечая за блок международных вопросов. В 1999–2003 гг. – депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по международным делам, входил в состав Постоянной комиссии Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ по внешнеполитическим

вопросам, был членом постоянной делегации ФС РФ в Парламентской Ассамблее ОБСЕ от Государственной Думы. В декабре 2003 г. был избран депутатом Государственной Думы четвертого созыва. С 7 декабря 2003 г. – председатель Комитета по международным делам. Действительный Государственный Советник Российской Федерации второго класса. Чрезвычайный и Полномочный Посланник второго класса.

Муроков Виктор Михайлович – профессор Обнинского института атомной энергетики. Ранее – директор Физико-энергетического института (г. Обнинск, Калужская обл.), заместитель генерального директора МАГАТЭ, директор Департамента атомной энергии МАГАТЭ. Родился 7 июня 1938 в г. Рыбинск Ярославской области. Окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Адрес электронной почты: victor_murogov@mail.ru

Назаркин Юрий Константинович – Чрезвычайный и Полномочный Посол. Родился в 1932 г. в Москве. В 1956 г. окончил МГИМО. В 1978 г. получил степень кандидата исторических наук. С 1956 по 1992 гг. работал в МИД СССР/России, в том числе Послом по особым поручениям, руководителем делегации СССР на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям (СНВ-1), возглавлял Департамент по разоружению и контролю за военными технологиями МИД РФ. С 1992 по 1995 гг. – в Совете безопасности Российской Федерации: заместитель секретаря – начальник Управления. В дальнейшем – сотрудник Женевского Центра политики безопасности, Женевского Центра демократического контроля над вооруженными силами. Круг научных интересов: проблемы международной безопасности, в том числе контроля над вооружениями. Адрес электронной почты: nazarkine@bluewin.ch

Обухов Алексей Александрович – Чрезвычайный и Полномочный Посол. Родился в 1937 г. Окончил МГИМО в 1961 г. В 1962–1963 гг. по студенческому обмену находился в Чикагском университете. С 1965 по 2002 г. работал в МИД СССР/России. Кандидат исторических наук. В 1987–1988 гг. – глава советской делегации на переговорах с США по ядерным и космическим вооружениям. С 1988 по 1990 г. – заведующий отделом США и Канады. В 1990–1991 гг. – заместитель министра иностранных дел СССР. С 1992 по 1996 г. – посол РФ в Дании. С 1996 по 2002 г. – посол по особым поручениям РФ. Автор монографии «Философия политики силы». М.: Международные Отношения, 1972. Адрес электронной почты: moscowsuper@mtu-net.ru

Орлов Владимир Андреевич – создатель ПИР-Центра; директор и член Совета ПИР-Центра с момента основания; главный редактор журнала *Ядерный Контроль*; член Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской Академии наук, со-директор Программы по европейской безопасности Женевского Центра политики безопасности. Родился в 1968 г. в г. Москве. В 1990 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД РФ. Кандидат политических наук, специалист в области нераспространения ядерного оружия и экспортного контроля, предотвращения несанкционированного доступа к ядерным материалам и ядерного терроризма. Работал в качестве политического обозревателя, начальника отдела, вице-президента и члена Совета директоров газеты *Московские Новости*. В 2001–2002 гг. – консультант ООН по вопросам образования в области контроля над вооружениями и разоружения. Является членом Российского отделения Института управления ядерными материалами, членом Международного института стратегических исследований (Лондон). Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Соавтор и редактор ряда книг по ядерному нераспространению, изданных в России и за рубежом, в том числе «Dismantling the Cold War» (1997), «Dangerous Weapons, Desperate States» (1999), сборника статей «Экспортный Контроль в России: политика и практика» (2000), справочника «Контроль над ядерными вооружениями и военной деятельностью» (2001), учебника «Ядерное нераспространение» в двух томах (2002), справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» (2005), книги «Preventing Nuclear Meltdown: Managing Decentralization of Russia's Nuclear Complex» (2004). Является автором публикаций в газетах *Ведомости*, *Московские Новости*, в журналах *Ядерный Контроль*, *Washington Quarterly*, *Bulletin of the Atomic Scientists*, *Nonproliferation Review*,

Pro et Contra и в других российских и зарубежных изданиях. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Поттер Уильям – директор Центра изучения проблем нераспространения при Монтерейском институте международных исследований (Калифорния, США), руководитель Центра изучения России и Евразии. Родился в 1947 г. в Нью-Брунsvике (Нью-Джерси, США). В 1969 г. окончил Южно-Иллинойский университет. В 1970 г. получил степень магистра и в 1976 г. – доктора философии в Мичиганском университете. Является членом Совета по международным отношениям Тихоокеанского совета по внешней политике и Международного института стратегических исследований, правления Института ООН по изучению проблем нераспространения, совместной рабочей группы по ядерному нераспространению Национальной академии наук США и Российской академии наук, Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. В течение пяти лет являлся советником Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения. Являлся советником делегации Киргизии на Конференциях по рассмотрению действия ДНЯО в 1995, 2000, 2005 гг. Занимается проблемами нераспространения на постсоветском пространстве. Его статьи и работы опубликованы в более чем в 80 книгах и журналах. Адрес электронной почты: wpotter@miis.edu

Прохорова Мария Константиновна – студентка факультета мировой политики Института США и Канады РАН по специальности «международная безопасность». Родилась в 1984 г. в Москве. В 2004 г. проходила стажировку в МИД России. Сфера научных интересов – военно-политическая проблематика, международная безопасность, проблемы нераспространения. Адрес электронной почты: catty-7@yandex.ru

Рабодзей Александр Александрович – сотрудник Центра изучения вопросов безопасности при Факультете политических исследований в Массачусетском технологическом институте. Родился в 1980 г. В 2001 г. получил диплом бакалавра с отличием в Московском Физико-техническом институте по специальности биофизика. В 2001 г. поступил в аспирантуру Массачусетского технологического института (США). В 2003 г. защитил диплом магистра по специальности «биоинженерия». Заканчивает работу над кандидатской диссертацией в области биологической инженерии. С 2003 г. – сотрудник Центра изучения вопросов безопасности. Рецензент журнала *Politics and the Life Sciences*, лауреат премии американской *Association for Politics and the Life Sciences* 2004 г. за статью о предотвращении угрозы биотерроризма. Адрес электронной почты: rabodzey@arm-scontrol.ru

Савельев Александр Георгиевич – заведующий отделом стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, профессор Факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Родился в 1950 г. В 1971 г. окончил Московский институт народного хозяйства. В 1982 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата экономических наук, в 2001 г. – доктора политических наук. С 1973 г. работает в ИМЭМО РАН. В 1989-1991 гг. в качестве представителя Академии Наук СССР принимал участие в советско-американских переговорах СНВ-1 (группа по обороне и космосу) в должности советника делегации СССР. Автор более 70 научных работ, включая книгу «Большая Пятёрка. Механизм выработки решений по контролю над вооружениями в СССР» (в соавторстве с Н.Н. Детиновым, США, 1995 г.) и монографию «Политические и военно-стратегические аспекты Договоров СНВ-1 и СНВ-2». (ИМЭМО РАН, 2000 г.). Является признанным специалистом в области российско-американских стратегических отношений, контроля над вооружениями, ядерных доктрин и стратегий, принятия решений в сфере безопасности. Сфера научных интересов – проблемы военной экономики, международной безопасности и контроля над вооружениями. Адрес электронной почты: saveliev@imemo.ru

Соков Николай Николаевич – старший научный сотрудник Центра изучения проблем нераспространения при Монтерейском институте международных исследований. Родился в 1958 г. в Москве. В 1981 г. окончил исторический факультет МГУ. В 1986 г. получил степень кандидата исторических наук (Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР) и в 1996 г. – степень доктора философии (Мичиганский универси-

тет). С 1987 по 1992 г. работал в МИД СССР/РФ. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор многочисленных публикаций в российских и американских журналах. В 2000 г. выпустил книгу «Russian Strategic Modernization: Past and Future». Является соавтором учебника для высших учебных заведений «Ядерное нераспространение». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2002. Занимается вопросами ядерного разоружения и военных доктрин, а также изучением влияния национальной культуры на переговорный стиль. Адрес электронной почты: nsokov@miis.edu

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета ПИР-Центра. В 1949 г. окончил МГИМО МИД СССР. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР/России. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России в международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: ПИР-Центр, 2000. Автор двух глав учебника «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: ПИР-Центр, 2000 и 2002. Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М.: ПИР-Центр, 2001; монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». М.: ПИР-Центр, 2001; работ «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2001, № 17; «Международный контроль над атомной энергией». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2003, № 22; «Режим нераспространения на современном этапе и его перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2004, № 25. Адрес электронной почты: timerbaev@pircenter.org

Федоров Александр Валентинович – эксперт Службы внешней разведки России. Родился в 1955 г. Окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (факультет вычислительной математики и кибернетики). После окончания учебы работал в учреждениях государственного аппарата. Занимался проблемами разоружения и нераспространения ОМУ. Кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник. Соавтор и редактор монографий: «Супертерроризм: новый вызов нового века» (ПИР-Центр, 2002) и «Информационные вызовы национальной и международной безопасности» (ПИР-Центр, 2001). Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: amfedorovs@mtu-net.ru

Хан Масуд – Постоянный представитель Пакистана при ООН в Женеве. Имеет 25-летний опыт работы в Министерстве иностранных дел Пакистана. Работал официальным представителем МИД Пакистана. Является экспертом в вопросах многосторонней дипломатии, безопасности и разоружения, прав человека и социального развития, а также двустороннего сотрудничества Пакистана с Китаем, США и странами Южной Азии.

Шадрина Екатерина Викторовна – консультант ПИР-Центра в рамках проекта «Глобальное партнерство против распространения ОМУ». В 1997 г. получила диплом с отличием в Астраханском государственном университете по специальности иностранные языки. В 2000 г. – стипендиат программы «Чивнинг» (Chevening Scholar) Британского Совета. В 2002 г. – с отличием защитила диплом магистра по специальности «дипломатия» в Вестминстерском университете (Великобритания). В настоящее время – сотрудник Женевского Центра политики безопасности. Адрес электронной почты: k.shadrina@gcsp.ch

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 5 октября 2005 г.)

Антипов Сергей Викторович, к. ф.-м. н, заместитель руководителя, Федеральное агентство по атомной энергии РФ, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружению, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, член-корреспондент РАН, член научного совета, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра Международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Беляева Марина Павловна, советник, Управление международного и внешнеэкономического сотрудничества, Федеральное агентство по атомной энергии, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Волландер Селест, д-р, директор, старший научный сотрудник, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Володин Юрий Георгиевич, старший специалист, Департамент ядерной безопасности, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина» (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, ведущий научный сотрудник, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

- Данапала** Джаянта, генеральный секретарь по координации мирного процесса, Администрация Президента, Коломбо, Шри-Ланка
- Джонсон** Ребекка, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания
- Евстафьев** Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., вице-президент, *Крос*, Москва, Россия
- Елеукинов** Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., директор, Департамент гуманитарного и экономического сотрудничества, Министерство иностранных дел Республики Казахстан, Астана, Казахстан
- Есин** Виктор Иванович, генерал-полковник (в отставке), первый Вице-президент, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, Москва, Россия
- Зведре** Евгений Константинович, советник по науке и технике, Посольство РФ в США, Вашингтон, США
- Институт стратегической стабильности**, Москва, Россия
- Калинина** Наталия Ивановна, д.м.н., заместитель начальника инспекции, Счетная Палата РФ, Москва, Россия
- Кириченко** Элина Всеволодовна, к.э.н., заведующая центром, Центр Североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия
- Козлов** Виктор Васильевич, д.э.н., Москва, Россия
- Колтунов** Виктор Стефанович, генерал-майор (в отставке), проф., заместитель директора по научным вопросам, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия
- Кортунов** Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия
- Краснов** Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия
- Лаверов** Николай Павлович, академик РАН, вице-президент, Российская Академия Наук, Москва, Россия
- Ладыгин** Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник, Группа *Глобал Консалтинг*, Москва, Россия
- Лебедев** Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, Правительство Москвы, Москва, Россия
- Лысенко** Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия
- Льюис** Патриция, д-р, директор, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария
- Макиенко** Константин Владимирович, заместитель директора, Центр АСТ, Москва, Россия
- Маргелов** Михаил Витальевич, председатель комитета, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия
- Мисюченко** Владимир Федорович, к.ф.н., заместитель главного редактора, *Национальный Банковский Журнал*, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и регулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., директор, Центр стратегических исследований, Москва, Россия

Подвиг Павел Леонардович, к.п.н., научный сотрудник, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, академик РАН, вице-президент, РИЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

РИЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник, Посольство РФ, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом, Отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, проф., к.э.н., президент, Институт изучения Ближнего Востока, Москва, Россия

Сафранчук Иван Алексеевич, к.п.н., глава представительства, Центр оборонной информации, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, проф., д.т.н., советник, Постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сиринционе Джозеф, директор, Программа «Проблемы нераспространения оружия массового уничтожения», Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Организация объединенных наций, Нью-Йорк, США

Смит Харольд, д-р, проф., Голдменский институт общественной политики, Калифорнийский университет, Беркли, США

Соков Николай Николаевич, д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

И
Н
Т
Е
Л
Е
Т
С
К
Э
У
С
О
К

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., руководитель группы, Группа по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., советник, Управление международного права, Конституционный Суд Российской Федерации, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, проф., первый проректор, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф-м.н., Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы *ВВС*, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, директор, Департамент правового обеспечения, Министерство информационных технологий и связи РФ, Москва, Россия

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

Журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке)

выходит четыре раза в год

Стоимость подписки на 2006 год – **3000 руб.**

Оформление подписки для резидентов РФ

Реализацией издания на территории России и СНГ занимаются:

- **Агентство «РОСПЕЧАТЬ»**

Информация о подписке на 2006 г. находится в *каталоге «ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ»*.

Индекс издания – **79280**

- **ООО «ТРИАЛОГ»**

Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный подписной купон вместе с квитанцией об оплате следует направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

Оформление подписки для нерезидентов РФ

ПИР-Центр принимает к оплате чеки зарубежных банков в долларах США. Чеки на имя **Center for Policy Studies in Russia** следует направлять по адресу:

P.O. Box 137, 121019, Moscow, Russia, Trialogue Company

В этом случае стоимость подписки на журнал «Ядерный Контроль» на 2006 г. составит:

Журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке) **100 долл. США**

Реализацией журнала за рубежом занимается агентство:

East View Publications

Представительство в России

тел.: +7-095-777-6558

факс: +7-095-318-0881

<http://www.eastview.com>

**По всем вопросам оформления подписки
следует обращаться к партнеру ПИР-Центра по изданию и распространению
компании «Триалог»**

по тел.: +7-095-764-9896

факс: +7-095-234-9558

e-mail: info@trialogue.ru

121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

<http://www.trialogue.ru>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

«Ядерный Контроль», журнал на русском языке

Ф. И. О. получателя (полностью)

Организация, должность

Период подписки: 2006 год

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Количество экземпляров

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

«Ядерный Контроль», журнал на русском языке

Наименование организации

Период подписки: 2006 год

Юридический адрес

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Р/с

ИНН

Количество экземпляров _____

Извещение

ООО «Триалог»
 (наименование получателя)
ИНН 7729422765
 ИНН получателя платежа
№ р/сч 40702810738250120106
 (номер счета получателя платежа)
Люблинское ОСБ №7977, г. Москва
 (наименование банка и банковские
 реквизиты)
к/сч 30101810400000000225
БИК 044525225
 Подписка на журнал

 (наименование платежа)

Кассир

Сумма
 платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Квитанция

ООО «Триалог»
 (наименование получателя)
ИНН 7729422765
 ИНН получателя платежа
№ р/сч 40702810738250120106
 (номер счета получателя платежа)
Люблинское ОСБ №7977, г. Москва
 (наименование банка и банковские
 реквизиты)
к/сч 30101810400000000225
БИК 044525225
 Подписка на журнал

 (наименование платежа)

Кассир

Сумма
 платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Количество экземпляров _____

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)